

Институт археологии им. А.Х. Маргулана

УДК 903/904«636»(574.2+470.55/.58)

На правах рукописи

ЗАХАРОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Изучение энеолита Северного Казахстана и Южного Зауралья

07.00.06 - Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д.и.н. Зайберт В.Ф.

Республика Казахстан
Алматы, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	5
1 ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ.....	12
1.1 Археологическая историография как отрасль археологической науки.....	12
1.2 Проблема археологического определения эпохи энеолита Урало-Казахстанских степей.....	15
1.3 Определение понятия «археологическая культура».....	22
2 ИЗУЧЕНИЕ ЭНЕОЛИТА СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА.....	25
2.1 Выделение и изучение ботайской культуры.....	25
2.2 Выделение и изучение терсекской культуры.....	36
2.3 Изучение памятников энеолита на территории Павлодарского Прииртышья.....	55
2.4 Выводы.....	62
3 ИЗУЧЕНИЕ ЭНЕОЛИТА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ.....	69
3.1 Выделение первых культурных образований эпохи энеолита на территории Южного Зауралья.....	69
3.2 Выделение и изучение кысыкульской культуры.....	73
3.3 Выделение и изучение суртандинской культуры.....	81
3.4 Изучение кысыкульской и суртандинской культур на современном этапе.....	97
3.5 Изучение «боборыкинской» культуры в Южном Зауралье.....	104
3.6 Выводы.....	108
4 ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ В ЭНЕОЛИТОВЕДЕНИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА И ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ.....	114
4.1 Вопрос культурной интерпретации памятников энеолита Северного Казахстана.....	114
4.2 Вопросы моделирования общностей энеолитических культур региона.....	121
4.3 Вопросы моделирования экономического контекста энеолитических культур.....	132
4.4 Выводы.....	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	148
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	154
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	167

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АН Каз. ССР	–	Академия Наук Казахской Советской Социалистической Республики
АН СССР	–	Академия Наук СССР
АО	–	Археологические открытия
АЭБ	–	Археология и этнография Башкирии
БАССР	–	Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БГУ	–	Башкирский государственный университет
БКИЧП	–	Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
в т.ч.	–	в том числе
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала
г.	–	город
г., гг.	–	год, годы
др.	–	другой, другие
ИА АН СССР	–	Институт археологии АН СССР
ИА НАН РК	–	Институт археологии им. А.Х. Маргулана НАН РК
ИА РАН	–	Институт археологии Российской Академии Наук
ИГАН Каз.ССР	–	Институт геологии АН Каз. ССР
ИИАЭ АН Каз. ССР	–	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН Каз. ССР
ИИМК АН СССР	–	Институт истории материальной культуры АН СССР
им.	–	имени
ИПОС СО РАН	–	Институт проблем освоения Севера СО РАН
Каз. ССР	–	Казахская Советская Социалистическая Республика
Каз. ФАН СССР	–	Казахский филиал АН СССР
КазПИ	–	Казахский педагогический институт
КарГУ	–	Карагандинский государственный университет
КемГУ	–	Кемеровский государственный университет
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КГПИ	–	Куйбышевский государственный педагогический институт
КХТ	–	культурно-хозяйственный тип
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР	–	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
м	–	метр
М.	–	Москва
МН-АН РК	–	Министерство науки – Академия Наук РК
МГУ	–	Московский государственный университет им.

	–	М.В. Ломоносова
МИА	–	Материалы и исследования по археологии
НАН РК	–	Национальная Академия Наук Республики Казахстан
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
НПФ «ЭКО»	–	Научно-производственная фирма «ЭКО»
ОИН АН СССР	–	Отделение исторических наук АН СССР
ОмГУ	–	Омский государственный университет
ОрГПИ	–	Оренбургский государственный педагогический институт
ПАЭ	–	Павлодарская археологическая экспедиция
ППИ	–	Петропавловский педагогический институт
РА	–	Российская археология
РАН	–	Российская Академия Наук
РК	–	Республика Казахстан
РСФСР	–	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
с.	–	страница
С.-Пб.	–	Санкт-Петербург
СА	–	Советская археология
СКАЭ	–	Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
СНГ	–	Содружество Независимых Государств
СО РАН	–	Сибирское отделение РАН
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
Т.	–	том
т.д.	–	так далее
т.п.	–	тому подобное
тыс.	–	тысяча
ТомГУ		Томский государственный университет
ТюмГУ	–	Тюменский государственный университет
УКАЭ	–	Урало-Казахстанская археологическая экспедиция
УНЦ АН СССР	–	Уральский научный Центр АН СССР
УО Рос. АН	–	Уральское отделение Российской АН
УрГУ	–	Уральский государственный университет
УрО АН СССР	–	Уральское отделение АН СССР
ХКТ	–	хозяйственно-культурный тип
ЧелГУ	–	Челябинский государственный университет
ЧНЦ УрО РАН	–	Челябинский научный центр УрО РАН
ЧГПУ	–	Челябинский государственный педагогический университет
ЮУрГУ	–	Южно-Уральский государственный университет

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Энеолитические памятники Северного Казахстана и Южного Зауралья с точки зрения физико-географического районирования расположены на стыке территорий трех стран: Казахской складчатой, Уральской горной и Западно-Сибирской низменности (рисунок А1). В Казахской складчатой стране энеолитические памятники сконцентрированы на западной и северной ее окраинах [1, с. 299]. В рамках Уральской горной страны они расположены на ее юго-восточной оконечности - в восточной части области Южного Урала [1, с. 138-139]. На территории страны Западносибирской низменности они расположены в ее южной части - в Западно-Сибирской провинции зоны лесостепей (область Тоболо-Ишимской лесостепной равнины) и Западно-Сибирской провинции степной зоны (западная ее половина) [1, с. 346-354]. Эта обширная территория включает в себя такие геоморфологические районы, как Тургайское плато, Тургайскую впадину, южную часть Западно-Сибирской низменности, северную часть Казахского мелкосопочника, приподнятые горные массивы Южного Урала, остаточные горы восточного склона Урала, Зауральский пенеплен.

С точки зрения ландшафтной зональности территория распространения энеолитических памятников в настоящее время включает в себя горнолесную зону (только для Южного Зауралья), лесостепь, степь, а в отношении памятников в верховьях Тургая - и полупустыню [1, с. 129, 138-139; 2, с. 163-171]. Располагаясь на территории окраин трех физико-географических стран и двух соседних государств памятники энеолита Северного Казахстана и Южного Зауралья, в целом, находятся на территории единого географического и историко-культурного региона - Урало-Иртышского междуречья, имеют много общего в материальной культуре, истории их формирования и научного изучения. С самого начала открытия первых памятников, изучение энеолитической культуры Северного Казахстана и Южного Зауралья шло взаимосвязанно и взаимозависимо, имея общие историю, достижения и проблемы.

На сегодняшний день в Казахстанском Приишимье масштабными раскопками изучено 6 поселений [3, с. 134]. В Тургайском прогибе известно 32 памятника [4, с. 16]. В Южном Зауралье исследовано около 50 памятников эпохи энеолита [5, с. 30]. В общей сложности, на сегодняшний день в Северном Казахстане и Южном Зауралье известно и изучено около 90 памятников эпохи энеолита (рисунок А2). На основе их изучения на лесостепном-степном пространстве от Южного Урала на западе и до Иртыша на востоке была выделена новая самостоятельная историческая эпоха - энеолит, а также целый ряд культурных вариантов и археологических культур [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Становление современного знания о энеолитической культуре Южного Зауралья и Северного Казахстана происходило сложным путем. Изучение энеолитической эпохи имеет 70-летнюю историю, преимущественно, в рамках советской археологии, наполненную открытиями и исследованиями памятников, формированием научных взглядов и идей, заблуждениями, острой полемикой, яркой деятельностью отдельных личностей и целых научных коллективов.

К настоящему времени в энеолитоведении рассматриваемых регионов сложилась ситуация, о которой можно говорить, что к концу 1990-х гг. завершился определенный крупный этап в изучении энеолитической эпохи, достигнуты весьма важные результаты, сформировались устоявшиеся представления и выявились основные противоречия и нерешенные проблемы.

Для дальнейшего поступательного и эффективного развития энеолитических исследований необходимо осмыслить пройденный наукой путь и достигнутые результаты. Это делает очень актуальным проведение специального исследования по истории изучения энеолитической эпохи на территории Северного Казахстана и Южного Зауралья. С нашей точки зрения, результаты, достигнутые в ходе исследования, позволят выявить назревшие проблемы, нерешенные вопросы и задачи, стоящие, как в деле изучения энеолитической культуры в Казахстанско-Зауральском регионе, так и в энеолитоведении как отрасли археологической науки Казахстана. Полученные результаты позволят скорректировать приоритетные направления осуществления программы «Культурное наследие» в области исследования энеолитической культуры Казахстана и будут, в перспективе, отправной точкой изучения энеолита на новом этапе, но уже в условиях государственного суверенитета. Результаты диссертационной работы позволят выявить достигнутый казахстанской археологией энеолита уровень исследований и на этой основе выявить ее роль и место в энеолитоведении соседних регионов Казахстана и России.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является процесс изучения энеолита Северного Казахстана и Южного Зауралья. В качестве предмета исследования выступает история открытия и изучения памятников энеолита на территории Северного Казахстана и Южного Зауралья, история выделения энеолитической эпохи и археологических культур, деятельность отдельных ученых и целых научных коллективов, процесс становления научных взглядов, достигнутые результаты и накопившиеся нерешенные проблемы. То есть, конкретное содержание процесса изучения энеолита региона.

Цель и задачи исследования. Основная цель работы состоит в исследовании процесса изучения энеолитических памятников на территории Северного Казахстана и Южного Зауралья и анализе важнейших проблем, сложившихся в энеолитоведении этих двух регионов.

Цель работы достигается путем постановки и решения ряда последовательных **задач** исследования:

- изучение истории открытия и исследования энеолитических памятников на территории Северного Казахстана и Южного Зауралья;
- изучение истории выделения на их основе археологических культур;
- исследование истории и содержания вопроса культурной атрибуции энеолитических памятников Северного Казахстана;
- исследование истории и содержания вопроса моделирования общностей в энеолите казахстанских степей и Зауралья;
- исследование истории и содержания вопроса моделирования экономического контекста энеолитических культур Северного Казахстана и Южного Зауралья;

- анализ источниковедческой базы, характера использования археологических источников, конкретных методик исследования археологических фактов;
- анализ проблематики археологических исследований и ее развитие, выявление моментов преемственности археологического знания.

Источниковая база исследования. Работа подготовлена, в основном, на научных публикациях по энеолиту Северного Казахстана и Южного Зауралья, изданных в период с 1950-х до начала 2000-х гг., но охватывающих исследования начиная с 1930-х гг. В их число входят: 1) сообщения об открытии и исследовании памятников в сборниках серий «Археологические открытия» и «Краткие сообщения Института археологии АН СССР», 2) публикации в серии «Материалы и исследования по археологии», 3) авторефераты кандидатских и докторских диссертаций, 4) статьи в тематических сборниках и материалах конференций, 5) монографии, 6) специальные публикации материалов отдельных памятников, 7) отчеты конференций. При подготовке диссертации использованы также публикации ученых, исследующих энеолит сопредельных регионов и содержащие внешнюю критику. В течение восьми лет автор принимал участие в полевых археологических исследованиях памятников каменного, бронзового и раннего железного веков, знаком и имеет опыт практической работы с коллекциями энеолитических материалов. В результате нами осуществлен исчерпывающий охват первоисточников и научных публикаций по теме исследования.

Теоретико-методологическая основа исследования. В своем исследовании мы исходили из взглядов А.А. Формозова и Ю.П. Холюшкина на цели и задачи историографического исследования в области археологии. Диссертационное исследование строится в соответствии с территориальным (Северный Казахстан и Южное Зауралье) и таксономическим (археологические культуры) принципами. В рамках рассмотрения процесса изучения отдельных культур первоначально освещалась история открытия и исследования памятников. Затем производился анализ авторских вариантов культурно-исторических реконструкций.

В основе методологии исследования лежит комплексный подход в сочетании с основополагающими принципами научной объективности и историзма. В соответствии с принципом историзма каждое явление анализировалось и оценивалось нами для формирования объективной картины прошлого с учетом конкретных условий того периода. Исчерпывающий охват и использование в качестве источников широкого спектра научных публикаций, содержащих взаимную критику исследований, соответствует принципу объективности в процессе исследования. В исследовании применялись такие методы научного познания, как анализ и синтез, компаративный, агрегативный, проблемно-хронологический методы.

Применение метода анализа позволило рассмотреть и охарактеризовать процессы открытия и изучения отдельных памятников, археологических культур, а также выводы исследователей. Применение метода синтеза позволило выявить общие тенденции в изучении энеолита Северного Казахстана и Южного Зауралья, обобщить достигнутые результаты, выявить сформировавшиеся противоречия и нерешенные проблемы.

Компаративный, или сравнительный, метод был применен в работе с источниками для соотнесения выводов одних исследователей с данными других археологов, имеющих общий объект изучения. Агрегативный метод был использован в диссертации с целью сбора фактов из различных источников. Проблемно-хронологический метод применялся для раскрытия эволюции научного знания об энеолитической культуре Северного Казахстана и Южного Зауралья в течение всей истории ее изучения.

Применение этих методов позволило исследовать процесс изучения энеолита Северного Казахстана и Южного Зауралья в его многообразии, раскрыть его реальное содержание, а также проследить динамику становления и развития научного знания. В результате применения комплексного подхода были получены объективные результаты диссертационного исследования.

Степень изученности темы. Несмотря на 70-летнюю историю изучению энеолита обеих территорий (ни в целом, ни по отдельности для Северного Казахстана и Южного Зауралья) до сих пор не посвящалось ни одного специального исследования. Археологи ограничивались традиционными краткими историографическими очерками, предваряющими диссертации и монографии. Основное содержание этих очерков - краткое изложение истории открытия памятников и итогов их исследования. По Северному Казахстану С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным дан краткий очерк обнаружения первых нео-энеолитических материалов в Тургайских степях и Кустанайском Притоболье и их исследования в 1940-х - нач. 1950-х гг. А.Я. Брюсовым и А.А. Формозовым [4]. Для Южного Зауралья это делали К.В. Сальников, Л.Я. Крижевская, Г.Н. Матюшин, В.С. Мосин [5; 7; 8; 9]. Причем большее внимание уделялось исследованиям 50-х - 60-х гг. XX в. При этом Л.Я. Крижевская и Г.Н. Матюшин фактически умалчивают об исследованиях друг друга. Как правило, такие историографические очерки занимают несколько страниц. Несмотря на то, что основное содержание исследований приходится в Северном Казахстане на период 1970-х - начало 1990-х гг., а в Южном Зауралье - на 1960-е - начало 2000-х гг., их детальное изучение и обобщение не производилось.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1937 г. до начала 2000-х гг. Нижняя граница выделяется в связи с тем, что в 1937-1940 гг. на территории степного Притоболья были собраны первые энеолитические материалы. В 1937 г. К.В. Сальниковым были произведены раскопки первого выявленного в Южном Зауралье энеолитического поселения Кысы-Куль. С этого времени начался процесс изучения энеолита в Северном Казахстане и Южном Зауралье. В начале 2000-х гг. публикациями В.С. Мосина по Южному Зауралью и В.К. Мерцем - по Павлодарскому Прииртышью были суммированы накопленные материалы и сформированные представления по энеолиту этих двух регионов.

Территориальные рамки исследования. В административно-территориальном отношении исследование охватывает часть территории Республики Казахстан (Северный Казахстан) и Российской Федерации (Южное Зауралье) (рисунок А1). Северный Казахстан включает территорию современных Кустанайской, Северо-Казахстанской, Акмолинской, Павлодарской областей.

Южное Зауралье включает территорию Челябинской области, западную часть Курганской области, восточные районы Оренбургской области и зауральскую часть Башкирии.

Научная новизна исследования. Настоящая работа является первым опытом комплексного исследования процесса изучения энеолита Северного Казахстана и Южного Зауралья. В работе впервые:

- изучена и описана история изучения памятников энеолита исследуемой территории;

- исследован процесс выделения энеолитических культур на территории Северного Казахстана и Южного Зауралья;

- исследованы история и содержание проблемы культурной атрибуции энеолитических памятников Северного Казахстана;

- исследованы история и содержание вопроса моделирования экономического контекста энеолитических культур;

- исследованы история и содержание вопроса моделирования культурных общностей в энеолите казахстанских степей и Зауралья;

- произведен сравнительный анализ уровня и результатов изучения энеолита в Северном Казахстане и Южном Зауралье;

- произведен анализ современного состояния энеолитоведения регионов и сформулированы задачи и предложения на перспективу.

Научно-практическая значимость исследования. Исследование процесса изучения энеолита способствует процессу дальнейшей институционализации энеолитоведения как самостоятельной отрасли археологической науки Казахстана; оно призвано обеспечить поступательность дальнейшего развития энеолитоведения, определить наиболее перспективные направления в изучении эпохи, позволит оставить малоперспективные вопросы. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при формировании стратегии развития археологической науки Казахстана. Материалы исследования могут использоваться в обобщающих работах по древнейшей истории Казахстана и степной Евразии, при создании историографии археологического изучения Казахстана, в лекционных курсах в высших учебных заведениях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Первые энеолитические материалы в Северном Казахстане и Южном Зауралье были получены как неспециалистами, так и профессиональными археологами в 1937-1955 гг. Но целенаправленное и систематическое разведывание и изучение памятников энеолита началось только с конца 1950-х гг., когда Н.П. Кипарисовой был впервые выделен и охарактеризован новый тип керамики. Впервые в Северном Казахстане энеолитические материалы в качестве особого комплекса были выделены Л.А. Чалой в начале 1970-х гг. на стоянке Иман-Бурлук 2. Однако основные открытия и исследования памятников энеолита в Северном Казахстане приходятся на вторую половину 1970-х - начало 1990-х гг. (исследования В.Ф. Зайберта, С.С. Калиевой, В.Н. Логвина, В.К. Мерца), а в Южном Зауралье - в 1960-х - 1990-х гг. (исследования Г.Н. Матюшина, Л.Я. Крижевской, В.С. Мосина и др). Энеолитические памятники были выявлены во всех локальных районах исследуемых регионов.

2. Из выделенных за годы изучения эпохи энеолита археологических культур на территории Северного Казахстана и Южного Зауралья не подтвердилась реальность существования дмитриевской (Н.П. Кипарисова) и «боборыкинской» (Л.Я. Крижевская) культур, культурно-пространственной схемы К.В. Сальникова. Ошибочным явилось отнесение К.В. Сальниковым к раннеметаллической эпохе собственно боборыкинских материалов. Выделенные Г.Н. Матюшиным (суртандинская) и Л.Я. Крижевской (кысыкульская) локальные культуры Южного Зауралья были В.С. Мосиным объединены в одну культуру с компромиссным названием - «кысыкульско-суртандинская». Выделение В.К. Мерцем энеолитической культуры в Павлодарском Прииртышье требует дополнительного археологического и теоретического обоснования. Из всех рассмотренных культур лишь в отношении ботайской культуры выделение и построение ее модели поставлено на прочный теоретический фундамент. Выделение остальных культур происходило эмпирически.

3. В энеолитоведении Северного Казахстана не преодолены противоречия по поводу выделения археологических культур. Объединение В.Ф. Зайбертом памятников Казахстанского Приишимья и Тургайского прогиба в составе одной - ботайской - культуры имеет веские объективные основания, так как культурно терсекские и ботайские материалы близки. Культурное обособление С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным памятников Тургайского прогиба в качестве самостоятельной археологической культуры - терсекской - верифицируется слабо. Их апелляция к исследованиям А.А. Формозова неоправданна.

4. Традиция объединения памятников и культур нео-энеолитической эпохи казахстанско-зауральского региона в составе единой культурно-исторической общности зародилась с самого начала изучения каменного века этой территории. Эволюция взглядов на выделяемые общности шла параллельно с успехами в изучении неолита и энеолита. Выделение общностей сегодня осуществляется в рамках как одной, так и нескольких природных зон. Существует полемика в отношении территориальных масштабов, ландшафтных границ, динамики исторических процессов, критериев и основания выделения энеолитической культурно-исторической общности. Однако, для ученых характерна идентичность во взглядах на культурную близость энеолитических памятников Северного Казахстана и Зауралья.

5. Первым остро поставил вопрос о переходе энеолитического населения Южного Зауралья (а вместе с тем, и Северного Казахстана) к производящему хозяйству в форме скотоводства Г.Н. Матюшин. Но идея существования скотоводства в энеолите Южного Зауралья археологическим материалом не подтверждается. Существование скотоводства доказано только для терсекской и ботайской культур. Создано две модели реконструкции ХКТ для энеолита Северного Казахстана: отгонное скотоводство в ботайской культуре (В.Ф. Зайберт) и кочевое скотоводство в терсекской культуре (Л.Л. Гайдученко, С.С. Калиева, В.Н. Логвин). Постулирование существования отгонного скотоводства оправдано эпохально, находит соответствие в экологии Северного Казахстана и географии энеолитических поселений, но не является единственно возможным. Реконструкция кочевого скотоводства неубедительна. Экономические рекон-

струкции В.К. Мерца для энеолита Павлодарского Прииртышья пока не имеют собственного источникового обоснования.

6. Наиболее важные памятники с убедительной стратиграфией открыты и изучены в Северном Казахстане (поселения Ботай, Красный Яр, Васильковка IV, Кожай 1, Кумкешу 1). Материалы поселений изучены как традиционными методами археологии, так и с привлечением специалистов в области естественнонаучных методов и методик. Материалы энеолитического слоя стоянки Шидерты 3 непредставительны и неубедительны для предлагаемых В.К. Мерцем культурно-исторических реконструкций. Качество и состояние культурного слоя памятников энеолита Южного Зауралья не позволяют однозначно решать основные вопросы истории материальной культуры местного населения в эпоху энеолита. Изучение их материалов осуществлено с применением методов типологических и статистико-комбинаторных исследований. Только датирование ботайской и терсекской культур опирается на серию радиоуглеродных дат.

7. Уже к началу 1990-х гг. было закончено формирование современного представления об энеолите Северного Казахстана и Южного Зауралья и завершен процесс выделения региональных археологических культур, получивших разностороннюю характеристику. Энеолит стал рассматриваться в качестве самостоятельной исторической эпохи региона. Энеолитические исследования в Северном Казахстане и Южном Зауралье инициировались и проводились исключительно отдельными личностями. Поэтому преемственности в исследованиях энеолита не сложилось. На изучение энеолита в обоих регионах сильное влияние оказывал субъективный фактор.

Ряд направлений и частных задач в изучении энеолита североказахстанскими учеными не был реализован. Актуальными задачами на будущее являются: а) отход от автохтонно-эволюционистских взглядов и изучение иных путей и модусов формирования и развития энеолитической культуры Северного Казахстана и Южного Зауралья; б) изучение энеолитических материалов с применением новейших методов и методик; в) решение на этой основе вопросов культурогенеза; г) проведение специального исследования по унификации энеолитических культурных образований, выделенных на территории Северного Казахстана; д) проведение специальной работы по типологическому расчленению смешанных нео-энеолитических коллекций, происходящих со степных памятников открытого типа.

Апробация работы. Диссертация выполнена в отделе первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании отдела и заседании Ученого совета Института. Отдельные положения и выводы диссертации изложены автором в статьях и докладах на республиканских и международных конференциях, согласно требованиям Комитета по контролю в сфере науки и образования МОН РК.

Структура диссертации. Диссертация состоит из списка сокращений и обозначений, введения, четырех разделов, заключения, списка использованных источников, приложения. Структура диссертации обусловлена целью и задачами проведенного автором исследования.

1 ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

1.1 Археологическая историография как отрасль археологической науки

В 1975 г. А.А. Формозовым были обобщены итоги и актуализирована задача исследований в области истории археологической науки [13]. Им было констатировано значительное отставание в этом отношении советской археологии от других наук и проанализированы слабые стороны имеющихся к тому времени отечественных историографических исследований по археологии. К ним были отнесены отсутствие либо краткость и сугубо справочный характер вступительных к обобщающим монографиям историографических статей; недостаточное знакомство археологов с работами своих предшественников и, соответственно, приписывание плодотворных идей авторам последних сводок по той или иной теме.

В качестве задач историографических исследований в области археологии А.А. Формозов сформулировал: 1) необходимость изучения информации об утраченных памятниках, содержащейся в старинных источниках, 2) создание библиографии по дореволюционной археологии, 3) создание хроник археологических исследований в отдельных районах СССР, 4) анализ идей и методов археологов, 5) создание биографий крупнейших археологов, 6) создание работ по истории крупных разделов археологической науки, 7) создание работ по истории археологии республик СССР и зарубежных стран.

Однако из всех вышеперечисленных А.А. Формозов считал, что «едва ли не важнейшей задачей истории археологии является анализ идей и методов наших предшественников. Важно не только то, что они нашли, но и то, какие цели ставили они при своих исследованиях, как их осуществляли» [13, с. 9]. То есть то, что составляет суть и содержание творческой лаборатории ведущих археологов.

В качестве негативного примера историографии сугубо справочно-информационного характера А.А. Формозов привел исследование В.Е. Ларичева по истории изучения палеолита «Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии» [13, с. 9-10].

В археологической науке в последнее время активизировались исследования по ее истории. В.И. Матющенко, отмечая активизацию исследований истории археологии в Сибири, считает, что «это является показателем зрелости науки, ее способности к саморефлексии, а значит, ее способности зрело оценивать свое место в общем потоке развития современной науки» [14, с. 11-15].

Историография археологической науки стала выделяться в отдельную отрасль теоретической археологии. В системной классификации общей теоретической археологии, разрабатываемой Ю.П. Холюшкиным (таблица 1), ей отводится место в диадной группе (наряду с археологической критикологией) в составе археологического науковедения [15, с. 8].

Таблица 1 - Классификационный фрагмент «Общая теоретическая археология» [15, с. 8]

Археологическое науковедение				
Историография археологической науки		Археологическая критикология		
Археологическая наукометрия	Археологическая критериология		Археологическое прогностическое науковедение	
Археологическая информатика				
Археологическая синектика	Публикационное науковедение	Науковедение открытий	Программно-целевое науковедение	Теория развития археологического знания

Ю.П. Холюшкин, давая определение и говоря о назначении историографии археологической науки, пишет, что она «... исследует историю науки и представляет собой совокупность исследований, посвященных определенной теме или исторической эпохе. Прослеживая пути исторического познания прошлого, историографические исследования позволяют выявить движущие силы прогресса науки, закономерности появления и смены археологических направлений и школ, меру объективной истинности созданных ими концепций» [15, с. 8]. Им сформулированы шесть задач археологической историографии: 1) выяснение теоретико-методологических принципов, присущих каждому направлению археологической мысли; 2) анализ источниковедческой базы, характера использования археологических источников, конкретных методик исследования археологических фактов; 3) определение места археологических научных школ и направлений в установлении и систематизации археологических фактов; 4) изучение организации и форм исследовательской работы в области археологии, включая систему научных учреждений, вузов, музеев и архивов, систему подготовки кадров; 5) анализ проблематики археологических исследований, ее развитие и расширение; 6) исследование археологических концепций, созданных различными археологическими направлениями и школами, и выявление моментов преемственности археологического знания [15, с. 8-9].

Однако ни одна историографическая работа не способна решить все эти задачи. Поэтому, как и в любой науке, в археологической историографии создается своя специализация исследований, специфичных по задачам, стоящим перед ними, и соответствующему жанровому их исполнению. Ю.П. Холюшкин разработал свою классификацию направлений историографических исследований в области археологии [15, с. 13] (таблица 2).

Комментарийная археологическая историография - это простая констатация известных фактов без рассуждений, пояснительных и критических замечаний по их поводу. Теоретическая историография своей задачей ставит: 1) анализ источниковедческой базы, характера использования археологических источников, применения конкретных методик; 2) определение места археологических научных школ и направлений в установлении и систематизации археологических фактов; 3) изучение организации и форм исследовательской работы в области археологии, включая систему научных учреждений, вузов, музеев и архивов,

систему подготовки кадров; 4) анализ проблематики археологических исследований, ее развития и расширения.

Таблица 2 - Классификационный фрагмент «Историография археологии» [15, с. 13]

Общая историография археологической науки					
Комментарийная историография			Теоретическая историография		
Хроникальная историография		Источниковая историография		Концептуальная историография	
Конференции	Персоналии	Археологические публикации	Археологические факты	Научные учреждения	Научные школы
Методика историографии					
Локальная историография	Региональная историография	Страноведческая историография	Континентальная историография	Мировая историография	

Хроникальная историография занимается описанием археологических исследований в их хронологическом порядке. Источниковая историография изучает историю археологического знания на основе вещественных и письменных источников. Концептуальная историография изучает теоретико-методические принципы, присущие каждому направлению археологической мысли, и исследует археологические концепции, созданные различными археологическими направлениями и школами, выявляет моменты преемственности археологического знания.

Хроникальная историография реализуется через составление отчетов о проведенных конференциях и в написании юбилейных статей, некрологов об археологах, в статьях об исследователях теоретического характера, в которых осуществляется анализ идей и методов наших предшественников.

Источниковая историография включает в себя обзоры археологических публикаций и анализ археологических фактов. Концептуальная историография складывается из изучения типов организации и форм исследовательской работы в области археологии, включая систему научных учреждений, вузов, музеев и архивов, систему подготовки кадров, а также из исследования археологических научных школ в процессе их возникновения, расцвета и упадка, и вопросов преемственности, различных форм взаимодействия.

С.С. Тихонов привлекает внимание к субъективной стороне археологических исследований, иногда очень сильно влиявшей на историю археологии. Так, в проблеме изучения истории археологии он выделяет два блока вопросов: 1) связанный с исследованием истории изучения археологических памятников, создания типологии предметов, выделения культур, этапов и т.п.; 2) связанный с отношениями археологов между собой, их отношениями с властью, с принадлежностью к какой-либо школе или организации [16, с. 27, с. 28].

С.С. Тихонов считает, что для выявления обстоятельств субъективного характера одного лишь анализа публикаций недостаточно. Необходима работа в архивах, знакомство с личными архивами, документами, фотографиями, беседы с очевидцами и участниками событий. В качестве интересного и плодотворного

пути создания историографии он предлагает написание учеными мемуаров или научно-популярных книг [16, с. 30].

Сегодня констатируется изменение роли и функций историографии археологии, что является отражением стихийно возникшей потребности в осмыслении сути археологии как науки, в определении ее теоретических и методологических основ в меняющемся мире.

О.М. Мельникова предлагает рассматривать историю археологии как неотъемлемую часть общественной деятельности и часть культуры, подверженную влиянию политического, культурного, историко-антропологического и других факторов и переживающую подъемы и спады. Она привлекает внимание к роли исследователя и целых коллективов в истории науки. Их уход или смена приводили к затуханию начинаний, происходила смена интеллектуального лидерства тех или иных коллективов. Однако, по ее мнению, в историографии археологии практически не сложился жанр научной биографии и отсутствует опыт историографических исследований конкретных археологических научных школ [17, с. 16-17]. Причину О.М. Мельникова видит в том, что в советской науке в соответствии с идеологическими установками обращалось внимание на коллективный характер исследовательской деятельности, что исключало само выделение научных школ, направлений и течений в отечественной археологии. Под научной школой она понимает небольшой коллектив, объединенный общей системой взглядов, идей, традиций, передающихся и развивающихся при смене научных поколений [17, с. 17]. О.М. Мельникова обращается к научной школе в археологии, во-первых, как к объекту специального рассмотрения, и, во-вторых, на основе объединения идей, понятий методов, логической модели научной школы, разработанных в науковедении, с конкретными данными историографических источников [17, с. 18-19].

Таким образом, историографическое исследование по археологии должно представлять многогранное и комплексное описание истории открытия и изучения памятников, процесса становления и эволюции научного знания в целом и взглядов отдельных археологов. Оно должно рассматривать деятельность отдельных археологов и целых коллективов, выявлять достигнутые успехи и сформировавшиеся проблемы.

1.2 Проблема археологического определения эпохи энеолита Урало-Казахстанских степей

В классическом понимании, в соответствии с критериями археологической периодизации под энеолитом понимается эпоха внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневой индустрии, обеднению наборов каменных орудий, характеризующаяся интенсивным развитием производящей экономики (скотоводства и земледелия в различных их сочетаниях), плоскодонной, богато орнаментированной посудой, мелкой пластикой, прочными жилищами с ровным полом [18, с. 7]. Таким критериям в полной мере соответствует оседло-земледельческий энеолит. Для степного энеолита Восточной Европы характерными считаются скотоводческая специализация, меньшее развитие строительного дела и ремесла, подкуранный

обряд погребения, распространение колесного транспорта, усложненная социальная структура с обособлением вождей и племенной аристократии, тесное взаимодействие с оседло-земледельческими культурами [18, с. 333].

Специфика исторических процессов и развития материальной культуры в Зауралье и Северном Казахстане в конце каменного века - начале века металла вызвала разночтения в среде специалистов в отношении эпохальной атрибуции и степени эпохальной самостоятельности культурных комплексов этого времени.

С 1946 г. в Западной Сибири работала Западно-Сибирская экспедиция ИИМК АН СССР. К 1953 г. собранные ею археологические материалы и данные предыдущих разрозненных исследований позволили В.Н. Чернецову впервые создать периодизацию и хронологию памятников Нижнего Приобья, в том числе и в конце каменного века. Именно В.Н. Чернецов первым применил термин «энеолит» к посленеолитическим материалам региона и выделил здесь энеолитическую эпоху на материалах Липчинской стоянки [19, с. 38]. В.Н. Чернецов проводил четкую границу между двумя эпохами раннего металла - энеолитом и ранней бронзой. Если к первой он отнес материалы Липчинской стоянки с керамикой митровидной и параболоидной форм, то к ранней бронзе - плоскодонную ямочно-гребенчатую посуду [19, с. 38, 39, 40, 42-44].

Энеолитическая эпоха Зауралья и Западной Сибири, по мнению В.Н. Чернецова, не характеризуется «... какими-либо специфическими, свойственными ей формами, а лишь соотношением уже исчезающих архаических черт и нарождающихся новых. Эти новые черты в керамике - плоское дно и сплошная ямочная орнаментация - в известной степени близки раннеандроновским памятникам» [19, с. 40]. Если учесть его же мнение о существовании на территории урало-среднеазиатского региона в неолите-ранней бронзе культурно-этнической общности [19, с. 56], то основное содержание эпохи им видится в изживании кельтеминароподобных культурных черт в материальной культуре и формировании признаков андроновской культуры. То есть, в начале 1950-х годов отсутствовало представление об энеолите региона как о культурно самостоятельной исторической эпохе.

В.Н. Чернецовым в качестве энеолитических был выявлен ряд признаков посуды. Для энеолитической липчинской керамики он считал свойственным параболоидную и митровидную форму, а также плоскодонность. В орнаментации характерными являлись различные виды гребенчатого штампа, неглубокие подтреугольные и овальные ямки, отступающая лопаточка, отступающая и шагающая гребенка, применение круглых ямок для орнаментации венчика. Редко встречался прочерченный орнамент. К энеолиту исследователь отнес и редко встречающиеся фрагменты со сплошным заполнением поля ямочным орнаментом. Таким образом, наряду с собственно энеолитическими, таковыми он считал и раннебронзовые черты - плоскодонность посуды и сплошную ямочную орнаментацию, рассматривая их в качестве зарождающихся в энеолите раннеандроновских черт [19, с. 38, 39]. По всей видимости, таким выводам способствовали ограниченные знания того времени о материальной культуре финала каменного века региона и гетерохронность материалов Липчинской стоянки, на

что и указывал, в отличие от П.А. Дмитриева, сам В.Н. Чернецов. Развитие каменной индустрии и характерные ее черты для энеолита В.Н. Чернецову проследить на фрагментарном материале не удалось [19, с. 56-57].

Липчинские материалы В.Н. Чернецов датировал концом III-нач. II тыс. до н.э. [19, с. 38, 56, 57]. Энеолитические материалы сменяются раннебронзовыми типа Второй Андреевской стоянки, для которых исследователь отводил время первой половины II тыс. до н.э. [19, с. 57].

Н.П. Кипарисова выделяла посленеолитическую эпоху в Зауралье и Западной Сибири также типологически, на основании целого комплекса признаков керамики стоянок II и IV Иткульская, Абсеямовская, Чебаркульская, отличающих ее от неолитической посуды. Это - отличия в форме, обработке поверхности, технике нанесения орнамента, в элементах и композиции орнамента. Всего исследовательницей выделялось 12 такого рода отличий [6, с. 7-9]. Стратиграфическая же позиция прослеживается на основании наблюдений над глубинным залеганием типологически выделенной керамики [6, с. 9].

Памятники с новым типом керамики Н.П. Кипарисова соотнесла с энеолитическим и раннебронзовым временем (начало II тысячелетия - XIV-XIII вв. до н. э.) [6, с. 9], не разделяя эти два периода эпохально и хронологически [6, с. 14-15].

По мнению Н.П. Кипарисовой, наступление энеолитического времени в лесном Зауралье и Западной Сибири связано было с распадом общности племен с гребенчато-волнистой керамикой на отдельные области, «в которых дальнейшее развитие керамики пошло разными путями, приведшими к образованию совершенно различных типов керамики» [6, с. 20]. Исходя из этого, памятники с выделенным ею типом керамики она вычленила из шигирской культуры в рамках двух энеолитических и раннебронзовых культур: аннино-островской (северный район) и дмитриевской (южный район) [6, с. 22].

Г.А. Максименков и А.П. Окладников, характеризуя материалы таких памятников Нижней Оби, как Чес-тый-яг, Сортынья, Хулюм-Сунт, не выделяют времени их бытования в качестве отдельной энеолитической эпохи. По их мнению, неолит здесь сменяется непосредственно эпохой ранней бронзы [20, с. 103].

Первые представления о посленеолитической эпохе Южного Зауралья были получены К.В. Сальниковым в результате раскопок разнокультурного поселения Кысы-Куль со смешанными материалами, основная часть которых была отнесена к ранней бронзе [7].

Л.Я. Крижевской первоначально была свойственна неопределенность позиции в эпохальном определении посленеолитических памятников. В 1960-х гг. она определяла южнозауральские энеолитические стоянки как раннебронзовые [21]. В статье за 1970 г. памятники Кокуй II и Одино Л.Я. Крижевская в одном месте определяет как энеолитические [22, с. 153], в другом - как раннебронзовые (по крайней мере, Кокуй II) [22, с. 158].

Со временем (и с накоплением материалов) ее взгляды в этом отношении концептуализируются. Л.Я. Крижевская отмечает сложность в трактовке переходных эпох вообще и в отношении перехода от неолита к бронзе в Южном За-

уралье - в частности; в том числе по причине недостаточной ее изученности [8, с. 3]. Она констатировала терминологический разнобой в отечественной археологии того времени (энеолит, ранний металл, медный век, ранний бронзовый век).

С 1973 г. исследовательница отвергает возможность определения эпохи на основании новых черт в керамике [23, с. 110]. По ее мнению, металлургия меди была тем «новым качеством» (выражение Л.Я. Крижевской), которое позволяет провести рубеж между неолитом и последующими эпохами [23, с.115-116]. И предлагает в качестве критерия выделения энеолита и ранней бронзы использовать степень знакомства культур с металлом.

Название «энеолит» Л.Я. Крижевская предлагает оставить за теми культурами, где есть знакомство с импортным металлом, но не присутствует местная металлургия. Для культур переходного периода, имеющих свою металлургию, в том числе и Южного Зауралья, она считает более оправданным применение понятия «ранняя бронза», даже если на самом деле выплавлялась химически чистая медь [8, с. 119-120].

Вместе с тем практическое применение Л.Я. Крижевской выработанных ею же критериев определения переходной эпохи избирательно. Для каждого из локальных районов Южного Зауралья она выделяет свой частный критерий: для Южнозауральского Приозерья - освоение металлургии меди, для западносибирского лесостепья - оседлость и переход к скотоводству [8, с. 5].

Таким образом, для Л.Я. Крижевской критерием определения раннебронзовой эпохи является наличие или отсутствие металлургического производства, а не знакомство с металлом или уровень развития металлургии, а также оседлость и переход к производящему хозяйству.

Исключая применение понятия «энеолит» к посленеолитическим памятникам Южного Зауралья, Л.Я. Крижевская тем самым отрицает существование самой эпохи в древней истории региона и выступает за смену неолита непосредственно бронзовым веком. С одной стороны, это следствие методологической неразработанности определения эпохи энеолита применительно к историко-культурным процессам, происходившим в рамках степного, лесостепного и лесного регионов в посленеолитический период, с другой стороны - следствие недостаточной изученности региона.

Л.Я. Крижевской посленеолитическое время в Южном Зауралье рассматривается с позиций, высказанных еще в 1953 г. В.Н. Чернецовым. В целом эпоха рассматривается как переходная от неолита к андроновской культуре развитой бронзы. Такой угол зрения напрямую сказался на научных построениях, в том числе периодизации и выделении характерных черт эпохи (предандроновские мотивы, сокращение количества каменных изделий и т.п.). Эпоха рассматривается как переходная, а не самостоятельная, как в культурном, так и экономическом отношении (сочетание архаичных и прогрессивных признаков, наличие металлургии и отсутствие производящего хозяйства для Южнозауральского Приозерья, отсутствие металлургии и наличие следов животноводства для Тоболо-Ишимья и т.п.).

Раннебронзовая эпоха помещена Л.Я. Крижевской в узкий хронологический промежуток длительностью в 300-400 лет на рубеже III-II и в первой половине II тыс. до н.э. [8, с. 121].

На материалах стоянки Чебаркуль II ею был сделан вывод о почти полном отсутствии на зауральских стоянках ранней бронзы каменного инвентаря, а тем более инвентаря на пластинах [24, с. 31-32].

И только благодаря исследованиям Г.Н. Матюшина, проведенных на памятниках озер Башкирского Зауралья, было получено, хотя и в «размытом» виде, представление о каменной индустрии эпохи [9].

В своем докладе на VI Уральском археологическом совещании «О понятии «энеолит» применительно к таежной части Сибири» В. И. Матющенко счел неприемлемым его употребление для западносибирской тайги на том основании, что население таежного Приобья III тысячелетия до н.э. не было знакомо с производящей экономикой. Отведенное В.Н. Чернецовым и О.Н. Бадером время для энеолитической эпохи в Зауралье и Западной Сибири (последние века III-начало II тысячелетия до н. э.) В.И. Матющенко относит к неолиту, за которым сразу следует самусьско-сейминская эпоха с высокоразвитым бронзолитейным производством [25, с. 298].

М.Ф. Косарев и В.А. Могильников также отмечали, что понятие «энеолит» в его классическом понимании неприемлемо для таежной зоны Западной Сибири. Но считают, что между неолитом и бронзовым веком в Западной Сибири все же существовала переходная эпоха, называя ее эпохой раннего металла или переходным временем от неолита к бронзовому веку, как более полно отражающей ее содержание. По их мнению, она характеризуется «усилением влияния южных культур и проникновением на север элементов производящей экономики, возрастанием роли рыболовства и переходом к более оседлому быту, появлением медных, а затем бронзовых изделий, трансформацией остродонной и круглодонной керамики в плоскодонные баночные сосуды, активным внедрением в местную орнаментацию солярной символики и т. д.» [25, с. 288].

В.Ф. Старков отмечал, что «вопрос об энеолитических культурах Зауралья является одним из наиболее сложных и спорных» [26, с. 38].

В.Ф. Старков считает, что только открытие и исследование в 1970-х гг. однослойных и стратифицированных памятников липчинского и шапкульского типов позволило наполнить конкретным содержанием выделенную еще В.Н. Чернецовым и Н.П. Кипарисовой энеолитическую эпоху лесного Зауралья. По мнению В.Ф. Старкова, энеолитический характер эпохи определяется находками на памятниках редких медных изделий и специфической керамикой геометрического стиля орнаментации [26, с. 38].

При этом В.Ф. Старков энеолит лесного Зауралья считает особым этапом между поздним неолитом и ранней бронзой, поскольку он обладает своими специфическими признаками [27, с. 66].

В вопросе формирования энеолитических культур В.Ф. Старков идет вслед за Н.П. Кипарисовой, признавая «распад восточноуральской неолитической культуры» и развитие на ее основе обособленных энеолитических культур, но в виде липчинской и шапкульской [28, с. 147].

Время существования энеолита было отнесено В.Ф. Старковым к началу суббореального периода и датируется серединой III тыс. до н. э. [26, с. 48].

Вместе с тем, если отличия между неолитическими и энеолитическими комплексами им прослеживаются в самом материале, то к ранней бронзе аятскую культуру в лесном Зауралье и культуру ямочно-гребенчатой керамики - в Притоболье он относит только на основе стратиграфических данных [27, с. 70], не вдаваясь в пояснения по поводу того, что он подразумевает под раннебронзовой эпохой и чем она отличается от энеолита кроме названия и датировки?

Фактически проблема обоснования выделения самостоятельной энеолитической эпохи в Североказахстанско-Зауральском регионе в целом стояла во весь рост в момент первоначального выявления посленеолитических памятников (А.А. Формозов, А.Я. Брюсов, В.Н. Чернецов, Н.П. Кипарисова, К.В. Сальников, В.Ф. Старков).

Затем она стала актуальна более для ученых, занимающихся изучением посленеолитических комплексов Лесного Зауралья и Западной Сибири, характеризующихся присваивающей экономикой, вследствие чего они не попадают под определение ни земледельческого, ни скотоводческого энеолита. С точки зрения наличия в суртандинской, ботайской, терсекской культурах скотоводческой экономики на фоне знакомства их населения с металлом не было теоретических препятствий для отнесения их к энеолитической эпохе. Именно поэтому Г.Н. Матюшин, В.Ф. Зайберт, С.С. Калиева и В.Н. Логвин не уделяли особого внимания проблеме выделения энеолита региона в качестве самостоятельной исторической эпохи. В.Ф. Зайберт считал возможным (апеллируя к мнению Н.Я. Мерперта) утверждать, что «в настоящее время уже практически нет споров о существовании в Евразийских степях самостоятельной энеолитической эпохи с ее особенностями и закономерностями» [3, с. 3]. Перед этими учеными стояла задача выделения культур и выявления характерных черт эпохи.

В середине 1980-х гг. В.Т. Ковалева отмечала, что ввиду отсутствия надежных критериев выделения энеолитических культур продолжает существовать проблема эпохальной принадлежности переходной эпохи лесной зоны Зауралья и Западной Сибири от неолита к бронзовому веку. Несмотря на принципиальное согласие с выделением переходной эпохи исследователи для ее обозначения продолжают применять целый ряд названий «транзитного» характера: посленеолитическое или раннебронзовое время, эпоха раннего металла, переходное время от неолита к бронзовому веку [29, с. 96].

В.Т. Ковалева стремится найти такие критерии, которые были бы общими как для выделения земледельческого, так и лесного энеолита. Она поддерживает позицию Е.Н. Черныха о применении в первую очередь технологического критерия (по материалу орудий) как общего для археологической периодизации [29, с. 97]. Но считает, что необходимо применение и экономического критерия. При этом под ним она понимает не форму хозяйства (как это обычно делается, и на основании чего ставится под сомнение существование энеолита в лесной зоне), а «значительный шаг вперед по сравнению с неолитическим временем в развитии производительных сил», что, в первую очередь, выражается в интенсификации производства, независимо от того, производящее оно или присваи-

вающее. В лесной зоне экономический прогресс выражается в интенсификации рыболовства, переходе к оседлости, знакомстве с прогрессивными формами хозяйства и т.д. [29, с. 98].

Таким образом, В.Т. Ковалева выделяет два критерия энеолитической эпохи - знакомство с металлом и интенсификацию экономической жизни.

Однако в совместной статье В.Т. Ковалева и Н.М. Чаиркина оперируют только технологическим критерием, что сильно сказалось на их оценке степени самостоятельности энеолитической эпохи лесного Зауралья: «Следуя технологическому критерию, мы выделяем энеолит как особый период археологической периодизации, по своему содержанию являющийся переходным от неолита к бронзовому веку и характеризующийся, с одной стороны, преемственностью с культурой неолита, а с другой - значительным прогрессом, вызреванием предпосылок для перехода к бронзовому веку» [30, с. 59-60]. Однако в определении нет и слова о самом технологическом критерии. Если исходить только из этого определения (которое должно быть квинтэссенцией понятия, признаков, критерия, времени, места и т.п.), то критериями являются: а) преемственность с культурой неолита; б) прогресс (в чем?); в) создание предпосылок (каких?) для перехода к бронзовому веку. Но перед определением в статье стоит фраза, в которой исследовательницы отрицают серьезные изменения в экономике, культуре и общественной жизни энеолитического населения по сравнению с неолитом [30, с. 59]. Благо, что далее идет речь о (хотя и слабom) распространении металла и можно догадаться, что критерием все же выступает знакомство с металлом при медленном освоении металлургии и металлообработки. Однако, на фоне отсутствия металла и следов металлообработки на большинстве памятников, в деле определения этих памятников в качестве энеолитических В.Т. Ковалева и Н.М. Чаиркина главную роль отводят типологическим признакам керамики.

Вместе с тем вслед за М.В. Аниковичем В.Т. Ковалева и Н.М. Чаиркина рассматривают энеолит не в качестве раннеметаллической эпохи (т.е. начинающей и открывающей век металла), а «как переходный период в рамках предстоящей археологической эпохи (неолит с металлом)» [30, с. 60].

Формирование и развитие энеолита рассматривается исследовательницами как процесс дальнейшей эволюции неолитической культуры, но под воздействием миграции населения из лесной зоны Восточной Европы и последующей взаимоассимиляции [30, с. 60, 66-67].

В круг энеолитических культур ими включаются и аятские комплексы [30, с. 61]. А хронология энеолита определяется в рамках III тыс. - начала II тыс. до н. э. [30, с. 60].

Д.А. Крайнов для энеолита лесной полосы Восточной Европы и Приуралья не дает определения, но выделяет следующие характерные черты эпохи: 1) господство неолитических традиций в социально-экономическом укладе и быту; 2) появление редких медных изделий; 3) расцвет каменной индустрии; 4) усложнение организации охотничье-рыболовческого хозяйства, повышение его производительности; 5) укрупнение поселений; 6) расширение контактов и обмена

между племенами; 7) создание гигантских культурно-исторических общностей [31, с. 10].

Таким образом, энеолит как особая историческая эпоха выделяется для культур, распространенных в разных ландшафтных зонах, практикующих различные ХКТ, вне зависимости от принадлежности их к производящему или присваивающему хозяйству. Поэтому закономерно, что в каждом конкретном случае энеолитическая эпоха определяется индивидуально и со специфическим набором характерных черт.

С начала 1970-х гг. в археологической науке началось утверждение представления о существовании самостоятельной энеолитической эпохи в североказахстанско-зауральском регионе. На сегодняшний день выделение энеолитической эпохи в Северном Казахстане и Зауралье уже не ставится под сомнение и является научной реальностью.

1.3 Определение понятия «археологическая культура»

По мнению С.И. Каменецкого, «археологическая культура» относится к фундаментальным понятиям археологии, на которых базируются исторические построения [32, с. 19-20]. Вместе с тем он отмечал, что археологи в деле выделения археологических культур часто обходят стороной вопрос ее теоретического обоснования, опираясь в основном, на эмпирические данные.

В 1970-х гг. С.И. Каменецкий обобщил существующие на тот период взгляды отечественных археологов на суть понятия «археологическая культура» и выявил существование больших разногласий по этой теме. Как считает сам С.И. Каменецкий, разногласия по поводу определения понятия «археологическая культура» возникают из-за неточного определения предмета спора. Он предлагает четко разграничить два вопроса: 1) что характеризует культуру и 2) что отличает одну культуру от другой. Культуру характеризует весь комплекс материальных и нематериальных черт, как местного, так и импортного происхождения [32, с. 25]. Выбор же признаков для выделения культур от соседних диктуется в каждом конкретном случае имеющимся материалом [32, с. 27]. С его точки зрения, «археологическая культура - это группа памятников, занимающих сплошную территорию (или территории), границы которой могут меняться, и обладающих объективно существующим сходством материальных и нематериальных признаков, образующих сложную, внутренне связанную систему, единообразно изменяющуюся во времени и ограниченно варьирующую в пространстве, существенно отличающуюся от аналогичного типа систем, характеризующих другие культуры» [32, с. 29].

Однако сам автор определения отмечает, что в нем ощущается отсутствие меры, что позволяет использовать определение культуры в равной мере для выделения и локального варианта, и культурной общности [32, с. 29-30]. И видит решение проблемы в разработке мер сходства и различия памятников. Насколько они должны различаться, чтобы оставаться в пределах одной культуры или относиться к разным культурам? По его мнению, в качестве образца для сравнения должен использоваться определенный эталон в виде некоего «среднего» необязательно реального памятника. При этом степень сходства для памятни-

ков локального варианта должна быть больше, чем для памятников культуры. Он выделяет два пути в разработке критериев для выделения культур: 1) оценка значимости признаков памятников; 2) разработка точных критериев сходства памятников [32, с. 30]. Разработку критериев он видел в субъективном установлении допусков в различиях памятников, данные о которых должны быть выражены в цифрах [32, с. 30].

По нашему мнению, именно следование такому «чисто археологическому» определению и позволяет выделять ученым любую мало-мальски специфичную группу памятников в самостоятельную культуру.

Поэтому справедлива критика такого определения археологической культуры, данная М.В. Аниковичем [33, с. 117-119]. Он считает, что такое «чисто археологическое» определение культуры формируется у ученых «в виде эмпирических обобщений ряда свойств археологических источников», выбор которых осуществляется интуитивно [33, с. 117]. Но выведение археологической культуры на уровень научного понятия для изучения какой-либо стороны человеческой деятельности требует выхода за пределы оперирования только свойствами артефактов [33, с. 117].

Считая, что конкретные археологические культуры соответствуют социальным группировкам [33, с. 119], их социальную основу М.В. Аникович предлагает искать в культурных традициях. Поскольку культурная традиция универсальна (присуща любому человеческому коллективу) и опредмечивается в элементах материальной культуры, становящихся впоследствии археологическими источниками, постольку можно использовать ее в качестве определяющего для археологической культуры понятия [33, с. 120].

Поэтому М.В. Аникович считает, что «археологическая культура - это система традиций, выработанных в определенных социальных группировках под влиянием определенных исторических условий, нашедшая свое материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые стали археологическими источниками, и раскрываемая посредством анализа этих источников» [33, с. 120].

В этом определении также присутствует понимание археологической культуры как отражающей материальные и нематериальные стороны бытия человеческих коллективов. Однако на первое место здесь ставятся не признаки археологического источника, которые могут варьировать от памятника к памятнику, находясь при этом в рамках одной традиции, но давая повод для субъективизма в культурной интерпретации памятника. Приоритет отдается самой традиции, которая, перекрывая нюансы в характеристиках отдельных памятников, объединяет их в рамках одной культурной традиции, отражающей деятельность определенной социальной группы, а, соответственно, в рамках одной традиции.

Из такого определения археологической культуры М.В. Аникович выводит ряд методических принципов ее выделения [33, с. 120-123]: 1) археологический памятник не является однокультурным, в его материалах должны проявляться разные системы традиций, появившиеся в результате проживания на одном поселении представителей разных социальных групп вследствие разного рода закономерностей (например, экзогамии), что позволяет раскрыть структуры пер-

вобытных общин; 2) в определении понятия археологической культуры нет основания для предварительного установления пространственно-временных рамок конкретных археологических культур, поскольку они динамичны; 3) комплексный подход в выделении культуры должен базироваться не просто на основании сходства в различных категориях археологического инвентаря и признаках памятников (керамики, каменном инвентаре, наборе украшений, формах жилищ, особенностях погребального обряда и т.п.), а в необходимости выявления традиций для каждой из разнокачественных групп археологических источников и последующего установления реальных связей и соотношений между ними; 4) выделение археологической культуры возможно только при наличии «культурного фона» - иных систем традиций, относительно которых и «проявляется» определяемая археологическая культура; 5) главным, определяющим моментом при выделении археологической культуры становятся связи, образующие в совокупности с элементами общий каркас, «скелет» данной археологической культуры. В таком случае в отношении развития археологическая культура рассматривается как динамичная система, как единство традиций и новаций, становящихся, в свою очередь, традициями, включающимися в систему.

Таким образом, на сегодняшний день археология СНГ обладает двумя противоположными, но взаимно дополняющими концепциями археологической культуры - дифференцирующей и интегрирующей. Считаем, что определение археологической культуры, данное С.И. Каменецким, позволяет разграничивать действительно разнокультурные памятники. Введение же в широкую практику определение археологической культуры, сформулированное М.В. Аниковичем, может служить серьезным барьером субъективизма в деле культурного обособления родственных материалов и основанием для универсализации уже выделенных культур, но принадлежащих к одной культурной традиции.

2 ИЗУЧЕНИЕ ЭНЕОЛИТА СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

2.1 Выделение и изучение ботайской культуры

В 1953 г. М.Д. Бирюковым было сделано устное сообщение отделу археологии ИИАЭ АН КазССР об обнаружении кремневых сколов на левом берегу р. Иман-Бурлук, у с. Никольско-Бурлукское. По данным Л.А. Чалой, в 1958 г. сведения об этом местонахождении были получены Г.Ю. Петренко, геологом Центрально-Казахстанской экспедиции МГУ [34, примечание 1 на с. 188]. В издании «Археологическая карта Казахстана» этот памятник был занесен как «стоянка неолитическая» [35, с. 40]. Частичное изучение памятника с целью определения его границ и стадиальной принадлежности было осуществлено Л.Я. Чалой в составе Северо-Казахстанского отряда. Стоянка находится, по одним данным, в 1,5 км [36, с. 407], по другим - в 2,5 км к юго-востоку от села Никольско-Бурлукского (Никольское) Володарского (Айыртауского) района Кокчетавской (Северо-Казахстанской) области [34, с. 188].

В течение скольких полевых сезонов исследовалась стоянка, автором раскопок в публикации не указывается. Но, вероятно, в течение 2-3 сезонов, поскольку Л.Я. Чалая в примечании отмечает: «Изучение ее началось в 1970 г.», - а материалы сборника, где публиковались результаты раскопок, были сданы в печать в октябре 1973 г. [37, примечание на с. 188, с. 208]. На памятнике, на центральном, западном и восточном его участках, было заложено как минимум 13 квадратов (общего количества в публикации, как и плана раскопок, не приведено). Памятник был определен как поздненеолитическая стоянка с двумя горизонтами-стоянками - нижним (Иман-Бурлук 1) и верхним (Иман-Бурлук 2) [34, с. 189]. Автором раскопок были прослежены резкие различия в инвентаре стоянок Иман-Бурлук 1 и Иман-Бурлук 2 по используемому каменному сырью, типологическому составу каменных орудий, орнаментации сосудов. Л.А. Чалая отметила тождественность материалов стоянки Иман-Бурлук 2 комплексам стоянки Терсек-Карагай в Кустанайском Притоболье и поселений суртандинского типа в Зауралье (Кысы-Куль, Сабакты III и др.) [34, с. 201]. Эпохальная принадлежность стоянки Иман-Бурлук 2 Л.А. Чалой определена неотчетливо. В одном и том же абзаце, говоря о характере хозяйства населения и самого памятника, она употребляет термины «энеолитическая» и «поздненеолитическая» [34, с. 203]. Анализ контекста статьи приводит нас к выводу о том, что Л.А. Чалая признавала энеолитический характер стоянки, но сам энеолит еще не вычленяет в самостоятельную историческую эпоху, а рассматривает в качестве финала позднего неолита. То есть, фактически, в виде переходного этапа от неолита к ранней бронзе.

Однако изучение нового типа памятников исследовательницей продолжено не было и не оформилось в самостоятельное научное направление, что обусловило отсутствие преемственности в исследовании энеолита.

Новый этап исследований энеолита в степном Приишимье начался в начале 1980-х гг. В 1980 году Северо-Казахстанской археологической экспедицией (СКАЭ) под руководством В.Ф. Зайберта было открыто поселение Ботай, которое сразу же было определено как однослойный энеолитический памятник [38].

Обследование окрестностей поселения Ботай, предпринятое сотрудниками СКАЭ, не выявило следов стоянок Иман-Бурлук 1, 2, поэтому вопрос об их локализации остался открытым. Предположительно они были отождествлены с поселением Ботай. Однако иман-бурлукские стоянки и поселение Ботай локализируются их исследователями на противоположных берегах р. Иман-Бурлук, поэтому необходимы новые поиски исследованных Л.А. Чалой стоянок.

В 1983 году энеолитический комплекс был выделен на гетерохронном поселении Рощинское [39]. Выявление особенностей топографии и ландшафтной приуроченности поселений Ботай и Рощинское помогло спрогнозировать открытие и других энеолитических памятников в Приишимье: поселений Васильковка IV, Баландино, Сергеевка, Красный Яр (рисунок А3). Они также подверглись исследованию раскопами.

Открытие однослойных представительных памятников с мощным непотроженным культурным слоем, давших многочисленный и разнородный археологический материал, привлекло пристальное внимание научной общественности. Руководитель СКАЭ В.Ф. Зайберт сумел привлечь к изучению открытых материалов специалистов из разных областей научного знания и организовал комплексное изучение открытых памятников.

В исследованиях энеолитических памятников приняли участие специалисты из крупных научных центров: Челябинска, Пущино, Москвы, Ленинграда. Летом 1983 года на базе поселения Ботай был проведен Всесоюзный полевой археологический семинар. Его участники обсудили ряд важных проблем изучения памятника [40, с. 3]. В 1983 г. были опубликованы результаты двухлетнего исследования памятника Ботай. Его изучение шло быстрыми темпами. За 2 года было раскопано 33 жилища и получены сотни тысяч единиц находок и костных остатков животных. В.Ф. Зайбертом был поставлен вопрос о выделении новой энеолитической культуры - ботайской К памятникам ботайского типа были отнесены поселения Кеноткель VIII, Рощинское и др. Были определены характерные черты выделяемой культуры, высказаны первые представления о типе хозяйства, датировке, происхождении культуры [10]. В.Ф. Зайбертом была разработана комплексная программа по системному изучению ботайской культуры. В рамках этой программы были выделены направления по изучению конкретных отраслей производства и категорий археологического комплекса ботайской культуры (обработка кости, каменная индустрия, керамика, «утюжки»), а также по изучению культурно-исторических процессов (изучение хозяйства, связей с соседними культурными образованиями). За научными сотрудниками СКАЭ были закреплены соответствующие темы кандидатских диссертаций.

Уже к 1985 г. коллективом археологов Северо-Казахстанской археологической экспедиции были достигнуты значительные успехи в изучении материалов поселения Ботай, что выразилось в серии публикаций по большинству из категорий материального комплекса [40; 41; 42; 43; 44; 45].

В статье В.Ф. Зайберта «Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана» была дана краткая история изучения уникального памятника, его описание и общая характеристика археологического комплекса [40, с. 3-7]. В.Ф. Зайбертом были подведены итоги первого этапа изучения по-

селения Ботай и других памятников энеолита Северного Казахстана - Рощинского и Баландино, снова ставился вопрос о выделении ботайской культуры [40, с. 8-10]. Были названы ее отличительные черты. Первоначально в область распространения памятников ботайской культуры В.Ф. Зайберт включал только бассейн верхнего и среднего течения р. Ишим в пределах лесостепной зоны [40, с. 9]. Хронологические границы существования культуры устанавливались в пределах конца IV-III тыс. до н.э. [40, с. 10]. Вопрос о происхождении культуры решался в русле эволюционного развития местной неолитической атбасарской культуры с элементами южных инноваций (со стороны культур Средней Азии) [40, с. 14-15]. Прекращение же существования ботайских памятников связывалось с процессом аридизации климата, начавшимся в конце III тыс. до н.э. [40, с. 15-16].

Большое внимание автором было уделено реконструкции хозяйственной жизни ботайцев [40, с. 11-12]. Опираясь на данные палеозоологов, В.Ф. Зайберт высказывает мысль о существовании у ботайцев производящего хозяйства в виде скотоводства и о его коневодческой специализации. Высказано было и осторожное предположение о существовании земледелия.

В.Ф. Зайбертом были намечены задачи дальнейшего изучения ботайской культуры [40, с. 12-13]. К ним он отнес изучение хозяйственной жизни ботайцев, демографических процессов, вопросов внутреннего и внешнего обмена, социального устройства энеолитического населения, выявление динамики развития культур каменного века на территории Казахстана. В связи с близостью ботайских материалов артефактам из Притоболья, Центрального Казахстана, Южного Урала В.Ф. Зайбертом был поставлен вопрос о существовании в рамках обширного региона большой этнографической общности, куда входили и ботайские древности. Название этой общности еще не было определено.

Одновременно вышла серия статей других исследователей поселения, которые были посвящены более подробной характеристике отдельных категорий инвентаря: каменных и рубящих орудий, керамики, текстильного дела, костяного инвентаря.

В 1984 г. вышла совместная статья В.Ф. Зайберта и О.И. Мартынюка «Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай» [46], где впервые была опубликована ботайская керамика. Авторы первоначально выделили только два типа керамики: веревочную и гребенчатую. Была разработана таблица основных орнаментальных мотивов, опубликованы целые сосуды. Внимание акцентировалось на такой характерной черте орнаментации, как геометризм. Было высказано утверждение о происхождении ботайской керамики на основе неолитической посуды атбасарской культуры. Также ставился вопрос о выделении ботайской культуры и ее включении в энеолитическую культурную общность, которая к тому времени еще не имела названия.

В статье «Керамика поселения Ботай», вышедшей в 1985 г., О.И. Мартынюк продолжил исследование керамического материала [41]. Здесь автором была дана более подробная классификация керамики. По технике орнаментации выделялось уже четыре ее типа: 1) веревочная, 2) гребенчатая, 3) текстильная и 4) неорнаментированная. Автор выделил такие характерные черты ботайской ке-

рамики, как округлодонность, слабую профилировку тулова, отогнутый наружу прямо срезанный либо округлый венчик. Керамику поселения Ботай О.И. Мартынюк отнес к гребенчато-веревочной орнаментальной традиции, локализовав ее в рамках степного региона Северного Казахстана. Он также предложил схему сменяемости техник орнаментации керамики на поселении (рисунок А4). Приоритет в существовании им был отдан текстильной и гребенчатой керамике, которая затем сменяется гребенчатой нетекстильной и веревочной. Им же были поставлены и проблемы в изучении происхождения ботайской керамики, а именно: 1) происхождение веревочной и текстильной орнаментации; 2) изучение технико-технологического процесса ее изготовления.

Завершил исследование ботайской керамики В.С. Мосин [47; 48], дополнив перечень ее характеристик такими признаками, как преимущественное использование примеси к глиняному тесту сосуда дресвы и умеренная вертикальность пропорций сосудов. В то же время он показал, что по таким признакам, как геометрический стиль орнаментации, преобладание гребенчатых узоров, формы сосудов, ботайская керамика входит в состав обширной культурно-исторической общности энеолитических культур Зауралья и Северного Казахстана.

Исследование ботайской керамики В.С. Мосиным проведено на широком фоне развития керамических традиций, существовавших в лесной полосе в эпоху энеолита, показано ее своеобразие в сравнении с суртандинской керамикой. Касаясь вопроса происхождения ботайской керамики, В.С. Мосин отметил, что местная неолитическая керамика очень малочисленна, что не позволяет аргументировано утверждать о генетической преемственности атбасарской и ботайской посуды.

И.Л. Чернаем исследованы текстильные отпечатки на ботайской керамике и сделан ряд выводов о технологии изготовления этой категории сосудов, а также об уровне развития ткачества у ботайцев [45]. Им сделаны следующие выводы: 1) отпечатки на керамике оставлены неткацким текстилем; 2) текстильные отпечатки на керамике обязательно сочетаются с гребенчатыми расчесами на внутренней поверхности сосудов; 3) в совокупности они являются свидетельством формирования сосудов внутри тканевого мешочка; 4) впервые керамика с отпечатками неткацкого текстиля и гребенчатыми расчесами появляется в неолите на памятниках лесной и лесостепной зон Восточной Европы, где отпечатки ткани первоначально заглаживали перед нанесением ямочно-гребенчатого орнамента; 5) после перерыва в эпоху ранней и средней бронзы эта традиция снова возрождается на указанной территории, становится очень распространенной в раннем железном веке и существует до середины II тысячелетия нашей эры; 6) в Северном Казахстане и Южном Зауралье подобный способ изготовления керамики с применением неткацкого текстиля появляется только в энеолите и с началом бронзового века исчезает и больше не появляется; 7) в бронзовом веке используется уже полуткацкий текстиль, сосуды изготавливаются на болванке, обтянутой тканью, что свидетельствует о резкой смене керамических традиций и населения.

Однако нелогичным выглядит его вывод о более раннем (чем в других районах лесостепной и лесной Евразии) применении в Северном Казахстане и Южном Зауралье неткацкого текстиля при формовке глиняной посуды, [45, с. 109], так как выше он говорит о существовании такого способа формовки еще в среде неолитического населения культуры ямочно-гребенчатой керамики и в неолите Германии [45, с. 96-98]. Результаты исследований И.Л. Черная очень важны в деле изучения происхождения ботайской культуры, хотя сам ученый эту проблему перед собой не ставил и видел появление текстильной керамики на территории Северного Казахстана и Южного Зауралья (как и на других территориях) в русле развития производящего хозяйства в энеолите, то есть выступал за конвергентное возникновение этого типа керамики на просторах Евразии.

Исследования И.Л. Черная вызвали полемику среди специалистов. Текстильное происхождение отпечатков на керамике оспаривается Т.Н. Глушковой [49, с. 57-71]. Основываясь на своих материалах, полученных с энеолитических и раннебронзовых памятников Западной Сибири, она считает, что «текстильные» отпечатки на керамике оставлены на самом деле различными нетекстильными способами и инструментами: 1) прокатом круглой палочки, обмотанной двух- или трехжильным жгутом; 2) многократным оттискиванием гребенчатого штампа; 3) прокатом твердого инструмента; 4) выбивкой стенок сосудов твердой колотушкой; 5) «жгутиковым текстилем» [49, с. 61, 63].

Такого же взгляда придерживается И.Г. Глушков [50, с. 99-101]: «Инструментом нанесения текстильных отпечатков служила круглая палочка, с намотанным на нее жгутом из двух или трех толстых нитей. Перевитие нитей в жгутах было самым различным - от сильной до слабой скученности. Другим инструментом, в результате работы которого получались текстильные отпечатки, могла быть лопаточка-колотушка для выравнивания рельефа поверхности, также обмотанная шнуром».

Природа полемики по поводу характера «текстильных» отпечатков на ботайской керамике, на наш взгляд, вытекает из культурной специфики объекта исследования, на основе которого формируются выводы этих ученых. И.Л. Черная свои выводы строит, прежде всего, на основе изучения многочисленных коллекций с памятников лесной зоны Восточной Европы. Т.Н. Глушкова и И.Г. Глушков используют материалы западносибирских поселений. То есть, привлекаются материалы, относящиеся к различным культурным зонам. И правильное решение этой проблемы, на наш взгляд, зависит не только от экспериментальных исследований, но и от решения вопроса о принадлежности текстильной керамики ботайской культуры к той или иной культурной зоне.

В 1985 г. первые итоги изучения каменного инвентаря поселения Ботай были подведены В.И. Зайтовым в статье «Характеристика каменных орудий поселения Ботай» [42]. Ученым были выявлены два генетически не связанных между собой кремневых комплекса - пластинчатый микролитический неолитический и собственно ботайский отщеповой. Каменная индустрия Ботая была охарактеризована как абсолютно отщеповая с господством двусторонней техники вторичной обработки на основе использования яшмокарцитового сырья. От-

мечено, что яшмовое и кремневое сырье, характерное для неолита, жителями поселения Ботай не употреблялось. Основными категориями каменного инвентаря служили орудия для обработки животного сырья (скребки, скребла, ножи, проколки, резцы, резчики), охотничьего назначения (наконечники стрел, дротиков, копий), дерево- и камнеобработки (топоры, тесла, абразивы, молоты и др.), а также утюжки и каменные диски с отверстиями.

Окончательный итог своим исследованиям каменного инвентаря ботайской культуры был подведен В.И. Зайтовым при разработке темы кандидатской диссертации [51].

В 1992 году вышла статья В.И. Зайтова, посвященная перфорированным дискам поселения Ботай [52]. В ней автор дает типологию дисковидных изделий с отверстиями, а также подробно рассматривает технологию их изготовления и варианты утилизации. Сделанные им наблюдения трасологического характера показали, что основным способом изготовления отверстий в дисках было долбление. Сверление использовалось эпизодически [52, с. 141-142]. Обращено внимание на уникальность ботайской коллекции каменных дисков. Среди немногочисленных примеров их массового распространения на других территориях им упомянут факт частой встречаемости этого вида каменных изделий в музеях Швеции, Норвегии, Германии и Финляндии [52, с. 143]. Однако не была показана их хронологическая и культурная приуроченность. Хотя эти данные (тесно увязанные с вопросами происхождения орнаментации, форм керамики, ее технологических характеристик, с вопросами происхождения отщеповой индустрии) могли бы наметить и истоки формирования в энеолите Северного Казахстана традиции изготавливать перфорированные каменные диски.

На поселении Ботай были проведены экспериментальные работы по изготовлению каменных дисков и «утюжков». Они были опубликованы А.А. Плешаковым [53]. В ходе изготовления дисков были хронометрированы выделенные В.И. Зайтовым [52, с. 139-142] технологические стадии процесса. В отношении «утюжков» они выделялись впервые и также были прохронометрированы. Для изготовления отверстия в дисках использовалась исключительно техника сверления [53, с. 203], что, с учетом трасологических наблюдений В.И. Зайтова [52, с. 141-142], вряд ли оправдано с точки зрения назначения эксперимента, цель которого состоит в наиболее полном воссоздании всех технологических операций, а не в получении конечного результата.

В начале 90-х годов разрабатывалась также проблема происхождения и функционального назначения утюжков [54, с. 42-43]. Е.Е. Тетюхин показал их широкое распространение в памятниках степной и лесостепной зон Евразии в конце каменного века и высказал предположение об использовании их в качестве утяжелителей для копьеметалок при охоте на крупных животных. К сожалению, эта интересная работа не была завершена, как, впрочем, и решение проблемы культурных контактов ботайцев, начатое В.В. Худяковым. Тем не менее, В.В. Худяковым был констатирован факт существования таких контактов и разработаны направления в исследовании путей, этапов, динамики, роли культурных взаимодействий ботайцев с другими общностями [55, с. 46-48].

В 1985 году вышла в свет статья Т.А. Даниленко «Костяной инвентарь поселения Ботай» [43]. Автором опубликованы костяные орудия. На основе морфологии изделий, экспериментальных работ и трасологических исследований определено функциональное их назначение, разработана типология. Публикацию получили уникальные для культур каменного века костяные изделия с гравировкой, в первую очередь, фаланги лошадей. Т.А. Даниленко отметила «высокий уровень косторезного дела, уникальность и своеобразие коллекции» и указала, что некоторые типы костяных изделий встречаются на памятниках верхнего палеолита-энеолита на территории от Урала и Поволжья до бассейна Сухоны и Восточного Прионежья [43, с. 47]. Коллекцию костяных предметов и индустрию кости Ботая изучала также Сандра Ольсен [56]. Однако в целом исследование костяного инвентаря ботайской культуры не было доведено до логического завершения.

В совместной статье А.А. Плешаковым и В.Ф. Зайбертом были опубликованы результаты исследований рубящих орудий поселения Ботай [44]. Их типология была произведена на основе классификации, разработанной В.М. Воробьевым [57, с. 47]. В результате типолого-классификационных исследований был выявлена устойчивая локальная традиция в изготовлении рубящих орудий, которые представлены двумя очень сходными типами - треугольными и трапециевидными в плане орудиями. Авторами высказано предположение, что, возможно, эти два типа являются частными вариациями одной генеральной формы. В результате трасологического изучения было уточнено функциональное назначение рубящих орудий. Часть долотовидных орудий на самом деле не имела никакого отношения к деревообработке. Орудия служили сверлами и развертками для обработки камня. Была установлена функциональная взаимозаменяемость топоров и тесел, выявлено соотношение размеров рубящих орудий с выполняемыми ими операциями. В целом, был доказан высокий технический уровень деревообработки на поселении Ботай.

С самого начала исследований большое внимание было приковано к изучению остеологического материала поселений ботайской культуры.

Кости с поселения Ботай анализировались целым рядом палеозоологов - Л.А. Макаровой в 1981 г., Т.Н. Нурумовым совместно с Л.А. Макаровой в 1983-1986 гг. [58, с. 40], Н.М. Ермоловой в 1982 г. [59], а затем - И.Е. Кузьминой [60]. Остеологический материал поселений Рошинское и Баландино определен Л.А. Макаровой и Т.Н. Нурумовым [58, с. 53]. Кости животных с поселения Сергеевка были определены П.А. Косинцевым и А.И. Варовым [61].

Л.А. Макаровой в 1980 году было отмечено, что абсолютное большинство костей принадлежит лошади, которую она отнесла к домашней форме [62].

В 1982 году поселение посетила палеозоолог Н.М. Ермолова. В 1993 году были опубликованы дневниковые записи Н.М. Ермоловой, содержащие характеристику костных остатков млекопитающих животных поселения Ботай из раскопок 1982 года [59]. Ее записи свидетельствуют о том, что 99,9% костных останков на поселении относятся к лошади *Egwas Caballus*. Исследовательница отметила отсутствие четких диагностических показателей доместикации древних лошадей, что затрудняет отнесение ботайской лошади к дикой или домаш-

ней форме. Н.М. Ермолова, все же, отнесла ботайскую лошадь к дикой форме и сделала вывод об охоте на нее как о главном хозяйственном занятии ботайцев. Выявленные ею такие особенности остеологической коллекции, как большой процент костей взрослых особей, полная утилизация костей, содержащих мозг, отсутствие следов использования ботайцами мягких удил для управления лошадью [59, с. 87-88], позволили Н.М. Ермоловой отрицать доместифицированный характер ботайской лошади и возможность освоения верховой езды.

Встреченные на поселении остатки тура также были отнесены Н.М. Ермоловой к диким особям [59, с. 89].

Последующие исследования в области изучения костных остатков ботайской лошади все же шли в русле признания ее доместифицированности.

Л.А. Макарова и Т.Н. Нурумов провели тщательное исследование костных останков с памятников неолита-бронзы Казахстана, в том числе и с поселения Ботай [63; 64]. Ими были выявлены основные остеометрические данные ботайских лошадей, произведено их сравнение с костными останками ископаемых позднеплейстоценовых лошадей, лошадей из хронологически близких энеолитических поселений Восточной Европы, поздней бронзы и раннего железного века Казахстана и Алтая, современными дикими формами.

В одном сборнике с записками Н.М. Ермоловой вышла в свет статья И.Е. Кузьминой «Лошади Ботая» [60]. И.Е. Кузьмина не дает конкретного ответа по проблеме доместификации ботайской лошади. Она лишь отмечает, что «в IV-III тыс. до н.э. на значительном протяжении от Прикарпатья до Северного Казахстана с запада на восток и между 48° с. ш. и 52° ю. ш., по-видимому, находилась область распространения древнейших домашних животных» [60, с. 188]. Произведенные ею промеры костных останков показали промежуточное положение размеров ботайской лошади между такими древними видами, как широкопалая и уральская с одной стороны, и лошадь Пржевальского и кулан - с другой, или (другой вариант) - широкопалая с одной стороны и уральская, лошадь Пржевальского, кулан - с другой, то есть между северными и южными дикими видами лошади. Как показывает исследовательница на примере ширины фаланг, размеры частей скелета древней лошади тесно соотносятся с плотностью грунта, который в свою очередь, зависит от климата и имеет широтную градацию [60, с. 186]. Такую же градацию имеют и остальные промеры. В то же время доместифицированность ботайской лошади выводится на основании относительной близости части ее промеров аналогичным данным древних домашних лошадей Украины и Предуралья, то есть лошадей, обитавших в такой же лесостепной зоне, что и ботайская лошадь, а это априори подразумевает их морфологическую близость вне зависимости от принадлежности к диким или домашним видам.

Остеологическую коллекцию с ботайских памятников в свете проблемы выделения морфологических признаков доместификации на костях лошади изучали немецкие ученые Фриш и Бенеке [65, с. 21].

Ряд костяных изделий, происходивших с поселения Ботай, был интерпретирован как элементы примитивной конской упряжи - стержневые псалии [66].

Американец Дэвид Энтони применил оригинальную методику определения следов на зубах лошади от использования удил [67].

Несмотря на все усилия и достигнутые результаты, Л.А. Макарова и Т.Н. Нурумов считают, что по-прежнему актуально стоит задача «выявления доместикационных признаков, если они появились в строении отдельных костей к данному моменту ее (т.е. ботайской лошади - автор) существования» [64, с. 147].

Материал по ботайскому домостроению первоначально был опубликован тезисно. Была выявлена топография поселения Ботай, выделены жилища и помещения культового или хозяйственного назначения, дан вариант реконструкции жилищ и их внутренней среды. С самого начала формируется традиция рассмотрения ботайского жилища как имеющего в своей архитектуре среднеазиатские черты и обоснования древности построек типа шошала [68].

Позже поселенческий материал был специально исследован с точки зрения функционального подразделения жилищ и территории поселения Ботай. Выяснилось, что на поселении Ботай отсутствовало подразделение территории и жилищ на производственные и жилые, за редким исключением (загоны для скота(?), ритуальные помещения(?)) постройки были полифункциональными [69].

В 1993 году вышла обширная статья А.М. Кисленко «Опыт реконструкции энеолитического жилища» [70], в которой публиковались стратиграфические и планиграфические наблюдения в процессе раскопок жилищных котлованов, а также результаты экспериментальных работ по реконструкции жилищ на поселении Ботай. Жилища реконструировались как соединенные в группы крытыми переходами полуземлянки с насыпными глиняными наземными стенами и конической бревенчатой крышей в виде ложного свода (рисунок А5). Форма жилищ определялась как округлая и многоугольная [70, с. 125-127, 129, 131]. Однако А.М. Кисленко специально отмечено, что ранние жилища на поселении Ботай имели прямоугольную форму котлована, а ее последующее изменение в сторону округлости и многоугольности было продиктовано демографическими процессами и природно-климатическими условиями [70, с. 134, 136]. А.М. Кисленко провел этнографические параллели ботайских жилищ с постройками пастухов Средней Азии и Казахстана типа «шошала» и «олшек» [70, с. 132, 134]. Однако нужно помнить, что в археологии признано считать все этнографические параллели достаточно условными.

Были рассмотрены вопросы планировки поселения в целом. Выявлено функциональное деление территории поселения Ботай на две части: береговую производственную и центральную жилую. Дома на поселении группировались в «кварталы» от 2 до 24 жилищ в каждом по принципу «сотовой» планировки. Между соседними компактными группами жилищ образовывалось что-то вроде улиц шириной 4-8 м [70, с. 117].

В 1984 году были опубликованы немногочисленные данные по погребальному обряду и антропологии поселения Ботай [71]. Выявлено два варианта погребальных традиций. Один представлен единичным случаем коллективного захоронения на территории поселения в заброшенных жилищах в вытянутом положении лежа на спине с ориентировкой на юго-восток, без сопровождения

керамикой и орудиями труда. Сопроводительный инвентарь представлен только многочисленными бусами из раковин моллюсков. Погребальная камера ограничивалась выкладкой из черепов лошади [71, с. 122, 123, 125]. Другой вариант также представлен единичным случаем захоронения изолированного черепа в сопровождении скопления охры и с хозяйственным инвентарем. Череп имел следы прижизненной трепанации и посмертного наложения глиняной маски [71, с. 123]. Антропологический тип ботайцев Г.В. Рыкушиной определен как европеоидный протоевропейский. Ею отмечено, что ботайские черепа отличаются архаичностью, выражающейся в их крупных размерах и массивности. Антропологические особенности черепа 4 вызвали его неуверенное отнесение к метисной европеоидно-монголоидной или экваториальной форме [71, с. 133-134].

Датирование по С-14 образцов с поселений Ботай, Красный Яр, Сергеевка и Баландино было произведено в лабораториях Оксфорда и Москвы. Даты опубликованы В.Ф. Зайбертом в 1993 г. [3, с. 153], Marsha Levine и А.М. Кисленко в Англии в 1997 г. [72], с поправками редакционного характера - в коллективной монографии Katie Boyle, Colin Renfrew & Marsha Levine [73, с. 131-134]. Опубликованные В.Ф. Зайбертом некалиброванные даты укладываются в пределы XXIX-XXI вв. до н.э., а калиброванные - в пределы XXVI-XXII вв. до н.э. Калиброванные значения дат, опубликованных Marsha Levine и А.М. Кисленко в Англии, значительно старше и дифференцированы. Для поселений Ботай и Красный Яр они соответствуют XXXVII-XXXI вв. до н.э., для Сергеевки - XXX-XXV вв. до н.э., для Баландино - XXV-XXI вв. до н.э. (таблица А1). Такая разница в датировках пока не прокомментирована и является актуальной.

Для изучения палеогеологической и палеоклиматической ситуации, существовавшей в районе поселения Ботай в эпоху энеолита, В.Ф. Зайбертом были привлечены почвовед И.В. Иванов [74] и географ Н.П. Белецкая [75].

Полученные материалы и исследования сотрудников СКАЭ и привлеченных специалистов были обобщены в монографии В.Ф. Зайберта [3]. В монографии нашли отражение высказанные ранее положения, часть из них получила свое дальнейшее развитие и фундаментальное обоснование.

Так, повторно были опубликованы материалы памятников, отнесенных В.Ф. Зайбертом к ботайской культуре, результаты статистической, типологической и трасологической их обработки (по поселению Ботай) [3, с. 39-43, 47-49, 54-57, 63-67, 92]. Детальной проработке подверглась типология каменных и костяных изделий (таблица А2). Уточнялась хронология культуры и разрабатывалась ее периодизация (рисунок А6). Вместо ранее установленных широких рамок в пределах конца IV-III тыс. до н.э. время бытования ботайских памятников определялось XXVI-XXII вв. до н.э. (ботайский период) и концом III-нач. II тыс. до н.э. (постботайский период) [3, с. 153-156]. Происхождение культуры реконструируется на основе явленского варианта атбасарской культуры как результат перехода к производящему хозяйству в условиях относительной оседлости и повышенного увлажнения климата [3, с. 154, 157, 159] (рисунок А7) с элементами инноваций с юго-запада и севера в ходе опосредованных связей

«через контактные зоны ботайской, суртандинской, кельтеминарской культур» [3, с. 158].

В.Ф. Зайбертом формулируется точка зрения о единокультурности ботайских и выделенных кустанайскими учеными в качестве самостоятельной культуры терсекских памятников [11] и необходимости их объединения в рамках одной - ботайской - культуры [3, с. 149-151]. Ареал ботайской культуры очерчивается В.Ф. Зайбертом довольно широко и включает «территорию в пределах Приишимья-Притоболья, район Южного Зауралья, зону Павлодарского и Усть-Каменогорского левобережья Иртыша, включая, возможно, восточную часть Центрального Казахстана» (рисунок А3). Приишимские памятники (Ботай, Рошинское, Васильковка IV, Красный Яр) определяются автором как стационарные осенне-зимние поселения, а Притобольские (Соленое Озеро 1, Кожай и др.) - в качестве сезонных весенне-летних стоянок [3, с. 143, 149].

Выделенная В.Ф. Зайбертом энеолитическая культурно-историческая общность в этой работе получает название «Урало-Иртышская» [3, с. 151], но территориально уравнивается с ботайской культурой.

Но в целом монография В.Ф. Зайберта была посвящена разработке модели ботайского хозяйственно-культурного типа на основе специально разработанной им схемы взаимодействия социума и экологической ниши (рисунок А8). Автором реконструированы экологическая ниша энеолитической культуры, система многоотраслевого хозяйства ботайцев с доминантой скотоводства в виде коневодства и механизм его функционирования. Также разрабатывалась проблема устройства ботайского социума. На основе вариантов орнаментации керамики, форм котлованов жилищ, неоднородности антропологического типа населения выявлена бинарная структура ботайского этноса [3, с. 145-147].

Проблемой выделения энеолитических культурно-хозяйственных комплексов в Северном Казахстане занимались также А.М. Кисленко и Н.С. Татаринцева [76]. Ими были опубликованы материалы поселений Рошинское, Баландино, Сергеевка. На основе анализа материалов поселений эпохи энеолита, отнесенных В.Ф. Зайбертом к ботайской культуре, они выделяют в Приишимье две культурно-хозяйственные зоны - лесостепную и степную [76, с. 95-98]. Лесостепной культурно-хозяйственный тип (КХТ) представлен поселениями Сергеевка и Баландино. В неолите-ранней бронзе он эволюционирует медленно, сохраняется значительная доля орудий на пластинах, их ассортимент ограничен. Степной ХКТ представлен поселениями Ботай, Красный Яр, Рошинское. В неолите-энеолите он прогрессирует от пластинчатой технологии к отщеповой с богатым набором типов орудий труда как следствие перехода к производящему скотоводческому характеру. В конце энеолита степной КХТ переживает кризис, однако его носители оказывают значительное влияние на лесостепной КХТ, вследствие чего формируется раннебронзовый предпетровский горизонт, к которому А.М. Кисленко и Н.С. Татаринцева относят «сергеевские» комплексы [76, с. 97-98].

Многолетний опыт работы по изучению древней истории и культуры в рамках естественно-географического региона Казахстанского Приишимья, а также масса накопленного фактического материала привел северо-казахстанских ар-

хеологов к осознанию необходимости расширения методологического основания исследований, без чего невозможным был перевод научного знания на качественно новый уровень - уровень реконструкции механизмов материального и духовного производств. Именно поэтому В.Ф. Зайберт счел нужным обратиться к достижениям философской мысли - учению В.И. Вернадского о ноосфере и биосфере Земли [77, с. 3-4], которое обогатило науку осознанием тесного взаимодействия человеческого общества и природы.

Аспект в изучении древнейшей культуры и истории был перенесен в область реконструкции хозяйственно-культурных типов, механизмов их функционирования через экспериментальное изучение отдельных блоков и тем.

Материалы ботайской культуры позволили В.Ф. Зайберту предложить модель древнего социума как феномена, тесно взаимодействующего с вмещающим природным окружением - биосферой [77, с. 5].

В.Ф. Зайбертом были намечены и темы исследования подсистем индустриального блока древних культур региона в целом: «Истоки горного дела и камнеобработки», «История металлургии», «Гончарство», «История обработки дерева и кости», «Система жизнеобеспечения древнего человека» [77, с. 5, 7, 8], в которых могли быть использованы и материалы ботайской культуры.

Однако последовавшие затем кризисные явления в обществе и экономике не позволили реализовать намеченную программу исследований. В свет вышел еще ряд статей, но они имели больше информативный характер [78; 79].

Включение поселения Ботай в состав государственного национального парка природы «Кокшетау» позволило проводить охранные мероприятия в виде работ по предотвращению разрушения памятника и раскопок в береговой части оврага. Включение Ботая в государственную программу «Изучение и сохранение историко-культурного наследия РК» на 2004-2006 гг. позволило возобновить археологические исследования на поселении. Основные результаты комплексного изучения и сохранения поселения Ботай вместе со статистико-типологическим анализом инвентаря были опубликованы в 2007 г. [65]. Новые материалы показывают, что на локальных участках поселения существовали неолитические слои [65, с. 160].

Параллельно проводится работа по разведке новых энеолитических памятников.

В конце 1990-х-2000-х гг. по договору с зарубежными специалистами было произведено дистанционное исследование поселений Ботай, Красный Яр, Васильковка IV геомагнитным методом. В английских лабораториях был произведен анализ пригаров на керамических сосудах с целью выявления жировых следов молочных продуктов. Полученные результаты находятся на стадии осмысления.

2.2 Выделение и изучение терсекской культуры

История изучения энеолита Тургайского прогиба логически распадается на два периода: 1930-е-1950-е гг. и 1970-е-1990-е гг. История изучения первого периода подробно рассмотрена кустанайскими учеными [4, с. 6-16]. Ими были выявлены достижения и проблемы изучения энеолитической эпохи [4, с. 15-16]

с целью обозначить исходные позиции для нового, второго этапа ее исследования. Поэтому для нашего исследования история изучения тургайского энеолита в период 1930-х-1950-х гг. неактуальна. Мы можем лишь использовать выводы С.С. Калиевой и В.Н. Логвина о достижениях этого периода как основу для изучения историографии изучения энеолита Тургайского прогиба в последующие годы.

С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным дана сводка обнаружения в Тургайском прогибе первых памятников финала каменного века и первоначальных выводов, сделанных на основе анализа их материалов [4, с. 6-16].

Одним из таких памятников была стоянка Кайранколь, обнаруженная С.И. Руденко во время его научной поездки по Казахстану в 1921 году. С 1937 по 1940 год краеведами, в основном директором Кустанайского музея П.Я. Чернявским и Г.Е.Быковым, было выявлено более десятка неолитических и энеолитических стоянок. В 1945 году две стоянки были обнаружены сотрудниками зоологической экспедиции МГУ. Одну стоянку (у поселка Садчиковка) в 1948 году выявил А.А.Формозов. В 1955 году две стоянки были открыты Г.И.Пацевичем. В этот же период геологами ИГАН Каз. ССР обнаружено девятнадцать пунктов в бассейне реки Каратургай [4, с. 6].

В годы войны коллекции ряда стоянок изучались А.Я. Брюсовым [4, с. 6]. В работах «Неолит и начало бронзовой эпохи в Кустанайской области в Казахской ССР» и «Очерки древнейшей истории Кустанайской области» дано описание материалов двух коллекций, собранных П.Е. Загородным у озера Светлый Джаркуль, погребения у того же озера, находок со стоянок у озер Большой Аксуат и Коль. Им была определена более поздняя хронологическая позиция пластинчато-отщеповых комплексов стоянки у озера Большой Аксуат по сравнению с микролитическими материалами стоянки Светлый Джаркуль 1. Первые датированы им IV-началом III тыс. до н.э. [4, с. 7].

Стоянку Коль А.Я. Брюсов отнес к ранней поре бронзового века на основании присутствия на керамике андроподобной орнаментации. Материалы стоянки Светлый Джаркуль 2 и Каратамарской стоянки он отнес к началу или середине II тыс. до н.э. В этом случае он исходил из присутствия в коллекциях этих стоянок шлифованных каменных орудий и наконечников сейминского типа. Погребение в Светлом Джаркуле было отнесено А.Я. Брюсовым к еще более позднему времени [с. 8].

В середине 1940-х-1950-е гг. материалы памятников каменного века региона изучал А.А. Формозов [4, с. 11-12]. В середине 1940-х гг. А.Я. Формозов проанализировал материалы, собранные членами зоологической экспедиции МГУ в Наурзумском заповеднике на стоянках Терсек-Карагай и Аксуат (С.С. Калиева и В.Н. Логвин идентифицируют последнюю с Большеаксуатской стоянкой А.Я. Брюсова), опубликовав их в 1946 г. в работе «Памятники древности Наурзумского заповедника». В 1950 г. в статье «Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом» было дано краткое описание материалов Каратамарской, Садчиковской, Южной Затобольской стоянок и стоянки у озера Коль. Подробно были опубликованы материалы стоянок Терсек-Карагай, Светло-Джаркульская и Аксуатская. В статье «Доандроновское погребение в

Казахстане» описываются находки из Светлоджаркульского погребения, которое А.А. Формозов отнес к началу II тыс. до н.э. Материалы стоянок А.А. Формозов первоначально отнес к эпохе неолита и датировал концом III - началом II тыс. до н.э., на основании облика каменной индустрии разделив их на две группы. В группу памятников с пластинчатой индустрией были объединены стоянки Аксуат, Светлый Джаркуль, Южная Затобольская, Каратамар, Садчиковка и стоянки в бассейне озера Убаган, а в группу с отщеповой индустрией - стоянки Терсек-Карагай и Коль.

Памятники второй группы А.А. Формозов выделил в «терсек-карагайскую» культуру (с включением в нее стоянки Кысы-Куль), которая была противопоставлена им кельтеминарской культуре Приаралья [4, с. 13], тем самым синхронизируя их с неолитическими памятниками среднеазиатских пустынь.

Таким образом, за период 1930-х-1950-х гг. были выявлены первые энеолитические стоянки Терсек-Карагай и Коль. С.С. Калиева и В.Н. Логвин считают, что исследованиями 1940-1950-х гг. были достигнуты следующие успехи в изучении энеолита Тургайского прогиба [4, с. 15-16]:

«1. Были выявлены первые бесспорно энеолитические стоянки Терсек-Карагай и Коль. 2. В основном на их материалах поставлен вопрос о выделении особой энеолитической «терсек-карагайской» культуры. 3. Поставлен вопрос об участии терсекского населения в формировании андроновских древностей».

Объектом нашего изучения является, прежде всего, второй этап исследования энеолитической культуры Тургайского прогиба. В ходе его достигнуты значительные успехи, высказаны многочисленные суждения. К тому же, он длителен по времени (занимает порядка 30 лет), но внешнему анализу практически не подвергался.

В 1975 г., в ходе разведок по рекам Сарыозен, Теке, Кара-Тургай, Каинды, Жаксы-Каинды и озерам Сарыкопа и Щоиндыколь, В.Н. Логвиным вдоль р. Каинды было обнаружено семь памятников. Каменный инвентарь был получен и на пунктах Теке 1-6 по р. Теке [80]. На р. Каинды наиболее представительный материала дала стоянка Каинды 3. Она была исследована небольшим раскопом в 12 кв. м. Здесь помимо каменного инвентаря была получена гребенчатая керамика. Остальные стоянки были обследованы подъемными сборами. На р. Теке самым представительным по находкам был пункт Теке 1, с которого тогда были собраны материалы только пластинчатой индустрии. На пунктах Теке 5 и 6 вместе с каменными изделиями присутствовала керамика андроновского облика. На момент обнаружения комплексы каменного века не идентифицировались ни культурно, ни эпохально.

В 1976 г. экспедицией Кустанайского областного краеведческого музея под руководством В.В. Евдокимова в ходе разведки на озерах Малый и Большой Аксуат в Наурзумском заповеднике выявлен ряд пунктов с кремневым инвентарем, отнесенным исследователем к эпохе энеолита [81].

В 1978 г. совместной экспедицией Кустанайского пединститута и краеведческого музея была исследована раскопом энеолитическая стоянка Соленое Озеро I на территории Наурзумского заповедника, в 0,5 км к западу от пос. Наурзум. Стоянка располагалась на берегу узкой протоки соленого озера. Зна-

чительная часть культурного слоя стоянки (мощность всего 0,2-0,3 м) разрушена. В процессе раскопок памятника были обнаружены хозяйственная яма, керамика с примесью талька, растительности, песка, орнаментированная в отступающей технике, прочерчиванием гребенкой, каменные изделия, преимущественно на отщепах [82].

В 1979 г. В.А. Могильниковым в ходе разведки в зоне проектируемых массивов орошения в Карабутаком р-не в среднем течении Иргиза на первой надпойменной террасе левого берега реки подъемными сборами исследовано поселение Аралтогай VII, поздний комплекс которого, в отличие от раннего микролитического, содержал крупные ножи из кварцита и кремнистого сланца и скобели с двусторонней обработкой. Встреченные фрагменты керамики не содержали орнамента [83].

В этом же году Тобольский отряд Кустанайского пединститута под руководством К.С. Махмутовой исследовал стоянку Алкау II на правом берегу р. Тобол, в 1,5 км от пос. Алкау. Мощность культурного слоя стоянки 0,2-0,4 м. Стоянка первоначально была определена как неолитическая [84].

В это же время экспедицией Кустанайского пединститута под руководством В.Н. Логвина было открыто 13 памятников на р. Атагай - правом притоке р. Убаган. Среди них - Дузбай 2 и 3. Стоянка Дузбай 2 расположена в 3-3,5 км к юго-востоку от пос. Дузбай у водохранилища Шургали в русле р. Атагай. Стоянка Дузбай 3 на левом берегу р. Атогай, в 2 км от водохранилища вниз по течению реки. Обе стоянки раскапывались в сезоне 1979 г. На Дузбае 2 вскрыто 184 кв.м. Культурный слой мощностью 0,2-0,4 м местами прорезан поздними ямами. Были выделены материалы только неолита, бронзы и раннего железа. Площадь Дузбая 3 составляла 10000 кв.м., раскопано - 60 кв. м. Культурный слой незначительной мощности - 0,1-0,15 м [85]. Первоначально на обеих стоянках энеолитические материалы выделены не были. Они рассматривались в качестве неолитических. По всей видимости, этому способствовала незначительная мощность культурного слоя разновременных стоянок, а также встречаемость в культурном слое неолитических и энеолитических материалов.

Однако уже в следующем полевом сезоне 1980 г. на поселении Дузбай 3 В.Н. Логвину удалось планиграфически и типологически разделить неолитические и энеолитические комплексы. Неолитические залежали выше по склону, а энеолитические - ниже и ближе к реке. Вместе с энеолитической керамикой обнаружены многочисленные орудия из отщепов, а также сосуд ямно-афанасьевского типа [86]. В этом же сезоне раскапывалась стоянка Алкау 2. Раскопано 100 кв. м. Выявлен неолитический материал и эпохи бронзы. Большинство неолитического каменного инвентаря представлено орудиями на пластинах. Керамика фрагментирована [86].

В 1980 г., во время строительных работ канала оросительной системы, на левом берегу Тобола, в урочище Аксу, в 3,3 км к северо-западу от пос. Садчиковка, было найдено скопление каменных орудий и отщепов. Место обнаружения находок было исследовано С.С. Калиевой и при опубликовании их материалов в 1988 г. было определено как клад [87]. Клад залегал на контакте верхнего слоя темного гумусированного песка и нижнего слоя желтого песка, на площадке не

более 0,5 м в диаметре. При дообследовании места обнаружения клада были зафиксированы «две ямки диаметром 0,35 и 0,45 м, глубиной соответственно 0,1 и 0,3 м» [87, с. 240].

Клад состоял из 202 предметов и был представлен как орудиями на отщепах, так и отщепами без вторичной обработки. С.С. Калиева отметила эту особенность клада, считая, что присутствие в нем отщепов обусловлено возможностью их преобразования в орудия [87, с. 240]. Доля орудий в составе клада составила 2/3, что сильно отличается от пропорций изделий и отщепов с поселений.

С.С. Калиевой была проведена статистическая обработка материала по размерам и было выявлено, что величина готовых орудий несколько больше величины отщепов без обработки [87, с. 240]. Также был определен сырьевой состав изделий. 96,5% орудий изготовлено из кварцитов и кварцитопесчанников. И только шлифованные орудия изготавливались из других пород камня. Это - дисковидные орудия (гидротермально измененные туфы) и рубящие орудия (халцедонолиты). Клад показал абсолютное господство приема нанесения краевой ретуши (96,1% всех орудий), сплошную (в том числе двустороннюю) ретушь имело всего четыре орудия, и пять орудий изготовлены шлифованием.

Соотношение типов орудий в составе клада также показало отличную от поселений картину, где основную часть в инвентаре занимают скребки. В составе клада преобладали ножи, затем шли скребки, скобели, проколки, комбинированные орудия, наконечники, топор, тесла, перфорированные диски [87, с. 241].

Аналогии орудиям клада С.С. Калиевой были прослежены в материалах таких «чистых» терсекских памятников, как стоянки Терсек-Карагай, Коль, Евгеньевка 2, Соленое Озеро 1 и др., на основании чего клад Аксу был отнесен исследовательницей также к терсекскому времени [87, с. 243]. Однако необъясненным остался один, но очень любопытный момент - преобладание в кладах орудий, обработанных краевой ретушью, а также использование для изготовления орудий, в основном, пластинчатых отщепов. Оба эти нюанса кремневой индустрии не являются преобладающими в терсекской индустрии. Возможно, объяснение кроется в прослеженной С.С. Калиевой аналогии клада Аксу с волосовскими кладами стоянок Володары и Сахтыш II [87, с. 243].

В 1981 В.Н. Логвиным были получены данные о существовании местонахождения с энеолитическими материалами у с. Ливановка. Оно было осмотрено исследователем в 1982 г. и определено как стоянка терсекского типа. Материалы местонахождения были опубликованы исследователем в 1988 г. [88].

Стоянка находится недалеко от поворота с шоссе Кустанай-Камышное на с. Ливановка. Площадь распространения находок составила около 10 тыс. кв. м. Предположено, что стоянка существовала вблизи древнего озера, остатки которого были зафиксированы В.Н. Логвиным в полукилометре от местонахождения.

Памятник исследовался методом сбора подъемного материала. Стационарных раскопок либо шурфовок предпринято не было. Кремневый инвентарь и керамика со стоянки В.Н. Логвиным были определены как типичные для памятников терсекского типа [88, с. 232-234; с. 233, рисунок 1, 1-28].

Уникальной находкой явилось обнаружение четырех венечных костей лошади, орнаментированных сложным геометрическим узором [88, с. 234]. На других энеолитических памятниках Северного Казахстана орнаментировались только фаланги лошади. Орнаментации подверглась не боковая поверхность кости (как у фаланг) - узор расположен на суставной ее части. Такие отличия очень интересны с точки зрения исторической, культурной и этнографической интерпретации находок.

Полученные к началу 1980-х гг. материалы позволили В.Н. Логвину выделить в степном Притоболье энеолитическую эпоху и дать первоначальную ее характеристику.

Характеристика В.Н. Логвиным энеолита Тургайского прогиба первоначально основывалась на материалах стоянок Каинды 1-4 (в первую очередь, Каинды 3, где материалы происходили из раскопа), получивших в 1981 г. свою первую публикацию. Помимо гребенчатой керамики и каменных орудий отщепового облика на стоянке Каинды 3 были обнаружены немногочисленные пластины и двухплощадочный призматический нуклеус [89, с. 74], а также немногочисленные же фрагменты керамики, орнаментированные гладкой качалкой, отступающей палочкой, насечками [89, с. 76]. Это свидетельствует о смешанном характере комплекса.

Вместе с тем, он был отнесен полностью к энеолиту. Энеолитическую принадлежность памятника автор устанавливает на основе аналогий в материале с памятниками, исследованными в разное время А.А. Формозовым, Л.А. Чалой, Г.Н. Матюшиным, - Терсек-Карагай, Коль, Иман-Бурлук 2 и суртандинскими стоянкам [89, с. 76-77]. Прослежены и отличительные черты. Было высказано предположение о некоторой упрощенности орнамента керамики стоянки Каинды 1-4 по сравнению с приишимской и южноуральской посудой [89, с. 77].

Костных остатков животных на стоянке обнаружено не было. Тем не менее, В.Н. Логвин формулирует вывод о типе хозяйства местного энеолитического населения, который строится им на основе характера коллекции каменных орудий. Несмотря на то, что В.Н. Логвин сам признает, что кардинальных отличий между набором каменных орудий охотника на крупных животных и скотовода на ранних этапах производящего хозяйства нет, все же он высказывается за то, что основой хозяйства каиндинцев было скотоводство [89, с. 77]. Однако, здесь он исходил не из материалов стоянок Каинды 1-4, а из представления, сложившегося о хозяйстве энеолитического населения Северного Казахстана в результате исследований Л.А. Чалой, Г.Н. Матюшина и В.Ф. Зайберта.

Причина перехода энеолитического населения к скотоводству как основному виду производящего хозяйства видится В.Н. Логвиным в отсутствии климатических изменений, которые могли бы способствовать резкому увеличению крупных диких животных и, как следствие, дальнейшему развитию охоты [89, с. 77]. Это мнение исследователя противоречило известным уже к тому времени данным о существовании в энеолитическую эпоху климатического оптимума и явилось началом расхождения во взглядах В.Н. Логвина и В.Ф. Зайберта на причины и обстоятельства перехода к скотоводству в энеолите Северного Казахстана.

В течение 1983-1985 гг. раскопками был исследован один из основных памятников терсекского типа - поселение Кожай 1. Частично материалы поселения приводились в разных публикациях кустанайских ученых, в том числе и в обобщающей работе по энеолиту Тургайского прогиба [4, с. 25-33]. Однако полностью многочисленные материалы поселения вышли отдельной монографией лишь в 1998 г. [90]. В этой работе была дана общая характеристика памятника, описание процесса его исследования, прояснена стратиграфическая и топографическая ситуация на памятнике.

Поселение Кожай 1 расположено в верхнем течении р. Бала-Терсаккан на правом, более крутом берегу реки, в месте, где долина реки достигает в ширину 5-6 км. Культурный слой на значительной части площади памятника разрушен оврагом, образовавшимся в результате прорыва дамбы, перегораживавшей русло реки. К тому же, часть верхнего слоя памятника потревожена ножом бульдозера. Раскопками исследовано 1068 кв. м площади памятника, на которых вскрыты остатки пятнадцати жилищ и около восьмидесяти ям [90, с. 5].

Границы жилищ 1-6 вследствие плохой их «читаемости» в плане и профиле, определены вероятно. Параметры остальных жилищ зафиксированы с большей точностью [90, с. 5-6].

Стратиграфия памятника представлена культурным слоем в виде коричневой супеси толщиной от 0,1 до 0,8 м на различных его участках, который подстилается желтым суглинком материка, иногда с линзами мелкого гравия [90, с. 5-6].

К 1986-му году на территории Тургайского прогиба было открыто уже около 30 памятников с материалами терсекского типа. Стационарными раскопками к этому времени были исследованы такие стоянки, как Соленое Озеро 1, Дузбай 2, 3, Бестамак, Каинды 3. «Чистыми» терсекскими комплексами считались материалы памятников Соленое Озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка, Каинды 3, Кожай 1, Кумекшу 1, Токанбай 2 и клад Аксу [91, с. 58-59].

К этому времени была выявлена специфика топографического расположения терсекских памятников. Только клад Аксу был найден на берегу р. Тобол. Стоянки Соленое Озеро 1, Малый Аксуат, Коль, Евгеньевка 2, Ливановка расположены по берегам рек и озер, стоянка Терсек-Карагай приурочена к роднику. Остальные памятники найдены на малых реках, которые текут только весной, а в остальное время года их гидрологический режим сходен с режимом озер [91, с. 58]. Таким образом, исследователи этих памятников считают характерной чертой топографии терсекских памятников их приуроченность к озерному ландшафту.

Не совсем понятно почему, но в публикации 1986 г. единственным терсекским жилищем, из трех десятков изученных памятников, считаются только остатки полуземлянки на стоянке Соленое Озеро 1 [91, с. 58-59], хотя к этому времени уже завершилось исследование поселения Кожай I, где были вскрыты остатки пятнадцати жилищных конструкций [90, с. 5]. Жилище стоянки Соленое Озеро 1 было устроено в песчаном грунте и на поверхности подверглось распашке. Поэтому полученная информация страдает своей ограниченностью в плане его реконструкции. Предполагается, что это была округлое шалашеоб-

разное жилище диаметром 6 м и глубиной до 0,8 м от дневной поверхности с выступом в северной части жилища (возможно - выходом). В центре котлована прослежены следы 16 столбовых ям.

Очагов не обнаружено. Отмечено лишь существование нескольких линз темно-серого песка с углистыми включениями. В центре жилища обнаружено скопление костей, керамики, кремневых находок. У северо-западного края котлована находились 4 скопления мелких отщепов и чешуек, предположительно интерпретируемые как места обработки кремня. В 4 м к югу от жилища обнаружена хозяйственная яма диаметром 0,8-1 м и глубиной 0,8 м, заполненная костями животных, отщепами и обломками орудий. Яма авторами статьи была включена в один комплекс с жилищем [91, с. 58-59].

Накопление материала позволило кустанайским ученым перейти к его анализу, обобщению, выделению энеолитической культуры, выстраиванию схем культурогенеза и периодизации эпохи энеолита Тургайского прогиба.

Полученные к середине 1980-х гг. материалы по энеолиту северной части Тургайского прогиба - Степного Притоболья - были обобщены в кандидатской диссертации В.Н. Логвина, посвященной эпохам неолита и энеолита этого региона [11].

В.Н. Логвин выделил три этапа энеолита региона - ранний, средний, поздний энеолит, характеризующиеся материалами разного культурного облика.

К раннему энеолиту им были отнесены материалы с керамикой и пластинчатой индустрией кошкинско-боборыкинского типа [11, с. 14], происходившие из смешанных комплексов стоянок Алкау 2 и Бестамак, и выделенные из них типологически. Это предполагает несколько условный характер выделения раннего энеолита. Ввиду отсутствия четкой стратиграфии памятников с раннеэнеолитическими материалами, раннеэнеолитическая их интерпретация была осуществлена с привлечением данных из Западносибирско-Зауральского региона - основного района распространения боборыкинских древностей. В раннеэнеолитической интерпретации местных боборыкинских материалов В.Н. Логвин следовал взглядам зауральских ученых (характерным для них до 1986 г.) на энеолитическую принадлежность боборыкинской культуры Нижнего Притоболья и основывался на ее более раннем стратиграфическом положении относительно липчинских, аятских и других позднеэнеолитических комплексов [92, с. 28; 93, с. 51-52]. Однако, зауральские ученые тогда относили боборыкинские древности к нач. III тыс. до н.э., в то время, как В.Н. Логвин считает временем их распространения начало IV тыс. до н.э. [11, с. 21]. Другим аргументом раннеэнеолитического позиционирования материалов боборыкинского типа служит выявленное В.Н. Логвиным наличие в степном Притоболье материалов шапкульского и терсекского облика, которые имеют явно поздний характер.

К среднему энеолиту были отнесены материалы со стоянки Светлый Джаркуль, выделенные В.Н. Логвиным практически на тех же основаниях, что и раннеэнеолитические. Они характеризуются наконечниками кельтеминарского типа, керамикой шапкульского облика и смешанным отщепово-пластинчатым характером индустрии, что расценивается исследователем как свидетельство перехода местного населения от пластинчатой индустрии к отщеповой [11, с.

14]. Датируется средний энеолит второй половиной IV-нач. III тыс. до н.э. [11, с. 21]. Как и в случае с раннеэнеолитическими материалами, радиоуглеродных и стратиграфических обоснований датировок нет. Их относительную периодизацию В.Н. Логвин строит, исходя из промежуточной стратиграфической позиции шапкульской культуры Нижнего Притоболья между боборыкинскими и аятскими материалами [11, с. 21].

К позднему энеолиту В.Н. Логвиным отнесены материалы терсекского типа, полученные со стоянок Соленое Озеро 1, Евгеньевка 2, Дузбай 2, 3, Ливановка 1, Бестамак, Малый Аксуат, Терсек-Карагай, Коль, Кара-Мурза 9 и из клада Аксу. На их основе исследователь предложил выделить самостоятельную энеолитическую культуру - терсекскую. Охарактеризована она была на материалах стоянок Соленое Озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка 1 и клада Аксу, которые были признаны В.Н. Логвиным «чистыми» комплексами. Из них только материалы со стоянки Соленое Озеро 1 происходили из раскопа. На стоянках Евгеньевка 2 и Ливановка 1 материалы получены в результате сборов [11, с. 14-16].

В.Н. Логвиным было показано сходство терсекской культуры с соседними энеолитическими культурными образованиями - ботайской, аятской, суртандинской, а также указаны те признаки, которые позволяют, по его мнению, считать ее отдельной культурой [11, с. 16-17].

Было высказано представление о существовании общности энеолитических культур в Северном Казахстане и Зауралье, включающей в себя родственные, но самостоятельные культуры [11, с. 22].

В.Н. Логвиным формулируется свое видение путей формирования энеолита степного Притоболья. Он прямо указывает на внешнее инновационное воздействие из степей Восточной Европы: «Между степями Европы и Азии непреодолимых для людей этой эпохи барьеров нет... Если даже исходный резервуар степной энеолитической традиции находился в Восточной Европе, они неизбежно должны были проникнуть в азиатскую часть еще на стадии формирования» [11, с. 23].

Оценивая состояние изучения ранне- и среднеэнеолитических материалов, В.Н. Логвин приходит к выводу о том, что скудость источников по эти периодам энеолита не позволяет уверенно судить о культурной принадлежности памятников и хозяйстве оставившего их населения, а также затрудняет реконструкцию процесса формирования терсекской культуры [11, с. 23].

В вопросе о дальнейших судьбах терсекского населения (на этом этапе исследования) В.Н. Логвин придерживается традиционной эволюционной точки зрения, сложившейся в предыдущие десятилетия (см. напр.: А.Я. Брюсов; Г.Н. Матюшин и др.), считая орнаментацию андроновских культур (петровской и алакульской) наследием энеолитической орнаментации, в том числе и терсекской [11, с. 24].

Во взглядах о характере этногенетических процессов в эпоху конца неолита-начала энеолита также сложилась довольно стойкая традиция. И взгляды В.Н. Логвина здесь не являются оригинальными. Он также рассматривает эти процессы на фоне тесного взаимодействия степного населения с северными и

южными соседями, в ходе которого происходило восприятие извне достижений и традиций, их переработка и передача на сопредельные территории [11, с. 24].

Однако традицией стало и отсутствие обоснования конкретными примерами такого характера течения этнокультурных процессов. По всей видимости, это требует дополнительных и сложных исследований.

До второй половины 1980-х гг. кустанайские ученые оперировали топонимом «степное Притоболье» [11]. Однако к началу 1990-х гг. они переходят к использованию топонима «Тургайский прогиб» [4; 94] как географически более емкого. Это было связано с территориальным расширением изучения энеолитических памятников за счет тургайских степей, а также с количественным ростом этих памятников в южнотургайском регионе (рисунок А9). С другой стороны, оперирование двумя топонимами одновременно - «тургайские степи» и «степное Притоболье» - усиливало бы впечатление о трансрегиональности терсекской культуры как одного из уязвимых мест в обосновании ее культурной автономности и монолитности, на что указывает В.С. Мосин [48, с. 72-73].

Дальнейшее изучение энеолита Тургайского прогиба основывалось преимущественно на материалах южнотургайских материалов, давших многочисленный и оригинальный материал по керамическому производству, каменной индустрии, домостроению, хозяйству, который позволил расширить и обогатить характеристику энеолита региона.

Материалы поселений Кумкешу 1 и Кожай 1 стали объектом особого и самостоятельного исследования. Они позволили на большой фактологической базе решать вопросы домостроения и экономической жизни энеолитического населения Тургайских степей.

Основной акцент был сделан на изучение хозяйственной стороны жизни терсекцев. Вопросы домостроения также решались в тесной связи с изучением экономики энеолитического населения. Больших успехов в этом направлении кустанайским ученым позволило добиться их научное сотрудничество с палеозоологами Л.А. Макаровой, Т.Н. Нурумовым, Л.Л. Гайдученко.

Определения костных остатков с поселений Соленое Озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка были произведены Л.А. Макаровой [58, с. 30, 31, 38; 64, с. 124-128], Кумкешу 1 и Кожай 1 - Л.Л. Гайдученко [95; 96].

В 1989 г. Л.Л. Гайдученко, С.С. Калиева и В.Н. Логвин опубликовали две статьи, в которых сформулировали свои взгляды на хозяйство терсекской культуры [95; 97], в последствие не претерпевшие серьезных изменений.

Для реконструкции типа хозяйства терсекского населения кустанайскими учеными используются костные остатки, в основном двух южнотургайских поселений - Кожай 1 и Кумкешу 1 [95]. С Кумкешу 1 происходит 2391 определяемая кость. Доля лошади составила 43,7%, кулана - 1,6%, быка - 51,6%, сайги - 1,6%. На Кожае 1 собрано более 70 тыс. костей. Из них костей лошади 66,1%, кулана - 9,4%, быка - 2,1%, сайги - 21,8% [95, с. 78].

На основании сравнения доли стержней рогов крупного рогатого скота в остеологической коллекции Кумкешу 1 со статистическими данными В.И. Цалкина по коллекциям скифских поселений, население которых разводило комолый скот (0,16% и 0,23-0,88% соответственно), делается вывод о комолости крупного рогатого скота терсекцев. Остатки быка с Кумкешу 1 были отне-

сены к домашней форме [95, с. 78-79]. К домашней форме кустанайские ученые отнесли и терсекскую лошадь [95, с. 79].

Кустанайскими учеными было установлено, что земледелие и рыболовство не имели какого-либо значения в жизни терсекцев, охота обеспечивала от 4% (Кумкешу 1) до 11% (Кожай 1) мясного рациона населения. Отсюда ими делается логичный вывод о скотоводческой основе хозяйства терсекского поселения [95, с. 79].

Тип скотоводческого хозяйства Л.Л. Гайдученко, С.С. Калиева и В.Н. Логвин реконструируют как кочевой в его полукочевом варианте и предполагают существование на территории Тургайского прогиба в III тыс. до н. э. кочевых маршрутов, сопоставимых «с зафиксированными здесь в исторический период» [95, с. 81]. Причем выделяется два направления кочевания терсекцев: в рамках одного региона (Тургайского прогиба) с Кумкешу 1 (юг, лето) на Соленое Озеро 1 (север, зима) и из одного региона в другой - с Кожая 1 (Тургайский прогиб, лето) к Сырдарье (зима) [95, с. 81].

Через призму номадной интерпретации археологического материала с памятников энеолита Тургайского прогиба ими (по состоянию на 1989 г.) выделено два типа поселений терсекской культуры: зимние (Соленое Озеро 1) и летние сезонные (Кумкешу 1 и Кожай 1) [95, с. 79-80; 97, с. 33] (рисунок А9).

Эти типы присутствуют в описании и типологии терсекских жилищ, данных С.С. Калиевой в 1990 г. на основе материалов поселений Кумкешу 1, Кожай 1 и Соленое Озеро 1 [98]. В типе летних построек выделено два варианта. Первый - площадью 30-100 кв. м. подпрямоугольной формы со скругленными углами и с пристройками, соединенными с основным жилищем узким переходом. Площадь пристройки составляет примерно 1/5 часть жилища. Вторым вариантом - площадью 20-50 кв. м. Поскольку ко второму варианту были отнесены и жилища поселения Кумкешу 1, имеющие площадь около 70 кв. м, то единственным основанием выделения вариантов внутри первого типа жилищ остается лишь критерий наличия-отсутствия пристройки, соединенной переходом с жилищем, так как по площади идет частичное совпадение жилищ обоих вариантов.

Конструкция постройки реконструируется в виде вырытого в земле углубления и плетеного из веток тальника сферического остова, опирающегося на края жилищного котлована.

В этом же, 1990, году на Маргулановских чтениях С.С. Калиева еще раз обратилась к проблеме культурной атрибуции энеолитических памятников Тургайского прогиба [99], являющейся очень актуальной для кустанайских археологов, поскольку Г.Н. Матюшин и В.Ф. Зайберт стремились включить эти памятники в состав, соответственно, суртандинской и ботайской культур. А.А. Формозов объединял их в один круг со стоянкой Кысы-Куль. Терсекские памятники С.С. Калиева здесь поместила в широкий хронологический промежуток от XXVII до XIV вв. до н.э. [99, с. 54].

В статье выявляются схожие и отличительные черты терсекских памятников в сравнении с материалами ботайского и суртандинского типов с тем, чтобы обосновать включение их в единую общность и, в то же время, аргументи-

рованно противостоять стремлению Г.Н. Матюшина и В.Ф. Зайберта включить тургайские памятники в состав выделенных ими ранее культур.

Отличия тургайских памятников от зауральских прослеживаются ею, прежде всего, в кремневом инвентаре: 1) различные источники сырья, кварциты и кварцитопесчанники серого цвета у терсекцев и яшмы и черный кремень у суртандинцев; 2) выше процент пластин в каменных коллекциях южнозауральских памятников. Отмечены различия в керамике. Южнозауральская керамика имеет примесь талька в тесте, ее сосуды короче терсекских, отличающихся большей вертикальностью пропорций [99, с. 56].

Единственным дифференцирующим признаком ботайских и терсекских памятников С.С. Калиева считает наличие в первых значительного количества керамики с текстильными отпечатками, которую она определяет в качестве этнографического признака ботайских памятников, свидетельствующего «... об определенной культурной обособленности терсекских и ботайских памятников» [99, с. 58]. Тем самым С.С. Калиева отстаивает культурную самостоятельность тургайских памятников [99, с. 57].

Энеолитические материалы Зауралья, Тургайского прогиба и Северного Казахстана объединяются ею в один культурный круг на основе специфической керамики, отличающейся геометрическим стилем орнаментации и вертикальным членением орнаментального поля.

Распространенные в нескольких географических зонах памятники терсекской, липчинской, кысыкульской, аятской культур и поселение Ботай (избегая употребления понятия «ботайская культура»), имеющие свою хозяйственную специфику, С.С. Калиева объединяет в энеолитическую общность, в которой тургайские стоянки Кумкешу 1 и Кожай 1 являются самыми южными [99, с. 54-55]. Она предлагает рассматривать эту общность как «этнокультурную или историко-этнографическую» под названием «общность (область) культур геометрической керамики» [99, с. 55].

Обработка полевого материала с южнотургайских поселений вызвала необходимость введения его в научный оборот, обобщения, что позволяло кустанайским археологам дать развернутую характеристику разным сторонам терсекской культуры в рамках всего Тургайского прогиба. Решению этих задач была посвящена кандидатская диссертация С.С. Калиевой [94].

Необходимо заметить, что название диссертации - «Энеолит Тургайского прогиба» - несколько некорректно с учетом того, что кустанайские ученые еще с середины 1980-х гг. в энеолите Тургайского прогиба выделяют три разнокультурные стадии: ранний, средний и поздний энеолит. Диссертация же С.С. Калиевой целиком посвящена только одной из них - позднему энеолиту, а именно - терсекской культуре. Название работы все же должно соответствовать ее содержанию.

В диссертации дано географическое описание региона исследования [94, с. 3], что позволяет соотносить археологический материал с экологической нишей энеолитического населения, а также анализировать и интерпретировать его через призму природного окружения. Здесь же высказаны взгляды С.С. Калиевой на палеоклиматическую и палеогеографическую ситуацию в энеолите. С ее

точки зрения, ландшафтная ситуация была близка к современной, но с «несколько большим развитием» травянистой, кустарниковой и древесной растительности. Отмечается такая характерная черта лесного покрова региона, как его островное размещение.

В работе были сведены воедино представления и гипотезы Л.Л. Гайдученко, С.С. Калиевой, В.Н. Логвина, сформулированные ими в результате обобщения полученной информации при изучении различных категорий археологического материала.

Более емкую характеристику получили домостроение, керамическое производство, орудийный комплекс, состав стада и тип хозяйства. С применением методов относительного, абсолютного датирования и сравнительно-типологического сопоставления уточнено время бытования терсекских древностей, высказаны предположения по двухступенчатой периодизации культуры, о вероятном пути эволюции терсекских материалов в андроновские. Сформулированы задачи дальнейшего изучения терсекской культуры.

Поскольку ряд идей этой диссертации был ранее высказан С.С. Калиевой совместно с Л.Л. Гайдученко и В.Н. Логвиным и нами уже рассмотрен, постольку свое внимание мы сосредоточим на других концептуальных вопросах.

В диссертации обобщены материалы только раскопок самого автора и В.Н. Логвина в 70-80-х гг. Материалы конца 1940-х-начала 1950-х гг., опубликованные в свое время А.А. Формозовым, включены не были.

В диссертации заявлена характеристика терсекской культуры на солидной источниковой базе, состоящей из 31 поселения и местонахождения (рисунок А9). Из них стационарно исследовались семь поселений, на которых в общей сложности вскрыто 5866 кв. м культурного слоя, что дало огромное количество находок (напр. на Кожаяе 1 собрано 270 тыс. экз.), получена серия радиоуглеродных дат [94, с. 4]. Однако основное внимание С.С. Калиевой сосредоточено на материалах поселений Кожай 1 и Кумкешу 1, как наиболее информативных. В характеристике терсекской культуры эти поселения становятся опорными.

На основе стратиграфических наблюдений, сделанных на поселении Кожай 1, второй вариант летнего жилища (округлый) определяется как более поздний по времени [94, с. 5]. Это довольно ценное наблюдение как для изучения процесса эволюции жилища в энеолите, так и для решения вопроса о происхождении традиций домостроения терсекцев, поскольку есть представление о его первоначальном типе.

Обильный каменный материал поселений Кожай 1 и Кумкешу 1 позволил дать более полную характеристику каменной индустрии культуры [94, с. 5-8]. Представительность коллекции, а также «чистота» исследованных комплексов позволили выделить реальное процентное соотношение типов орудий труда на терсекских поселениях. С.С. Калиевой показано, что для терсекской культуры характерна отщеповая индустрия. Часть орудий изготавливалась на плитках, но повторяет формы отщеповых изделий. Доля орудий на пластинах на памятниках составила 0,9-3,0% от всех изделий. Причем отмечается, что в закрытом комплексе, кладе Аксу, пластин не обнаружено вовсе [94, с. 6].

В работе дано описание основных типов каменных орудий, определен их удельный вес в коллекциях поселений [94, 6-7]. Дана характеристика костяных орудий труда, орнаментированных изделий из кости. Т.А. Даниленко выявила применение при изготовлении костяных орудий металлических орудий, что надежно увязывает с энеолитическим временем находки двух медных орудий на терсекских памятниках (Ливановка 2 и Кожай 1) [94, с. 7-8].

Тщательному изучению подвергся керамический материал поселений. Помимо выявления форм сосудов, анализа техники, мотивов, стилей орнаментации, проделана важная работа по изучению технологических характеристик части терсекской керамики поселений Кумкешу 1 и Кожай 1. Технологический анализ произведен Т.М. Тепловодской [94, с. 8]. По поселению Кумкешу 1 анализы были опубликованы в 1994 г. [100], а по поселению Кожай 1 - в 1998 г. [101].

Исследования выявили использование терсекцами обоих поселений как чистых, так и составных двух- и трехкомпонентных формовочных масс. В качестве искусственных отощителей использовались гранитная дресва, навоз крупных животных, шамот, дробленая ракушка (чаще использовались первые два вида). Использовалось не менее четырех видов глин. Формовка производилась двумя основными способами: на шаблоне (с использованием ткани и без нее) и без шаблона. Применялось три способа конструирования тулова: лоскутный, спиральный и ленточный налепы. В керамической коллекции по форме выделяется семь групп сосудов. Из них только два сосуда седьмой группы - плоскодонные, открытые, баночного типа - считаются нетипичными. Остальные шесть видов форм признаны различными вариациями одной «идеи формообразования» [94, с. 8-9].

Статистические данные показали, что абсолютное большинство керамики украшено в веревочной и гребенчатой техниках. Другие техники орнаментации (резная, вдавления, оттиски трубочки) применялись редко. Причем особое внимание в исследовании уделено именно веревочной орнаментации. Было установлено, что гребенчатая орнаментация распространена повсеместно, в то время как веревочная присутствует не на всех памятниках. Хотя она присутствует как на памятниках северной зоны распространения терсекской культуры, так и южной. Эти наблюдения были привлечены С.С. Калиевой для обоснования двухэтапной периодизации культуры. В соответствии с ней для первого этапа характерно распространение веревочной орнаментации, для второго - гребенчатой [94, с. 15]. Выявлена доля веревочной керамики в тех комплексах, где она присутствует: Кумкешу 1 - 5%, Бестамак - 7,9%, Кожай 1 - 44 % [94, с. 9].

При анализе орнаментальных композиций внимание было уделено выделению орнаментальных мотивов, которые объединены в 14 групп, как простых, так и геометрических [94, с. 9]. Обращает на себя внимание 14 группа мотивов, представленная криволинейными фигурами: кругами, «змейками» и др. [94, с. 10]. Она явно выбивается из общего стиля некриволинейного геометризма в орнаментации терсекской керамики. Такие мотивы нехарактерны и для орнаментальных систем других энеолитических культур Зауралья и Северного Казахстана.

Все разнообразие в формообразовании, рецептуре формовочных масс, мотивах орнаментации терсекской керамики С.С. Калиевой объясняется высокой степенью контактности населения в условиях кочевого скотоводства [94, с. 10, 13]. Однако не уточняется, что понимается под понятием «контактность».

Значительная вариативность признаков терсекской керамики привлекается С.С. Калиевой в качестве дополнительного обоснования существования кочевого типа хозяйства у терсекцев [94, с. 13]. В понимании сущности кочевого скотоводства как типа хозяйства С.С. Калиева исходит из определения, данного ему А.М. Хазановым [94, с. 12-13].

В шестой главе диссертации рассматриваются вопросы хронологии и культурной принадлежности памятников терсекского типа [94, с. 13-16]. Для обоснования датировки терсекских материалов С.С. Калиевой привлекается целый ряд методов. Это: 1) данные радиоуглеродного анализа; 2) метод относительного датирования; 3) сравнительно-типологическое сопоставление. Нижняя дата культуры определяется радиоуглеродными датами самих терсекских древностей: две даты с поселения Кожай 1 и одна с поселения Кумкешу 1 указали на XXVII в до н.э., одна из дат с поселения Кожай 1 считается омоложенной (XIII в. до н.э.) [94, с. 14] (таблица А3). Верхняя граница, XIX-XVIII вв. до н.э. (первоначально определяемая XIV в. до н.э.), была определена на основе относительной хронологии - времени появления памятников вишневого типа [94, с. 13-14].

Сравнительно-типологическое сопоставление проведено с материалами памятников липчинского, аятского, чужьяельского, суртандинского, ботайского, малоатлымского, гаринского и волосовского типов, а синхронизация - с древностями ямного времени, также имеющими радиоуглеродное датирование [94, с. 14-15].

В этой же главе обосновывается двухэтапная периодизация терсекской культуры. В деле периодизации С.С. Калиева основывается на принципе доминирования техник орнаментации. К первому этапу она относит комплексы с керамикой, орнаментированной веревочкой, ко второму - орнаментированную гребенкой [94, с. 15-16], исходя из соотношения липчинских и аятских древностей Зауралья, где первые с ложношнуровой орнаментацией считаются старше вторых гребенчатых [94, с. 16].

В заключении С.С. Калиева характеризует терсекцев как «в этнокультурном отношении ... достаточно монолитную группу со специфическими чертами культуры» [94, с. 16-17].

С.С. Калиева высказывает серьезные сомнения в участии терсекцев в сложении андроновского населения [94, с. 17]. Собственное представление о характере перехода от терсекской культуры к андроновской С.С. Калиевой состоит в предположении о скачкообразности этого процесса, имеющего «в том числе промежуточную ступень в виде памятников вишневого типа» [94, с. 18].

В работе сформулированы нерешенные проблемы в изучении терсекской культуры. Это: 1) «проблема реконструкции процесса формирования терсекской культуры, а в более широком плане и всех родственных ей культур»; 2) «проблема реконструкции дальнейших судеб терсекского и родственных ему

групп населения»; 3) реконструкция народонаселения и социального устройства терсекского общества; 4) продолжение изучения экономики терсекского общества [94, с. 17-18].

До 1998 г. не было предпринято полной публикации материалов наиболее важных энеолитических памятников Тургайской ложбины. Частичные публикации затрудняли доступ других исследователей к терсекским материалам и не позволяли им составить адекватного представления о характере терсекской культуры в целом и дать критику взглядам кустанайских археологов. Важным событием в этом отношении следует считать полную публикацию в 1998 г. С.С. Калиевой материалов одного из опорных памятников терсекской культуры - поселения Кожай 1 [90]. В работе была дана общая характеристика памятника, описание процесса его исследования в течение 1983-1985 гг., прояснена стратиграфическая и топографическая ситуация на памятнике.

Удачным решением следует признать отдельную публикацию материалов, происшедших из раскопов и из жилищных котлованов. К категории материалов «из раскопов» были отнесены находки на межжилищном пространстве и из слоев, залежавших выше линии фиксации верхних границ жилищ, а также находки из жилищ 1-6, границы которых трудноустановимы, соответственно проблематично отнесение этих находок к жилищным комплексам. Все находки, происшедшие из заполнения жилищных котлованов ниже верхней границы фиксации их очертаний, были опубликованы в разделе «Описание жилищ».

Находки из раскопа опубликованы суммарно, без привязки к раскопам и квадратам, но с распределением по категориям и типам. Находки из жилищ охарактеризованы в соответствии с жилищными комплексами.

Публикация материалов помимо подробного текстового описания сопровождается исчерпывающими статистическими данными и обильным графическим материалом, позволяющим составить визуальное представление о характере материальной культуры поселения.

С публикацией материалов поселения Кожай 1 получена информация по такой важной составляющей археологической культуры, как жилища. Напомним, что ранее было известно только единственное жилище с поселения Соленое Озеро 1, которое было устроено в супеси, что ограничивало наши представления о характере его конструкции и планировке. Суглинистый характер материка на поселении Кожай 1 позволил более полно выявить контуры котлованов, тем самым получить точную информацию по формам и планировке терсекских жилищ и сравнить их с ботайскими.

Часть материалов памятника (керамика, медное изделие, анализы почв, остеологический материал) получила комплексное изучение методами естественных наук (Т.М. Тепловодская, Р.А. Терещенко, Л.Л. Гайдученко). Была произведена типологическая обработка каменных орудий памятника (таблица А4). Результаты опубликованы в виде 5-ти приложений [90, с. 226-252]. В заключении дана общая характеристика поселения Кожай I и приведен ряд выводов, уже известных из более ранних публикаций, а также - радиоуглеродные даты поселения Кожай 1 [90, с. 225].

В итоговой монографии С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным был сведен воедино опубликованный ранее в виде статей и авторефератов весь материал их (в том числе совместно с Л.Л. Гайдученко) исследований энеолитической эпохи Тургайского прогиба [4]. Существенной эволюции взгляды кустанайских ученых в этой монографии не претерпели. Однако в нее был включен ряд новых положений, некоторые из них были уточнены, а некоторые характеристики - расширены. Были включены также некоторые материалы Л.Л. Гайдученко по композитной пище и скоту поселений Кожай 1 и Кумкешу 1, получившие впоследствии и самостоятельное освещение [96; 102].

В монографии дана подробная географическая характеристика Тургайского прогиба, природные условия которого признаны благоприятными для обитания энеолитического человека [4, с. 3-6]. Дана история изучения памятников в 1930-1950-е гг., отнесенных авторами к эпохе энеолита с тем, чтобы показать достигнутые в этот период результаты и очертить исходные позиции собственных исследований [4, с. 6-16].

Дана новая типология летних терсекских жилищ. Вместо двух на поселениях Кумкешу 1 и Кожай 1 выделено уже три их варианта: подпрямоугольные, округлой в плане формы и двухкамерные с камерами округлой формы, сменяющие друг друга в хронологическом порядке [4, с. 36]. Подробно обоснованы варианты реконструкции жилищ, в целом, не изменившиеся к этому времени.

Выявлено отличие каменной индустрии южнотургайских памятников (Кожай 1, Кумкешу 1, группа памятников на реке Каинды) от остальных по сырью. Если для большинства памятников характерно использование кварцитов и кварцитопесчанников, то для южнотургайских - черного или темно-серого кремнистого сланца [4, с. 40]. В монографии дана расширенная типологическая характеристика каменных, костяных, медных и керамических орудий с опорой на коллекции четырех памятников: Кожай 1, Кумкешу 1, Соленое Озеро 1, Каинды 3 [4, с. 40-70]. Исследователи сомневаются в терсекской принадлежности немногочисленного пластинчатого комплекса коллекций с поселений Кожай 1, Кумкешу 1, Каинды 3 [4, с. 41]. Несмотря на единичные находки медных предметов, следов существования собственной металлургии у терсекского населения обнаружено не было [4, с. 40].

Была повторена характеристика керамики по технологическим, морфологическим признакам и орнаментации. Обширная типология орнаментальных мотивов была дополнена 15-ой группой, представленной одним сосудом с Кумкешу 1 с изображением водоплавающей птицы, и отмечена оригинальность орнаментации каждого сосуда [4, с. 96-97].

Выявлено отличие в орнаментации керамики памятников северной части Тургайского прогиба (Соленое Озеро 1, Ливановка 1, Евгенийевка 2, Дузбай 2, 3, Бестамак) от керамики южных памятников (Кожай 1 и Кумкешу 1), состоящее в меньшем разнообразии и разработанности сложных геометрических узоров. В терсекской керамике разных памятников отмечено сочетание признаков, характерных для посуды соседних культур [4, с. 97-98]. По орнаменту и форме сосуда северотургайских памятников считаются более близкими ботайским, кысыкульским, липчинским, аятским. В керамике южнотургайского памятника Ко-

жай 1 по элементам орнамента прослежено сходство с керамикой памятников раннеземледельческой культуры юга Туркмении - Намазга-Депе, Алтын-Депе и др. Это интерпретируется как следствие разного направления контактов. Ряд аналогий керамике Кумкешу 1 (примесь ракушки в тесте, широкое участие зубчатой качалки в орнаментации) прослежен в нео-энеолитических памятниках Прикаспия и Волго-Уральского междуречья.

При сравнении тургайских коллекций с материалами поселения Ботай прослежено значительное сходство в каменных и костяных изделиях [4, с. 125-126], в двух формах сосудов (с закрытой горловиной и с вертикальными стенками) [4, с. 126], в техниках и стиле орнаментации керамики [4, с. 127],

Список отличительных черт (помимо характерной для Ботая текстильной керамики) расширен за счет высокой доли неорнаментированной посуды в терсекской культуре, разнообразия ее форм [4, с. 127], более низкой доли ямочной орнаментации [4, с. 146].

Прежнее название общности культур геометрической керамики, данное в 1990 г. С.С. Калиевой, в итоговой монографии С.С. Калиева и В.Н. Логвин несколько модифицируют введением в него географического и эпохального детерминативов, определяя ее здесь в качестве «зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики» [4, с. 141].

С.С. Калиева и В.Н. Логвин считают, что в этнологическом отношении зауральская общность энеолитических культур геометрической керамики отражает «этнос-соплеменность, метаплемя» [4, с. 147], исходя из чего единый стиль орнаментации керамики считается ими свидетельством единого самосознания энеолитического населения Зауралья и Северного Казахстана и принадлежности его к метаэтническому образованию, археологически представленному зауральской общностью энеолитических культур геометрической керамики [4, с. 148].

В этнолингвистическом отношении население терсекской культуры идентифицируется С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным с древними уграми [4, с. 156].

Процесс формирования энеолита в степях Казахстана реконструируется по аналогии с выявленными этапами этой эпохи в лесостепной-степной зоне Восточной Европы. При этом С.С. Калиева и В.Н. Логвин исходят из представления о синхронности и однонаправленности культурно-исторических явлений в соседних регионах [4, с. 156].

Взаимодействие двух соседних крупных общностей: культур геометрической керамики и ямной, - оценивается как противодействие населения Зауралья и Северного Казахстана экспансии ямных племен. Финал истории общности культур геометрической керамики связывается ими со складыванием в конце энеолита ситуации, при которой в условиях усилившейся аридизации восточно-европейских степей, сопротивление местного энеолитического населения «было сломлено, и степные регионы области культур геометрической керамики подверглись сильному воздействию индоевропейского в своей основе ямного населения» [4, с. 162].

Участие автохтонного населения в формировании синташтинско-петровского общества признается, но оно происходило, по их мнению, в процессе сложного взаимодействия его с ямным населением [4, с. 162].

Во второй половине 1990-х гг. палеозоолог Л.Л. Гайдученко активно разрабатывает и применяет новые методики анализа археологического материала с применением методов естественных наук. В частности, им была применена авторская методика анализа пригара на керамических сосудах. Успешное применение такой методики позволило привлечь новый вид источника для изучения проблемы не только рациона, но и характера хозяйства энеолитического населения. Метод разработан в 1997 г. Первые итоги его применения на основе материалов Кумкешу I (41 сосуд) опубликованы в 1998 г. [96, с. 249-250], а в сравнении с данными по неолиту - в 2000 г. [102]. Он показал, что в рацион жителей поселения Кумкешу I входила молочная пища и злаки. Основу рациона энеолитического человека составляли мясо и молоко, чем он сильно отличался от рациона неолитического жителя. Энеолитическое население употребляло композитную пищу широкого спектра, что свидетельствует о резком увеличении степени освоения ресурсов территории обитания [102, с. 155, 157, 163].

Если ранние работы кустанайских ученых интерпретационного характера были посвящены стремлению реконструировать тип экономики и быта, а также обоснованию такого варианта реконструкции, то в последних их работах ранее предполагаемое кочевое скотоводство терсекцев преподносится уже как надежно доказанный научный факт и историческая реальность [103].

На основе археологических данных реконструирована картина быта терсекцев, который представлен как образ жизни полукочевника [103]. Реконструкция быта осуществлена на основе своеобразия материалов поселений Соленое Озеро 1, Каинды 3, Кумкешу 1 и Кожай 1. На материалах Каинды 3 выделяется третий тип поселений терсекской культуры - стоянки на отгонах. Терсекцы жили в стационарных жилищах, как на зимних, так и на летних поселениях. Передвижных жилищ не было. Их отсутствие заставляло совершать перекочевки между сезонными поселениями в кратчайшие сроки.

Зимой доминировал дисперсный тип расселения в рамках одной семьи на поселении (Соленое Озеро 1), летом происходило объединение семей на сезонных поселениях (Кумкешу 1 и Кожай 1), и в то же время взрослые мужчины жили на отгонах (Каинды 3). Летом основная деятельность проходила за пределами жилища, а зимой - внутри (наблюдение основано на локализации рабочих площадок).

Наличие мусора внутри жилищных котлованов интерпретируется как использование их уже в заброшенном состоянии в качестве мусорных ям, в чем видится существование представлений о санитарии. Интересно выведенное на этом основании соотношение заброшенных к общему количеству остатков жилищ - 7:12 (Кумкешу 1) и 11:15 (Кожай 1).

В жизни людей на отгонах большую роль, чем на стационарных поселениях, играла охота. В подтверждение обоснования такого характера поселения Каинды 3 и рациона его обитателей привлечены остеологические данные Л.Л. Гай-

дученко, полученные с летних стоянок казахов. Высказывается суждение о престижном характере стад домашних животных.

Таким образом, публикации 1990-х-начала 2000-х гг. повторяют и суммируют достижения 1980-х-начала 1990-х гг. Поэтому можно говорить о том, что с начала 1990-х гг. изучение энеолитических памятников Тургайского энеолита, как полевое, так и кабинетное, приостановилось. Исключение составляют проведенные специалистами в области естественнонаучных методов анализа ряда археологических источников.

Ведущие исследователи - С.С. Калиева и В.Н. Логвин - выехали в Российскую Федерацию и проводят археологические изыскания на ее территории.

2.3 Изучение памятников энеолита на территории Павлодарского Прииртышья

Изучение энеолита Павлодарского Прииртышья следует начинать с исследования в начале 1970-х гг. Л.А. Чалой стоянок Пеньки 1 и 2 в Железинском районе Павлодарской области со смешанными комплексами, которые исследовательница разделила только планиграфически [104].

Эпохальную принадлежность материалов этих памятников Л.А. Чалая устанавливала, исходя из прослеженных им аналогий в хорошо датированных комплексах Зауралья и Средней Азии. По наличию расчесов на внутренней стороне керамики стоянки Пеньки 1 Л.А. Чалая синхронизирует ее с материалами поселения Чес-Тый-Яг низовьев Оби позднего неолита (по В.Ф. Старкову) [104, с. 171-172], что в настоящее время соответствует комплексам переходного от неолита к энеолиту сосновоостровского типа (по В.Т. Ковалевой) [30, с. 54] или сосновоостровской культуре энеолита Южного Зауралья и Нижнего Притоболя [105, с. 18-19]. Как сейчас установлено, в Зауралье такая черта керамики появляется только в энеолите [30, с. 60]. Дав подробное описание гребенчато-ямочной орнаментации керамики стоянки Пеньки 1, Л.А. Чалая выявила ее близость посуде из неолитического погребения у с. Железинки [104, с. 174].

Керамику стоянки Пеньки 2, украшенную мелкозубчатой, среднезубчатой и крупнозубчатой гребенкой с квадратным и длинным зубом, оставившей печатные оттиски [104, с. 178, с. 179, рисунок 11, 5, 8-10], Л.А. Чалая отнесла к энеолитическому времени как по примесям, так и по стилю орнаментации [104, с. 177, 180], в котором появляются геометрические узоры [104, с. 178, с. 179, рисунок 11, 1, 4, 5, 8-10].

Однако явно разновременный кремневый инвентарь обеих стоянок на отдельные комплексы исследовательницей расчленен не был.

В 1970-х гг. Л.Л. Гайдученко исследовал кратковременную стоянку Телектес в Лебяжинском районе Павлодарской области, в 400 м вниз по Иртышу от с. Телектес [106]. Отщеповый характер каменного инвентаря, имеющего большое сходство с ботайскими орудиями [106, с. 237, рисунок 1, 3-15], использование в качестве сырья сливных кварцитопесчанников и (редко) кремня, яшмы, порфирита, песчаника [106, с. 238] демонстрируют энеолитический возраст стоянки. Два обнаруженных фрагмента керамики имеют примесь грубого песка (дресвы?). Исследователь памятника ничего не говорит о технике их ор-

наментации, однако по его описанию керамики и прорисовке фрагментов можно сделать вывод, что они орнаментированы веревочкой [106, с. 237, рисунок 1, 17, 18], что роднит их с ботайско-терсекской посудой. На стоянке обнаружены кости, которые предположительно были отнесены исследователем к крупному рогатому скоту и лошади [106, с. 239].

Стоянка датирована исследователем поздним неолитом и концом Ш-началом II тыс. до н.э. [106, с. 239]. Ко времени исследования стоянки ботайские и терсекские материалы еще не были открыты либо широко опубликованы, что, по нашему мнению, помешало Л.Л. Гайдученко отнести телектесские материалы к позднему энеолиту, каковыми они, по всей видимости, и являются.

В целом, до конца 1980-х годов археологическое изучение Павлодарского Прииртышья велось эпизодически. И только с созданием в 1988 году Павлодарской археологической экспедиции (ПАЭ) и привлечением ее руководителем В.К. Мерцем к сотрудничеству специалистов из других научных центров исследования региона стали регулярными [107, с. 13]. В 1989 г. ПАЭ закладывается разведочная траншея на многослойной стоянке каменного века Шидерты 3 [107, с. 10], а с 1991 г. начинаются многолетние исследования этого памятника [107, с. 12; 108]. Стоянка расположена на левом берегу р. Шидерты, в 7 км южнее железнодорожной станции Шидерты в Экибастузском районе Павлодарской области. На памятнике было выявлено шесть культурных слоев эпохи мезолита-энеолита. Фактически, стоянка Шидерты 3 становится опорным памятником для изучения эпохи энеолита Павлодарского Прииртышья [107, с. 13]. Ее исследования дали фрагменты энеолитической керамики, каменных орудий, выявили очаги, земляную печь, наполненную древесным углем и золой, погребение [107, с. 12-13].

Открытие энеолитического комплекса стоянки Шидерты 3 и его своеобразие, по мнению руководителя раскопок стоянки, позволяют ему говорить о выделении новой археологической культуры с производящей экономикой скотоводческой направленности, во многом отличной от окружающих ботайской, терсекской и большемысской культур, но близкой позднему комплексу стоянки Усть-Нарым [107, с. 14].

Одновременно были открыты или исследованы другие памятники, содержащие (помимо прочих) и энеолитические материалы. Прежде всего, это Кудайколь 4 (аварийный многослойный памятник эпохи неолита-энеолита) и др. [107, с. 12].

В ходе проведения многолетних раскопок стоянки Шидерты 3 происходила эволюция представлений ее исследователя В.К. Мерца о стратиграфической емкости памятника. Так, по результатам разведочных траншей, заложенных в 1989-1990 гг., были выявлены четыре культурных слоя эпохи верхнего палеолита-энеолита [108, с. 24]. К 2001 г. результаты десятилетних стационарных раскопок позволили говорить уже о существовании семи культурных слоев и горизонтов [12, с. 75]. Однако из публикации не совсем ясно, имеются в виду действительно только культурные слои, или в число семь входят и три погребенные почвы, как это указано на прорисовке профиля [12, с. 76]. Было также выяснено, что верхний переотложенный слой содержит материалы достаточно

широкого хронологического диапазона - эпох энеолита, бронзы и ранних кочевников [12, с. 75].

Наибольшее значение было придано изучению энеолитического слоя. Его мощность по наблюдениям 1991 г. составила 0,4-0,7 м. Уже в ходе работ 1991 г. в основании энеолитического слоя было обнаружено погребение, перекрытое каменной кладкой, которое было отнесено ко времени отложения второго, неолитического слоя. Из следов пребывания людей на стоянке были обнаружены очажные пятна без жилищных конструкций, кости животных, каменные орудия и остатки каменного производства, керамика двух типов - тонкостенная и толстостенная [108, с. 24-25].

Ограниченная информация планиграфического характера первых годов раскопочных работ на Шидерты 3 сказалась на представлениях исследователя памятника о культурной принадлежности и истории заселения памятника. Первоначально каменная индустрия была целиком отнесена к усть-нарымской культуре [108, с. 26]. Аналогии двусторонне обработанным вкладышам были прослежены в прибайкальском неолите исаковского и серовского этапов, в китойской культуре [108, с. 25]. Тем самым создается противоречивая ситуация с эпохальным определением памятника: он номинируется В.К. Мерцем как энеолитический, однако, индустрия стоянки им же соотносится с неолитической эпохой. Наличие такой специфической категории каменного инвентаря, как утюжок, очевидно, вследствие его единичности, не вызвало соответствующих ассоциаций.

Керамика памятника, хотя и скупо орнаментированная, демонстрирует применение для ее украшения разнообразных техник - гребенчатой, текстильной, накольчатой, прочерчивания, нанесения жемчужин и вдавлений. Аналогии ей были найдены в керамике боборыкинского типа [108, с. 25-26], которая имеет на сегодняшний день надежную неолитическую принадлежность [109, с. 55]. В.А. Зах настаивает на ее раннеэнеолитическом возрасте [110, с. 71-73].

Таким образом, к 1992 году были получены как положительные результаты исследования памятника (открытие новых материалов, редкого погребения, определение культурной принадлежности ряда материалов), так и сформулированы противоречивые выводы (энеолитическая принадлежность памятника на фоне неолитической индустрии прибайкальского типа). Был показан синкретический характер памятника (керамика боборыкинского типа, кремневый комплекс южносибирско-прибайкальского типа). Но интерпретации этот феномен не получил.

В 2002 году были опубликованы и интерпретированы материалы по энеолитическому слою поселения и погребению на его территории [12, с. 75-102]. Эта публикация достаточно емкая по сделанным выводам и высказанным гипотезам, поэтому на ней следует остановиться подробнее, поскольку они отражают современное состояние изучения энеолитической эпохи в Павлодарском Приишимье и, в той или иной степени, здесь затронуты вопросы энеолита всего Северного Казахстана.

Значительная часть публикации посвящена обряду погребения на стоянке Шидерты 3 и его культурно-хронологической интерпретации [12, с. 76, рисунок

1, 2-4, с. 79-83, 86-87, 90]. Это было грунтовое безинвентарное погребение по обряду вытянутого труположения на спине с земляным заполнением могилы, перекрытое сверху каменной закладкой. Исследователем оно было отнесено к типу «безинвентарных» [12, с. 80]. Такая черта погребения затруднила определение его культурной и хронологической позиции, исходя из собственного археологического контекста. Такая работа была проведена путем сопоставления с широким кругом погребений с сопредельных территорий Урала, Западной, Южной и Восточной Сибири, Средней Азии и Казахстана. Аналогии прослежены в погребениях Урала и Западной Сибири [12, с. 81]. Это нашло подтверждение и в антропологическом материале [111].

Исходя из классификации Г.Н. Матюшиным погребений северной Евразии эпохи неолита-энеолита на два типа - южного облика и северного, В.К. Мерц однозначно относит шидертинское погребение по типу труположения (вытянутому на спине) к лесному кругу, но по безинвентарному его облику отграничивает от погребений с многочисленным инвентарем, распространенных восточнее Иртыша [12, с. 81].

В то же время, по форме могилы и ее ориентации вдоль течения реки, типу надмогильного перекрытия, своеобразию формы присутствия охры, отдельные аналогии, усиленные сходством каменного инвентаря стоянки, прослежены В.К. Мерцем в Прибайкалье и в верховьях р. Лены [12, с. 83]. По «лодочнообразному» захоронению аналогии найдены в погребении Красная Горка, погребении 2 на Омской стоянке (Омская область), неолитическом могильнике Корчуган на Средней Таре, могильнике Бузан 3, на стоянке Леуши XIV в Нижнем Прииртышье [12, с. 83-86].

Таким образом, В.К. Мерц пришел к выводу, что в шидертинском погребальном обряде отражаются черты лесных культур, но двух культурных зон леса эпохи конца каменного века - Урала и Северного Казахстана, с одной стороны, и Иртышско-Верхоленско-Прибайкальской области. Но этнокультурной интерпретации такое сочетание черт погребальной обрядности в шидертинском захоронении не получило. Возможно, это и не входило в задачи публикации. Но, тем не менее, остается задачей на будущее.

Само погребение интерпретировано как захоронение участника похода за камнем, осуществленного на стоянке в соответствии с мифологическим представлением народов Западной Сибири о перемещении покойника в лодке вниз по реке в страну вечного холода [12, с. 87].

Вместе с тем, такие разноречивые данные по погребальному обряду, с учетом неясной стратиграфической позиции шидертинского погребения и его безинвентарности, лишь по отдельным признакам (форме могилы) увязываются с каменными комплексами памятников, где прослежены эти слабые аналогии (например, Омская стоянка). На основании чего реконструируются разного рода связи «населения огромной территории к северо-востоку от Сары-Арки» [12, с. 86]. Но не является твердо установленным фактом, что шидертинское погребение можно связать с индустрией вкладышей-бифасов прибайкальского типа, которые присутствуют и на Омской стоянке. С таким же успехом его можно связывать и с яшмовым комплексом и т. п.

И, если выводы общего характера верны (в том смысле, что районы р. Шидерты и Экибастуза могли быть районами, куда за каменным сырьем приходило население из равнинных территорий Западно-Сибирской низменности) [12, с. 86-87], то предположения частного характера слабо подкреплены фактическим материалом.

К таким частным выводам можно отнести и предположение о контроле местного населения за месторождениями камня, его специализации на изготовлении каменных орудий для обмена. До сих пор в регионе не обнаружено ни одного долговременного поселения [12, с. 86].

Было уточнено стратиграфическое положение энеолитического слоя - он находился между двумя погребенными почвами и приурочивался к гумусированному суглинку. Под нижней погребенной почвой шли материалы неолита, над верхней - находились в переотложенном виде материалы энеолита-раннего железного века. В итоге, мощность собственно энеолитического культурного слоя уменьшилась с 0,4-0,7 м. до 0,4-0,5 м [12, с. 75, 78].

Культурный слой стоянки был изучен на площади 800 кв. м. Планиграфические наблюдения, анализ сырья, типология каменного материала привели В.К. Мерца к выводу о «длительности и дискретности процесса» формирования энеолитического слоя [12, с. 78]. Выделен ряд признаков, свидетельствующих об отложении энеолитического культурного слоя в результате многократных, но кратковременных посещений стоянки: 1) отсутствие стационарных жилищ, 2) быстрая консервация производственных площадок, 3) малочисленность керамики и костяных изделий, 4) погребение человека, 5) наличие костей диких животных, 6) наличие орудий охоты и первичной обработки шкур [12, с. 90].

Все материалы энеолитического слоя стоянки достаточно четко разделяются В.К. Мерцем на два комплекса: собственно шидертинский и инокультурный [12, с. 90].

К инокультурному отнесены немногочисленные бифасальные наконечники иволистной формы [12, с. 91]. К ним, вероятно, можно было бы отнести и шлифованные изделия из алевролитов и светло-зеленой яшмы, а также утюжки из талька [12, с. 95]. Но об их культурной принадлежности автор определенно не высказывается.

Собственно шидертинский комплекс каменных изделий еще раз охарактеризован В.К. Мерцем как отщеповый, базирующийся на местном каменном сырье, происходившем из выходов на поверхность, расположенных рядом со стоянкой, либо принесенном с экибастузских месторождений. Сырьем выступали кремни, кварциты, яшмовидные породы. Наряду с признаками, общими для энеолитических индустрий Урало-Западносибирского круга и Южной Сибири - отщеповая индустрия, господство бифасальной техники, листовидные наконечники, сверла, развертки, ножи, скобели, многочисленность макроформ и т.п., - показана специфика шидертинской индустрии. Это позволило ученому выделить материалы памятника из круга культур Североказахстанско-Зауральского региона и обосновать их родство с индустрией более восточных территорий, от Алтая до Прибайкалья. Родство установлено на основании таких черт каменной индустрии, как: 1) наличие дисковидных, одно-, двух-, многоплощадочных

нуклеусов для снятия тонких и плоских отщепов; 2) господство мелких с выемкой в основании, коротких узких с выделенным жалом или шипами, мелких и крупных с широким основанием наконечников стрел; 3) двусторонне обработанные вкладыши для костяных орудий; 4) вентральная подтеска орудий на отщепах; 5) архаического типа мустьероидные скребла на крупных отщепах левалуазского типа; 6) сегментация отщепа как особый прием вторичной обработки каменных орудий; 7) нехарактерность шлифованных орудий труда [12, с. 90-91, 94-95].

В то же время, неожиданным выглядит вывод В.К. Мерца об истоках такой индустрии. Прослеживая ее тесные взаимосвязи с индустриями Алтая, где характерные наконечники стрел появляются с мезолита, с неолитической индустрией Прибайкалья, и показывая ее отличие от ботайско-терсекских памятников по такому знаковому типу изделий, как наконечники, В.К. Мерц считает, что «в целом, отщепово-бифасный характер энеолитических индустрий Северного и Центрального Казахстана имеет глубокие корни, которые сохраняются здесь в качестве устойчивой традиции с палеолитического времени» [12, с. 94]. Очевидно, что, делая этот вывод, исследователь исходит не из собственного анализа и наблюдений, а находится под обаянием взглядов В.С. Волошина, на которого он здесь же и ссылается. Здесь же В.К. Мерц ставит и задачу на будущее в изучении истории каменной индустрии Казахстана: специальное изучение и объяснение феномена автохтонного переживания отщеповой индустрии на территории Казахстанского мелкосопочника с палеолита и ее неожиданного доминирования в энеолите и бронзе [12, с. 94]. Считаем, что необходимо сначала провести специальные исследования по происхождению энеолитической отщеповой индустрии с тем, чтобы ликвидировать разногласия в этом вопросе, то есть установить действительные ее истоки, а затем уже ставить задачи изучения хода процесса.

Особенностью коллекций энеолитического слоя стоянки Шидерты 3 (что ставит знак вопроса над утверждением о энеолитическом возрасте стоянки, либо сильно отличает ее, помимо прочего, от энеолитических памятников Северного Казахстана) являются немногочисленность костяных орудий труда и керамики [12, с. 98].

В публикации 2002 года более подробно был освещен керамический материал энеолитического слоя стоянки Шидерты 3. Изменилась и культурная атрибуция керамики, которую ранее автор считал близкой боборыкинской [108, с. 26]. Автором керамический комплекс стоянки характеризуется как малочисленный и невыразительный [12, с. 98-99]. К шидертинскому комплексу он относит керамику первого и второго типов на основании двух позиций: 1) ее многочисленности и 2) сходства с керамикой Усть-Нарыма [12, с. 99]. В то же время керамику с текстильными отпечатками, накольчатый орнаментом, с примесью талька в тесте он не считает возможным отнести к шидертинской, хотя сам же отмечает, что и такая керамика присутствует в Усть-Нарыме [12, с. 99]. Таким образом, один из принципов выделения керамики в шидертинский тип реализуется ученым непоследовательно. Единственным основанием остается, в

конце-концов, только статистический признак - многочисленность фрагментов керамики первого и второго типов относительно остальной.

В.К. Мерц к шидертинской относит плоско- и округлодонную керамику с прямыми, плавно профилированными стенками и слегка отогнутым венчиком, черного цвета, с добавлением шерсти, песка или супеси в глиняную массу. Сосуды украшены горизонтальными линиями (очевидно, прочерченными, но техника орнаментации автором публикации не оговорена), вдавлениями по шейке и тулову, насечками по краю венчика [12, с. 98-99]. В то же время аналогии шидертинской керамики по орнаментации он видит в сосудах из Усть-Нарыма, в тесте которых присутствует явно уральские признаки в виде слюдяной и тальковой примеси, что с учетом прочерченной орнаментации и насечек по венчику [12, с. 99] придает ей исключительно неолитический зауральский облик.

Наличие европеоидных и монголоидных черт в антропологическом типе погребенного В.К. Мерцем интерпретированы несколько отлично от выводов Л.Т. Яблонского, считающего его продуктом реального проявления в условиях лесостепи и степи некоторых генов, находившихся ранее в рецессивном состоянии [111]. С точки зрения В.К. Мерца, такой синкретизм черт разных расовый типов есть следствие контактов южных групп населения и северных степных популяций, начало установления которых он относит еще к эпохе мезолита [12, с. 82].

Эпохальная принадлежность погребения на стоянке Шидерты 3 так и не получила однозначного определения исследователем памятника даже в рамках одной публикации. Еще в публикации 1992 г. оно было отнесено ко второму, неолитическому слою памятника. В самом начале публикации 2002 года оно было предположительно связано с энеолитическим комплексом [12, с. 75], далее по тексту - с каменной индустрией позднего неолита [12, с. 81]. Затем - с началом формирования энеолитического слоя [12, с. 90].

Сама стоянка рассматривается как сезонное стойбище летнего характера подвижных скотоводов, мигрирующих вдоль р. Иртыш из таежных областей в степные, «спасаясь от сырости болот и гнуса» [12, с. 87]. В то же время исследователем стоянка Шидерты 3 определяется как «крайняя географическая зона» на северо-западе обитания носителей усть-нарымской культуры (в том виде, в котором он ее выделяет) [12, с. 99]. В таком случае, исходя из этих двух постулатов, логичнее рассматривать стоянку Шидерты 3 в одном из двух аспектов: в качестве сезонной в контексте ареала памятников типа Усть-Нарым, либо расширять зону распространения усть-нарымской культуры вплоть до таежной зоны Западной Сибири. Либо автору необходимо придерживаться какой-либо одной линии рассуждений.

Антропологом Л.Т. Яблонским в 2002 году опубликованы результаты изучения черепа, найденного в 1991 году В.К. Мерцем при раскопках стоянки Шидерты 3 и датированного серединой-второй половиной IV тыс. до н.э. [111, с. 44]. Антропологом были осуществлены измерения черепа, определение пола, возраста, описание, графическое и скульптурное восстановление мягких тканей головы. Измерения черепа, определение пола и возраста умершего были прове-

дены с использованием методики, предложенной В.П. Алексеевым и Г.Ф. Дебецем, описание, графическое и скульптурное восстановление мягких тканей головы - по методу М.М. Герасимова [111, с. 44].

Череп из Шидерты 3 отнесен ученым к кругу уральских и западносибирских черепов, которые, в свою очередь, по мнению Л.Т. Яблонского, отражают процесс формирования в лесном и лесостепном ландшафте уралоидной расы. Это позволяет опустить южную границу распространения носителей уралоидной расы вплоть до территории Павлодарской области Казахстана [111, с. 60]. В то же время шидертинский череп отличается от черепов из памятников казахстанско-среднеазиатских степей: из Железинского погребения, поселения Усть-Нарым, могильника Черновая II (Восточный Казахстан), могильника Тумек-Кичиджик (Южное Приаралье) и шести из семи черепов с поселения Ботай (Северный Казахстан) [111, с. 59-60].

Таким образом, изучение энеолитического слоя стоянки Шидерты 3 и происходивших из него материалов позволило В.К. Мерцу получить качественно новый материал по энеолитической эпохе восточной части северо-казахстанского региона. С одной стороны, это позволило выявить пограничный характер территории Павлодарского Прииртышья, где сходились культурные влияния соседних регионов Северного Казахстана, Зауралья, Западной и Южной Сибири. С другой стороны, на фоне достаточно гомогенных энеолитических культур этих регионов трудно обосновывать выделение самостоятельной культуры на основе энеолитических материалов стоянки Шидерты 3, имеющих синкретичный характер далеко не бесспорной эпохальной принадлежности. Этому мешает сам характер энеолитического слоя опорной стоянки. Считаем, что одной из важнейших задач перед археологией Павлодарского Прииртышья является необходимость выявления гомогенных и более представительных памятников энеолитической эпохи. В первую очередь - долговременных поселений с мощным и непотревоженным культурным слоем и жилищными конструкциями.

2.4 Выводы

В ходе проведенного исследования нами рассмотрена история открытия и изучения энеолитических памятников на территории Северного Казахстана. Были проанализированы мнения, гипотезы, выводы специалистов-археологов, их доказательная база, применяемые методика и методология.

Впервые материалы энеолитической эпохи на территории Северного Казахстана изучали А.Я. Брюсов и А.А. Формозов. Однако они оперировали энеолитическими материалами, находившимися в составе смешанных и типологически ими нерасчлененных комплексах. Что и определило конечные выводы. А.Я. Брюсов отрицал существование особой эпохи между неолитом и андроновской культурой, прослеживал доживание пластинчатой индустрии камня вплоть до развитой бронзы. А.А. Формозов материалы стоянок Терсек-Карагай и Коль относил к позднеэнеолитическому времени и выделял «доандроновскую» эпоху, но не энеолитическую.

Культурные реконструкции А.А. Формозова практически сразу были под-

вергнуты обоснованной критике В.Н. Чернецовым как основанные на материалах, принадлежавших разным эпохам, смешанных и неоднородных [19, с. 56-58]. Против объединения стоянки Кысы-Куль (Южное Зауралье) вместе с приобольскими стоянками Коль и Терсек-Карагай в состав одной культуры выступил и К.В. Сальников [7, с. 29, 30]. Поэтому апелляция кустанайских ученых к выводам А.А. Формозова в деле культурного обособления энеолитических памятников Тургайского прогиба выглядит неубедительно.

Впервые самостоятельные энеолитические комплексы в Северном Казахстане на основании авторских раскопок стратифицированного памятника были выделены Л.А. Чалой на материалах двухслойной стоянки Иман-Бурлук (Иман-Бурлук 1 и 2) и Пеньки (Пеньки 1 и 2). Она проследила стратиграфическую и типологическую обособленность материалов верхнего и нижнего слоя памятника на р. Иман-Бурлук. В поисках аналогий материалам стоянки Иман-Бурлук 2 она ориентировалась, прежде всего, на синстадиальные комплексы стоянки Терсек-Карагай и поселений суртандинского типа (Кысы-Куль, Сабакты III и др.) [34, с. 201], к началу 1970-х уже надежно относимых исследователями конца каменного века Южного Зауралья к эпохе раннего металла [7, с. 30; 112, с. 57-58]. Керамика стоянки Пеньки 1 была исследовательницей в русле представлений того периода отнесена к позднему неолиту [104, с. 171-172]. Комплекс стоянки Пеньки 2 был ею признан энеолитическим [104, с. 180]. Однако опора лишь на планиграфическое выделение комплексов и состояние знаний того времени не позволило эффективно типологически расчленить разновременные материалы, в первую очередь, кремневые.

Исследования ни А.А. Формозова, ни Л.А. Чалой продолжения не имели. Поэтому, фактически, широкомасштабное изучение энеолита в Северном Казахстане, как и создание современного представления об эпохе, связываются с деятельностью В.Ф. Зайберта, В.Н. Логвина, С.С. Калиевой и целого ряда работавших с ними археологов. Первые энеолитические материалы были исследованы ими в середине-второй половине 1970-х гг. в ходе разведок. Однако основная полевая деятельность по изучению энеолитических памятников приходится на 1980-е гг., когда были открыты и подвергнуты раскопкам опорные памятники - поселения Ботай, Красный Яр, Васильковка IV, Кожай 1, Кумкешу 1. На материалах этих поселений были выделены две близкородственные культуры - ботайская и терсекская. Причем первая включает в себя все энеолитические памятники Северного Казахстана. Кустанайскими учеными памятники Тургайской ложбины вычлняются из ботайской культуры в локальную терсекскую культуру. На материалах энеолитического слоя стоянки Шидерты 3 В.К. Мерцем поставлен вопрос о выделении самостоятельной археологической культуры в Павлодарском Прииртышье.

Изучение нескольких локальных групп памятников, производимое самостоятельными научными коллективами, позволило расширить географию энеолитической культуры, дать ее разностороннюю характеристику, сформировало полемику по ключевым вопросам, стимулирующую процесс научного познания.

В выделении энеолитических материалов в особый комплекс североказах-

станские археологи первоначально ориентировались на те признаки, которые были выявлены учеными, изучавшими эпоху раннего металла в Южном Зауралье в силу хронологического приоритета их исследований. Однако открытие и исследование таких ярких памятников, как поселения Ботай, Красный Яр, Васильковка IV, Кожай 1 и Кумкешу 1, сделало исследование энеолита Северного Казахстана самодостаточным. И более того, именно к североказахстанским ученым перешла научная инициатива. Этому способствовала как сама динамика изучения энеолитической культуры петропавловскими и кустанайскими учеными, так и характер изучаемых ими источников. В Южном Зауралье на сегодняшний день не известно ни одного энеолитического памятника, который мог бы сравниться по научной значимости с североказахстанскими поселениями.

Материалы части энеолитических памятников были подвергнуты изучению традиционными методами: трасологии, типологии, статистико-комбинаторными, остеометрии, радиоуглеродного датирования и т.п. Применение трасологического метода исследования послужило более точной верификации функциональной и морфологической типологии каменных орудий ботайской культуры.

Новые методики были применены, в основном, для поиска дополнительных доказательств скотоводческого характера хозяйства терсекцев и ботайцев. К их числу относится анализ пригара на керамической посуде, выявление следов применения удил, анализ ростовых слоев цемента на корнях зубов. Произведено дистанционное исследование поселений Ботай, Красный Яр и Васильковка IV методом геомагнитной съемки.

Основной акцент в изучении энеолитической культуры Северного Казахстана был сделан на изучение хозяйственной стороны жизни ботайцев и терсекцев. Больших успехов в изучении хозяйства североказахстанским ученым позволило добиться их научное сотрудничество с палеозоологами. Остеологический материал продолжает оставаться объектом пристального внимания палеозоологов. Определения костных остатков лошади как принадлежавших одомашненной форме, произведенные такими палеозоологами, как Л.Н. Макарова, Т.Н. Нурумов, Л.Л. Гайдученко, подтверждаются посредством изучения других категорий источников и применения оригинальных методик. Ряд костяных изделий интерпретирован как приспособления для управления лошадью (псалии, путы), на зубах лошадей выявлены следы стертости от применения удил, анализ пригаров на керамике показал использование молочной пищи, выявлена аномалия в направлении естественной эволюции древней лошади.

С.С. Калиева и В.Н. Логвин основное внимание уделяли только скотоводству. Вопросы домостроения кустанайскими учеными решались в тесной связи с изучением экономики энеолитического населения. Остальные сферы жизни общества и экономики удовлетворительного освещения не получили. В.Ф. Зайбертом, в силу его стремления реконструировать функционирование ботайского социума как системы, рассмотрены такие ее подсистемы, как экологическая ниша, палеоэкономическая структура, элементы социального устройства и духовного мира. В целом, для исследований В.Ф. Зайберта древней истории Северного Казахстана (и энеолита, в частности) характерен интерес к вопросам

культурогенеза, которые он рассматривает в рамках адаптации населения к вмещающей экологической нише.

Общим для исследователей энеолита Северного Казахстана является интерес к палеоклиматической ситуации, к состоянию экологической ниши. Поэтому исследования содержат специальный блок, посвященный реконструкции природы эпохи энеолита. Существует согласие в представлениях о более благоприятных природных условиях в энеолите по сравнению с современными. И о сильном их влиянии на формирование энеолитической культуры и типа хозяйства. Эти выводы подкреплены исследованиями специалистов с применением методов естественных наук.

Были подняты вопросы происхождения энеолитической культуры Северного Казахстана. Происхождение энеолита на местной основе, постулируемое В.Ф. Зайбертом на приишимских материалах, данными кустанайских ученых не подтверждается. Выдвинутая В.Ф. Зайбертом идея генетической преемственности атбасарской и ботайской посуды, как считает В.С. Мосин, пока слабо аргументирована малой информативностью непредставительной коллекции неолитической керамики.

Восточноевропейское воздействие на формирование энеолитической культуры Северного Казахстана, предположенное В.Н. Логвиным, в определенной степени подкрепляется рядом аналогий в археологическом инвентаре (раковины *Unio*, утюжки, гравированные фаланги, предложенный Л.Л. Гайдученко вариант формирования казахстанского типа энеолитической лошади). В то же время взаимодействие культур геометрической керамики именно с культурами ямной общности, предполагаемое кустанайскими учеными (хотя и в виде противодействия), не находит своего подтверждения в археологическом материале. Среднеазиатское влияние, возможность которого предполагает В.Ф. Зайберт, археологически обосновывается использованием глиняной технологии в домостроении.

Специалистами (Э.Ф. Кузнецова, Т.М. Тепловодская) дана представительная характеристика рецептов формовочных масс керамики крупнейших терсекских памятников - Кумкешу 1 и Кожай 1. Г.М. Ковнурко исследован состав теста небольшой коллекции ботайской керамики. Это является существенной предпосылкой для успешного решения проблемы этнокультурных контактов. Однако керамические коллекции памятников Приишимья необходимо подвергнуть более массовому и дифференцированному спектральному анализу. В целом, вопросы происхождения энеолитической культуры Северного Казахстана далеки от своего разрешения.

Не подтверждается тот вариант модели ботайской культуры В.Ф. Зайберта, который предполагает включение в ее состав всех памятников Южного Зауралья, Северного, Восточного и восточной части Центрального Казахстана. В Южном Зауралье существование скотоводства не подтверждается, существуют и серьезные различия в археологическом материале. Большее право на существование имеет второй (в рамках только Северного Казахстана) вариант реконструкции ботайской культуры.

Созданы различные варианты реконструкции энеолитического жилища, основанные на полевых наблюдениях и этнографических материалах. Кустанайские ученые не согласны с вариантом реконструкции ботайского жилища, представленного В.Ф. Зайбертом и А.М. Кисленко. Неприятие кустанайских исследователей энеолита вызывает реконструируемая последними глинобитная техника возведения наземных стен ботайского жилища. Неубедительно признание кожайских жилищ с легким каркасом исключительно в качестве летних. Практически все этнографически засвидетельствованные зимние жилища таежных жителей также имели легкую конструкцию.

Общим во взглядах В.Ф. Зайберта и С.С. Калиевой на домостроение является реконструкция сферической формы перекрытия жилища. Есть согласие в вопросе направленности эволюции энеолитического жилища от прямоугольной формы к округлой либо многоугольной.

Такая форма жилищ подтверждается наблюдениями во время раскопок, экспериментальными работами, результатами геомагнитных исследований на поселениях Ботай, Красный Яр, Васильковка IV.

Тщательной разработке подверглись вопросы хронологии и периодизации. Датировки ботайской и терсекской культур базируются на серии абсолютных радиоуглеродных дат, полученных независимым путем и в разных лабораториях. При этом есть существенная разница в датах ботайских поселений, полученных в лаборатории Оксфорда и датами ботайских и терсекских памятников из лаборатории Москвы. Опубликованные в 2004 г. В.С. Мосиным в сводной таблице (со ссылкой на В.Н. Логвина) (таблица А3) оксфордские даты [113, с. 109], даны в некалиброванном виде [72; 73]. Калиброванные их значения на целое тысячелетие ниже абсолютного возраста остальных памятников Северного Казахстана и Зауралья (таблица А1). Относительное же датирование надежно коррелируется с синстадиальными памятниками сопредельных территорий, в основном - Зауралья.

Несколько условна и гипотетична трехступенчатая периодизация В.Н. Логвиным энеолита степного Притоболья. Уверенно судить о существовании до-терсекского энеолита не позволяет непредставительность соответствующих материалов и их типологическое выделение.

Более обоснована двухступенчатая периодизация собственно терсекской культуры, основанная на техниках орнаментации. Стратиграфические данные не позволяют решать этот вопрос однозначно. Вместе с тем, сторонников более ранней хронологической позиции комплексов с веревочной орнаментацией (С.С. Калиева, В.Н. Логвин, В.С. Мосин) больше, чем с гребенчатой (О.И. Мартынюк). Археологически это подтверждается более ранним возрастом стоянок Агаповка I и шувакишского типа в Зауралье, содержавших в комплексе веревочную керамику и пластинчатые изделия из камня, а также более ранним возрастом ложношнуровых липчинских древностей в сравнении с чисто гребенчатыми аятскими в Среднем Зауралье.

Двухступенчатая периодизация ботайской культуры В.Ф. Зайбертом подкреплена четким делением поселений на две группы по облику инвентаря и

значительной разницей в их радиоуглеродной датировке, но без хронологических разрывов.

С начала 1990-х гг. изучение энеолита Северного Казахстана замедлилось. От исследований энеолита отошел целый ряд специалистов. Т.А. Даниленко, С.С. Калиева, А.М. Кисленко, В.Н. Логвин, Н.С. Татаринцева, занимаются археологической либо музейной деятельностью за пределами Казахстана. Полностью отказались от исследований энеолита В.И. Зайтов, О.И. Мартынюк, Е.Е. Тетюхин, В.В. Худяков. А.А. Плешаков занимается трасологическим исследованием каменных орудий эпизодически.

В то же время, в конце 1990-х - 2000-х гг., по договору с зарубежными специалистами было произведено дистанционное исследование поселений Ботай, Красный Яр, Васильковка IV геомагнитным методом. В английских лабораториях был произведен анализ пригаров на керамических сосудах с целью выявления жировых следов молочных продуктов.

В изучении энеолита Северного Казахстана целый ряд проблем остался нерешенным. Ряд направлений в изучении энеолита северо-казахстанскими учеными был не реализован. Е.Е. Тетюхиным не было завершено исследование «утюжков». Логического завершения не нашли исследования домостроения (А.М. Кисленко), индустрии кости (Т.А. Даниленко) ботайской культуры, проблемы культурных контактов ботайцев (В.В. Худяков).

В исследовании материалов терсекских памятников не сложилось системности исследований. Ввиду ограниченного количества занятых специалистов, исследования узких тем (керамики, домостроения, изделий из кости, типологии, трасологии каменных изделий) не производилось.

Для терсекских памятников не разработана детальная типология (исключение составляет поселение Кожай 1) и трасология каменных изделий. Конечно, учитывая тождественность характера каменной индустрии терсекских и ботайских памятников, разработанную типологию и трасологию каменных изделий последних можно проецировать и на тургайские комплексы. Но поскольку кустанайские ученые отстаивают культурную автономность терсекских материалов, то задача самостоятельной типологической и трасологической обработки каменных орудий остается актуальной.

Сформулированные в кандидатской диссертации С.С. Калиевой нерешенные проблемы в изучении терсекской культуры: 1) проблема реконструкции процесса формирования терсекской культуры, а в более широком плане и всех родственных ей культур; 2) проблема реконструкции дальнейших судеб терсекского и родственных ему групп населения; 3) реконструкция народонаселения и социального устройства терсекского общества; 4) продолжение изучения экономики терсекского общества [94, с. 17-18], - до сих пор не нашли своего исследователя.

В энеолитоведении Северного Казахстана не преодолены противоречия по поводу выделения культур.

Выводы В.К. Мерца о характере формирования энеолитических памятников в Павлодарском Прииртышье (в том смысле, что районы р. Шидерты и Экибастуза могли быть районами, куда за каменным сырьем приходило население из

равнинных территорий Западносибирской низменности) находят полное подтверждение в открытых им материалах. Однако частные выводы, как и стремление выделить здесь самостоятельную археологическую культуру, опираясь лишь на синкретичные материалы энеолитического слоя гетерохронной стоянки Шидерты 3, слабо аргументированы вследствие недостаточного их источникового обоснования. Мнение В.К. Мерца об автохтонных верхнепалеолитических истоках отщеповой индустрии пока является гипотезой, не подкрепленной конкретными исследованиями.

Для Павлодарского Прииртышья актуальной остается проблема источника. Особенности отложения энеолитического слоя на стоянке Шидерты 3 значительно снижают его научную ценность. Сама история исследования энеолитического слоя стоянки Шидерты 3 как нельзя лучше показывает ту огромную разницу в ценности исторических выводов в зависимости от масштаба раскопок и качества исследуемого памятника.

Чрезвычайно мало материалов по погребальной обрядности энеолитического населения. Вместе с тем, они все же могут служить источником для изучения этнокультурных контактов. Серия ботайских черепов неоднородна. В шидертинском погребальном обряде В.К. Мерцем выявлены черты двух культурных зон леса эпохи конца каменного века - Урала и Северного Казахстана, с одной стороны, и Иртышско-Верхоленско-Прибайкальской области - с другой.

Культурные и экономические реконструкции в изучении энеолита Северного Казахстана в своей массе строятся эмпирически. Это характерно для исследований С.С. Калиевой, В.Н. Логвина, В.К. Мерца. Наглядный пример - отсутствие теоретического обоснования выделяемых ими культур и реконструируемых ХКТ. Исключением, как показано выше, являются исследования В.Ф. Зайберта.

Необходимо отметить значительную задержку в публикации материалов изученных памятников. Клад Аксу был опубликован спустя 8 лет после его открытия, материалы поселений Кумкешу 1 и Кожай 1 были введены в научный оборот частично через 5-6 лет. По Кожаяу 1 материалы полностью опубликованы только в 1998 г., то есть через 13 лет. Материалы местонахождения у с. Ливановка – через 6 лет. Это напрямую отразилось на облике терсекской культуры, который подвергся «перелицеванию». Материалы поселений Рощинское, Сергеевка, Баландино были частично опубликованы в 1990 г.

Как показывает предпринятое нами исследование, преемственности в изучении энеолита Северного Казахстана еще не сложилось. А.А. Формозов и Л.А. Чалая прекратили изучение памятников позднекаменного века, не сформировав преемственности. С.С. Калиева и В.Н. Логвин производят археологические исследования за пределами Казахстана. Прежний коллектив петропавловских исследователей энеолита распался. Фактически, исследование энеолита в Северном Казахстане сегодня осуществляется только В.Ф. Зайбертом и В.К. Мерцем.

3 ИЗУЧЕНИЕ ЭНЕОЛИТА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

3.1 Выделение первых культурных образований эпохи энеолита на территории Южного Зауралья

Первым изученным памятником энеолита Южного Зауралья, по традиции, считается поселение Кысы-Куль на оз. Кысы-Куль возле г. Миасса (рисунок А2), раскопанное в 1937 г. К.В. Сальниковым. Его материалы были частично опубликованы автором раскопок в 1962 г. в сборнике АЭБ, Т. 1. [7]. Затем материалы поселения Кысы-Куль публиковались Л.Я. Крижевской в 1977 г. [8, с. 35-39] и Г.Н. Матюшиным в 1982 г. [9, с. 97-102].

Памятник расположен на юго-восточном берегу озера Кысы-Куль в 10 км от г. Миасса, занимая две (разделенные метровым уступом) разноуровневые площадки. Вскрыто 244 кв.м. культурного слоя мощностью 0,15-0,4 м. В раскопе было прослежено округлое углубление размерами 2,5х3 м и глубиной 0,45 м от уровня материка и две столбовые ямки. Л.Я. Крижевская отмечает, что К.В. Сальников в своем отчете отнес к единому раннебронзовому комплексу керамики и гамаюнскую посуду, орнаментированную крестом, ямками, резными линиями [8, с. 36; прим. 18 на с. 37].

Фрагменты энеолитической керамики были обнаружены С.Н. Бибиковым в верхних слоях пещер Бурановская, Усть-Катавская и Гребневая на реке Юрюзань в горнотаежной зоне Южного Урала [114, с. 24].

В 1940-50-х гг. совместно с К.В. Сальниковым (и под его руководством) памятники археологии Южного Зауралья изучала Н.П. Кипарисова, научный сотрудник Нижнетагильского музея [115, с. 145]. Исследовательница возглавляла отряды в составе Южноуральской экспедиции (руководитель К.В. Сальников) и экспедиции Челябинского областного музея. В начале 1950-х гг. Н.П. Кипарисовой была открыта и исследована группа поселений на озерах Чебаркуль, Иткуль и Черкаскуль. В 1952-53 гг. ею была исследована Чебаркульская стоянка, материалы которой опубликованы частично [116]. Стоянки Абселямовская, 1-я и 2-я Иткульская были обнаружены в 1953 г. Синарским отрядом археологической экспедиции Челябинского областного музея (руководитель отряда Н.П. Кипарисова), производившим разведку по следам старых открытий В.Я. Толмачева вдоль течения р. Синары, Щербаковки, верховьев р. Багаряк и берега оз. Синара. Стоянка Абселямовская обнаружена Н.П. Кипарисовой впервые. Она располагалась на берегу ручья (северный берег оз. Иткуль), именованного у местных жителей по-разному: Абселямовка, Зюзелька и Аунделга [117, с. 188, 191, 192]. Стоянки 1-я и 2-я Иткульская найдены по данным В.Я. Толмачева [117, с. 188, с. 192-193, 195]. Стоянка 1-я Иткульская располагалась на мысу левого берега р. Буркали (западный берег оз. Иткуль) [117, с. 192]. Стоянка 2-я Иткульская находилась на мысу правого берега р. Исток (восточный берег оз. Иткуль), соединяющего озера Иткуль и Синара [117, с. 195]. Стоянки были исследованы шурфами [117, с. 190-193, 195-196]. Материалы раскопок Абселямовской стоянки практически не были опубликованы. Однако, данные по памятникам частично были приведены в монографии Г.Н. Матюшина, который опирался на отчеты Н.П. Кипарисовой, на знакомство с материалами этих стоя-

нок, хранящихся в Челябинском областном краеведческом музее, а также на самостоятельные обследования Чебаркульской и Абселямовской стоянок в 1950-х, 1976 и 1979 гг. [9, с. 102-105]. Стоянки содержали материал разных эпох - от неолита до поздней бронзы.

Самое позднее к 1958 году, времени ухода из жизни [115, с.154], Н.П. Кипарисовой, в материалах ряда многослойных стоянок Челябинской области, расположенных на озерах Чебаркуль, Иткуль и Черкаскуль: Абселямовская, Чебаркуль I, 1-я, 2-я и 4-я Иткульская, 1-я Черкаскульская, Сайма 3, 4 (рисунок А2), - был выделен особый тип керамики, имеющий, по мнению исследовательницы, в целом неолитический облик, но сильно отличающийся «...от неолитической по форме, обработке поверхности, технике нанесения орнамента, орнаментальным мотивам и их расположению на поверхности сосуда» [6, с. 7]. Однако выводы исследовательницы были опубликованы только в 1960 г. [6], через два года после ее безвременного ухода из жизни.

Новый комплекс посуды был выделен Н.П. Кипарисовой типологически, а также на основе наблюдений за поглубинным залеганием керамики. Ею было выявлено 12 отличительных признаков нового типа керамики: 1) отсутствие наплыва на внутренней стороне венчика; 2) отгиб венчика наружу и утоньшение его края; 3) утолщенное днище и плавный переход от стенки ко дну; 4) обработка внутренней, а иногда и внешней, поверхности сосудов гребенчатым штампом; 5) исчезновение орнаментации палочкой, лопаточкой, гребенкой в отступающей, шагающей и прочерченной техниках; 6) распространение наклонных оттисков короткого (2-3 зубца) штампа; 7) распространение ложногребенчатой (ложношнуровой) техники орнаментации; 8) упрощение орнаментальной полосы по внутреннему краю сосуда до нанесения только одного ряда оттисков гребенки; 9) орнаментация только верхней части сосудов, замена орнамента по тулову «гребенчатыми расчесами»; 10) преобладание вертикального членения орнаментальных зон; 11) появление в орнаментации сложных, нарядных узоров из узких, вертикально вытянутых треугольников, ромбов, расположенных вертикальными рядами, и разделение рисунка вертикальным зигзагом; 12) появление орнаментальной детали в виде сгруппированных (обычно по три) мелких круглых ямок [6, с. 7-9].

Стратиграфически и типологически Н.П. Кипарисова поместила выделенный ею тип керамики между эпохами позднего неолита и позднего андрона, отнеся его к энеолитическому и раннебронзовому времени с абсолютной датировкой в пределах начала II тысячелетия - XIV-XIII вв. до н. э. [6, с. 7, 9, 23].

Н.П. Кипарисова провела тщательный сравнительный анализ неолитической и энеолитической керамики исследованных ею стоянок, выявила элементы сходства и отличия в форме и орнаментации сосудов. Не выявленной осталась рецептура формовочных масс. Причем, в одних и тех же чертах она видела элементы сходства и, в то же время, - различия. Так, полужайцевидность сосудов считалась ею наследием неолита, но новый облик им придавало отсутствие утолщения на внутренней стороне венчика, отогнутость его края наружу, плавный переход стенок в днище. Общим признаком считалась и гребенчатая орнаментация, но в неолите она гребенчато-волнистая, а в энеолите - только гребен-

чатая. Схож и геометризм в орнаментации. Однако в неолите - это взаимопроникающие треугольники, а в энеолите - отдельно расположенные и заштрихованные треугольники и ромбы, создающие эффект разреженности орнамента. Таким образом, уже на ранней стадии изучения энеолита была выделена главная, на наш взгляд, отличительная черта геометризма в энеолитической орнаментации - это не столько наличие геометрических элементов, а их расположение на неорнаментированном фоне, что создает эффект разреженности орнамента. Была выделена и такая новая черта орнаментации, как применение ямочных узоров [6, с. 9-11].

Н.П. Кипарисова считала энеолитическую керамику автохтонной, прослеживая ее двухэтапную эволюцию начиная от развитого неолита. Основным направлением эволюции был отход от закрытой формы сосудов к прямостенной с отогнутым наружу венчиком, исчезновение наплыва на внутренней стороне венчика. Коническое днище сменяется округлым, а, затем, - и уплощенным. Происходит переход от горизонтального расположения орнамента к вертикальной зональности, к разреженности орнаментации, уменьшается роль «шагающей» гребенки. Такая трансформация происходила в течение конца III-нач. II тыс. до н.э. Эти построения отразились в созданной Н.П. Кипарисовой эволюционной схеме развития керамики юго-западной части лесного Зауралья [6, с. 14-15] (рисунки А10-11).

Взаимовстречаемость неолитической и энеолитической керамики на поселениях объяснялась Н.П. Кипарисовой временным сосуществованием обоих типов [6, с. 9]. Помимо стратиграфии, преемственность обоих типов керамики подтверждается, по Н.П. Кипарисовой, и типологической преемственностью, как в форме, так и в орнаментации [6, с. 9-11].

Область распространения такой керамики в таежной зоне Н.П. Кипарисова ограничивала наиболее северными стоянками лесного Зауралья (севернее Свердловска (Екатеринбурга), где, с ее точки зрения, еще очень долго сохраняются неолитоидные черты керамики [6, с. 14-15]. В позднекаменном веке Зауралья Н.П. Кипарисова выделила две линии развития - северную и южную. В круг южных лесных стоянок Н.П. Кипарисова включила также материалы памятников лесной зоны нижней половины Свердловской области, которые, по ее мнению, сближаются с северными лесными стоянками Челябинской области не только по сходству керамики, но и по некоторым видам каменных изделий.

Н.П. Кипарисова доказывала принципиальное отличие энеолитической ложногребенчатой техники от неолитической техники отступающей лопаточки, считая, что последняя выходит из употребления совсем. Она объяснила отказ от применения отступающей лопаточки и длинного гребенчатого штампа и переход к технике ложной гребенки и использованию короткого гребенчатого штампа подражанием оттиску гребенчатого штампа (ложная гребенка) и усложнением мотивов орнаментации (короткая гребенка) [6, с. 17]. Появление новой техники орнаментации, как следствие обратной связи, привело к еще большему усложнению рисунка - появлению плоскостных изображений птиц и животных [6, с. 18].

Переотложенность культурного слоя на Чебаркульской стоянке не позволи-

ла Н.П. Кипарисовой стратиграфически разделить каменные орудия неолитического и энеолитического времени [6, с. 19].

С раскопанных к тому времени других южных лесных стоянок также был получен бедный кремневый инвентарь. Это не позволило Н.П. Кипарисовой проводить сравнения материалов исследованных ею памятников с материалами соседних территорий по массовым категориям орудий. Поэтому в качестве исходных для поиска аналогий она использовала редко встречаемые, но яркие изделия [6, с. 19], что не позволяло сделать твердо обоснованных выводов, поскольку такое сравнение дает представления общего характера, например, о появлении стадиальных приемов обработки камня (сверление, пиление). Вместе с тем Н.П. Кипарисова показала, что для эпохи энеолита характерными становятся сверленные изделия (грузила, кирки, маховички, сланцевые привески), утюжки, грузила-кибасы, грузила-палочки из глины и талькового камня, грузила с желобками вдоль всей окружности [6, с. 19].

Решая вопросы культурогенеза древнего Зауралья, Н.П. Кипарисова исходила из автохтонных представлений и укоренившегося к тому времени тезиса о распаде в энеолите неолитической общности лесного Зауралья и Западной Сибири и дальнейшем обособленном развитии керамики в локальных регионах [6, с. 20]. Полученные материалы позволили ей включить в область, где формировался новый тип керамики, только юго-западную часть лесного Зауралья, «от Уральского хребта и примерно до р. Тобола и от района Шигирского торфяника до южной границы лесной зоны (около 400-450х300-350 км)» [6, с. 20].

Посленеолитические памятники этого региона, отнесенные ранее П.А. Дмитриевым к шигирской культуре, получившей затем более широкое содержание за счет включения в нее раннеэнеолитических стоянок, Н.П. Кипарисова предложила выделить в особую культуру, дмитриевскую (рисунок А12), назвав ее так в честь первоисследователя материалов этого типа [6, с. 22-23]. В дмитриевскую культуру исследовательница включила такие стоянки, как Чебаркульская, 1-ая Черкаскульская, стоянки на оз. Иткуль, стоянки Карасьих озер, стоянки у деревень Палкино, Калмацкий Брод, Макуши, стоянки Исетского озера, Лосиный остров, Аятское озеро, Шигирский торфяник, Аннин остров, Горбуновский торфяник, Полуденка 2, Липчинская, 2-е Андреевское озеро [6, с. 21]. Причем, памятники энеолита и ранней бронзы как материалы, свидетельствующие о продолжении линии развития местной культуры, Н.П. Кипарисова отнесла к первому этапу дмитриевской культуры, в отличие от привнесенных извне андроновских традиций [6, с. 22].

Внутри дмитриевской культуры Н.П. Кипарисова выделила локальные различия в орнаментации керамики. Отличительным признаком орнаментации керамики тюменских стоянок она считает более высокую роль мелкоямочной орнаментации, свердловских стоянок - большую роль орнаментации длинным гребенчатым штампом, памятников юго-западного района - подчеркивание узора на керамике мелкими ямками и широкое использование талькового камня [6, с. 23].

Таким образом, эпоха энеолита (или ранней бронзы) в Южном Зауралье была впервые выделена Н.П. Кипарисовой и К.В. Сальниковым, и сначала осно-

вывалась только на анализе керамики нового облика - гребенчатой и боборыкинской.

В начале 60-х годов вся совокупность известных к тому времени энеолитических и раннебронзовых материалов Южного Зауралья была переосмыслена К.В. Сальниковым и выстроена в авторскую пространственно-хронологическую схему. В энеолите Южного Зауралья он выделил четыре варианта керамики: абселямовско-чебаркульский, кысыкульский, боборыкинский круглодонный с гребенчатым орнаментом, боборыкинский плоскодонный с резным орнаментом. Гребенчатый боборыкинский и абселямовско-чебаркульский считались синхронными региональными вариантами (восточным (лесостепным) и западным (лесным) соответственно). Кысыкульский вариант развился на основе абселямовско-чебаркульского [7, с. 28].

3.2 Выделение и изучение кысыкульской культуры

После Н.П. Кипарисовой, до 1967 г., финал каменного века на озерах юго-западной части лесного Зауралья изучался сначала Южно-Уральским отрядом, а затем Южно-Уральской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Л.Я. Крижевской. Исследования проводились на оз. Чебаркуль, а также Малое и Большое Миассово.

В 1960 г. Южно-Уральским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством Л.Я. Крижевской была раскопана стоянка Чебаркуль II на южном берегу Чебаркульского озера Чебаркульского района Челябинской области (рисунок А2). Площадь памятника около 500 кв. м. Вскрыта $\frac{1}{4}$ часть площади памятника. Выделено два слоя памятника - нижний раннеэнеолитический с волнисто-прочерченной керамикой и верхний раннебронзовый с гребенчатой керамикой.

Керамика верхнего слоя памятника соотнесена Л.Я. Крижевской с керамикой иткульских стоянок, отнесенных Н.П. Кипарисовой к раннебронзовому времени, и датирована нач. II тыс. до н.э. [24, с. 31]. Отсутствие стерильной прослойки между культурными слоями не позволило автору раскопок стратиграфически разграничить каменный инвентарь. Было лишь отмечено, что в верхнем слое его в количественном отношении меньше, чем в нижнем.

Л.Я. Крижевская априори исходила из предположения о том, что характерной особенностью зауральских стоянок ранней бронзы является почти полное отсутствие каменного инвентаря, а тем более инвентаря на пластинах. Поэтому наличие каменных орудий в верхнем слое стоянки было объяснено попаданием их туда из нижних горизонтов [24, с. 31-32]. Вместе с тем, среди пластинчатых орудий, в том числе и наконечников стрел, один из которых кельтеминарского типа, обработанных краевой ретушью, присутствуют двусторонне-обработанный наконечник копья и шлифованные изделия [24, с. 30, рисунок 10, 30, 31]. Из верхнего слоя стоянки происходили кости, которые, по определению А.В. Таттар, принадлежали косуле, овце и корове [24, с. 31]. Такой видовой состав остатков домашних животных заставляет усомниться в гомогенности верхнего слоя стоянки.

В 1963 г. на оз. Большое и Малое Миассово был разведан ряд стоянок с материалами раннебронзового века: Чебаркуль IV, Чартоньш II, Няшевка II, Ла-

точка, Кораблик и др. (рисунок А2). В 1966 г. была вскрыта центральная часть поселения Няшевка II, располагавшегося на западном берегу Няшевской курьи оз. Большое Миассово, в 1,5 км от устья реки Няшевка, на ее левом берегу. Основной комплекс памятника принадлежал гамаюнскому времени. Керамика раннебронзового времени, встреченная в небольшом количестве и на ограниченной территории поселения, была отделена от гамаюнского комплекса стратиграфически, располагаясь под камнями очага. Каменные кладки, около которых оказались фрагменты керамики, но не было признаков очага, интерпретированы как опоры для сосудов [118, с. 108-109].

Схожая стратиграфия была отмечена Л.Я. Крижевской для обследованных ею же стоянок Чебаркуль IV, Чартоньш II, Латочка, где также основным комплексом являлся гамаюнский, а небольшое количество раннебронзовой керамики залегало ниже его. Одной из проблем стало типологическое расчленение раннебронзового и гамаюнского комплексов этих стоянок. На стоянке Латочка были обнаружены фрагменты керамики с уточками [118, рисунок на с. 110]. Аналогию им Л.Я. Крижевская провела с изображениями уточек на сосудах стоянки Ипкуль I и поселения раннего металла Усть-Рыбежна II. Предварительно (и неверно) она отнесла эту керамику к гамаюнскому комплексу [118, с. 110].

На поселении Чебаркуль IV материалы раннебронзового времени отделялись от гамаюнских стерильной прослойкой суглинка в 5-7 см. Выделено всего 2-3 раннебронзовых сосуда в сопровождении малого количества каменных изделий и металлического ножичка [8, с. 43]. Однако, аналогию их орнаментации Л.Я. Крижевская в исследованных ею памятниках не находит. Датировка установлена исследовательницей только на основе некоторого сходства в орнаменте с посудой Боборыкино II и Бор I. К ранней бронзе материалы нижнего слоя были отнесены на основании обнаружения в нем металлического предмета [8, с. 45].

В 1967 г. частичными раскопами были исследованы три других поселения - Латочка, Кораблик и «В воротах» [21]. Поселение Латочка располагалось по обе стороны невысокой каменной гряды. На одной стороне находились энеолитические материалы, на другой - разновременные: неолитические, энеолитические, эпохи РЖВ. Поселение Кораблик также оказалось разновременным, неоэнеолитическим, памятником. Однако культурные слои здесь были разделены мощной стерильной прослойкой из песка и галечника. Это позволило получить чистый энеолитический комплекс. Поселение «В воротах» занимало ровную площадку в 400-500 кв. м. Культурный слой с находками сохранился на всей площади памятника.

На исследованных поселениях наряду с гребенчатой найдена в небольшом количестве керамика, орнаментация которой была определена Л.Я. Крижевской как «ложно-гребенчатая» (ложношнуровая). В каменной индустрии господствовала пластинчатая техника и краевая ретушь. Вместе с тем, на Кораблике обнаружена серия прекрасно изготовленных наконечников копий-бифасов, а на поселении «В воротах» - шлифованный топор. Л.Я. Крижевской было отмечено,

что материал стоянок по форме и орнаментации керамики (ложно-гребенчатая) и по пластинчатому облику индустрии сохраняет неолитические традиции.

В 1967-68 гг. была раскопана центральная часть поселения Кораблик (на мысу северо-западного берега залива Штанная Курья оз. Большое Миассово). На двух участках было прослежено стратиграфическое разделение неолитического и раннебронзового слоев стерильной прослойкой [8, с. 19]. Для керамики поселения характерно разнообразие в применении для ее орнаментации гребенчатых штампов по длине, а также по форме и размерам зубцов [8, с. 27]. Стратиграфически четко выделенный раннебронзовый комплекс также дал смешанный, пластинчато-отщеповый, характер индустрии. Все наконечники стрел сделаны в бифасальной технике, а остальные орудия выполнены из пластин. В то же время, на примере поселения Кораблик, Л.Я. Крижевская отмечает, что при отсутствии надежной стратиграфии на других участках раскопа нет типологических оснований для выделения раннебронзовых орудий из неолитических [8, с. 31].

С 1968 г. Л.Я. Крижевская переходит к исследованию неолита Северного Кавказа в составе Приазовского неолитического отряда, а затем Приазовской и Степной экспедиций ЛОИА АН СССР. На несколько лет исследования на озерах Малое и Большое Миассово были прерваны и возобновились в 1970 г. совместным отрядом экспедиции Челябинского педагогического института и Серовского краеведческого музея [119]. В 1970 г. Н.А. Федюновой были исследованы стоянки «В воротах», Янышка I, Зимник и грот Чартоныш II. Памятник «В воротах» - разновременный, нео-энеолитический, со стратиграфически не расчленяемыми культурными слоями. Типологически была выделена раннебронзовая керамика, украшенная тонким гребенчатым штампом и большое количество веревочной керамики. Каменный инвентарь стоянки в большинстве своем пластинчатый, реже - на отщепах и нуклевидных сколах. Были обнаружены также плита для шлифования, шлифованное тесло, обломок топора. Сырьем для производства орудий выступали яшма, кремль, сланец. Гетерохронная стоянка Янышка I располагалась в месте соединения озер Янышка и Малое Миассово. На ней обнаружена тонкогребенчатая керамика, пряслице, нуклеусы, орудия на пластинах и отщепах, костяная поделка и медная пластинка. На стоянках Зимник и грот Чартоныш II на оз. Большое Миассово керамика ранней бронзы также была выделена из разновременного материала типологически [119].

В 1969 гг. Л.Я. Крижевская в тезисной форме [120] сформулировала свои взгляды на посленеолитическое время в Южном Зауралье, которые нашли свое развитие в монографии 1977 г. и в других ее статьях [8; 23]. Раннебронзовое время было датировано первой четвертью II тыс. до н.э. [120, с. 74]. Был завышен уровень техники металлургии (литье) [120, с. 73], который в последующем воспринимался как более примитивный (ковка). Публикуя в этом же году материалы неолитических комплексов стоянок Няшевка IV, Латочка и Кораблик I [121], Л.Я. Крижевская определила стоянку Няшевка IV как однослойную неолитическую.

Вероятно, такой вывод ученой основывался, прежде всего, на пластинчатом облике каменной индустрии памятника. Вместе с тем, керамический материал

не столь однородный [121, с. 107]. Керамика четко делится на 2 группы по технике орнаментации и по рецептуре формовочных масс: 1) волнисто-накольчатая из глины с тальковой и песчано-тальковой примесью; 2) гребенчатая из глины с песчано-дресвяной примесью. Орнаментальные техники на сосудах не сочетаются. Примесь талька и песка в противоположных группах единична. Отдельную группу составляют 2-3 сосуда, орнаментированные угловыми вдавлениями веревочного штампа в сочетании с оттисками гребенки. Для орнаментации гребенчатой керамики характерна как разреженность орнаментации, так и присутствие геометрических фигур - треугольников, расположенных не монотонными рядами, а перпендикулярно друг другу [121, с. 106-107]. Ряд признаков гребенчатой керамики более характерен для энеолита региона, чем для неолита. Это - дресвяная примесь в глиняном тесте, разреженность и геометризм в орнаментации, наличие веревочной орнаментации.

Поселение Кораблик I определено как одно из немногих на Южном Урале, где присутствует четкая стратиграфия и раннебронзовый слой (по Л.Я. Крижевской, т.е. энеолитический) отделен от неолитического (Кораблик I) мощным (0,20-0,25 м) стерильным слоем из песка и гравия. В твердо установленном неолитическом комплексе содержался каменный инвентарь только пластинчатого облика и керамика, орнаментированная в прочерченной и отступающей технике, отсутствовала гребенчатая керамика [121, с. 108].

По сути дела, развернутая характеристика культуры населения северных озер Южноуральского Приозерья посленеолитического времени была дана Л.Я. Крижевской уже в начале 1970-х гг. [23]. В итоговой монографии она была дополнена более широкой публикацией материалов памятников, раскопанных самой исследовательницей, К.В. Сальниковым и Н.А. Федюновой.

Собранные за десятилетие исследований Л.Я. Крижевской на Южном Урале данные с поселений Карагайлы I, Няшевка II, Латочка, Чебаркуль IV, а также выделение к этому времени энеолитических либо раннебронзовых комплексов на Урале [6; 7], позволили исследовательнице выделить таковые и из собственных материалов. В качестве опорного памятника для выделения раннебронзового комплекса из материалов, отнесенных ею прежде к позднеэнеолитическим, Л.Я. Крижевская использует поселение Латочка. Она отмечает, что большинство южноуральских поселений гетерохронные с стратиграфически нерасчленимым культурным слоем. Вместе с тем, на опорном гетерохронном поселении Латочка чистота посленеолитического слоя определяется также на основе планиграфии. Хотя, на другой стороне каменной гряды находилось неолитическая стоянка, и не исключено попадание ее материалов на территорию, где затем возникло энеолитическое поселение [21; 23, с. 110; 121, с. 108]. Позже, Л.Я. Крижевская сама отмечала, что не исключает попадания сюда фрагментов керамики с неолитической стоянки [8, с. 12].

Удивление вызывает, что в качестве опорного не рассматриваются материалы поселения Кораблик I, где исследовательницей отмечен редчайший случай надежного разделения слоев мощной стерильной прослойкой и получен чистый энеолитический комплекс [21].

Раннебронзовые комплексы остальных поселений (Няшевка II, Чебаркуль IV, Кораблик, Карагайлы I, Кысы-Куль) выделяются уже типологически [23, с. 111-114].

Тот вид орнаментации, который в литературе ученые, исследующие конец каменного века Зауралья, называли «ложной» или «псевдогребенкой», Л.Я. Крижевская определяла в качестве оттисков веревочки и отнесла к «веревочному (или шнуровому) типу орнаментации» [23, с. 112]. На такой вывод, очевидно, повлиял тот факт, что в 1950-х гг. исследовательница изучала неолит Волго-Окского междуречья, где веревочная орнаментация имела широкое распространение, и Л.Я. Крижевская имела практический опыт работы с ней [122, с. 38-41].

На основе некоторого сходства рисунка на одном из сосудов из нижнего слоя стоянки Чебаркуль IV с орнаментом на сосудах из поселений Боборыкино II и Бор I Л.Я. Крижевская пытается наметить внутреннюю относительную хронологию раннебронзовых стоянок Южного Урала и считает материалы стоянки Чебаркуль IV наиболее поздними из них [23, с. 113].

Для Л.Я. Крижевской характерна недооценка роли основных составляющих археологических комплексов - керамики и каменных орудий - в формировании облика посленеолитической культуры. Посленеолитические (раннебронзовые) комплексы изученных ею стоянок она по облику считала неолитическими с малозаметными изменениями. Она выделила довольно ограниченное число признаков раннебронзовой керамики, отличающей ее от неолитической: 1) отсутствие остродонности керамики и распространение круглодонности; 2) отсутствие линейно-накольчатой орнаментации; 3) разнообразие гребенчатой и веревочной орнаментации; 4) появление сложных уникальных орнаментов [23, с. 114].

Также она недооценивала и своеобразие характера каменной индустрии. По ее мнению, каменный инвентарь раннебронзовых памятников почти ничем не отличается от неолитического. Сохраняются пластинчатая техника и неолитические формы орудий. В качестве новых черт Л.Я. Крижевская выделяла следующие изменения и особенности: 1) малочисленность орудий; 2) ограниченность форм инвентаря из пластин (отсутствуют сверла, остря, проколки, резцы); 3) низкая доля отходов производства; 4) наличие двусторонне обработанных наконечников копий и стрел; 4) наличие крупных изделий из сланца, талька и других пород камня, а также абразивных инструментов из песчаника [23, с. 113].

По мнению исследовательницы, наличие остатков металлургии на целом ряде раннебронзовых поселений Южного Зауралья (Карагайлы I, Кысы-Куль, Няшевка II, Латочка, Чебаркуль IV, Карабалыкты IX, Мурат, Суртанды VIIa и Суртанды VI) позволяет говорить о знакомстве их жителей с технологией выплавки меди. Ею же ставятся и рассматриваются такие вопросы становления металлургии меди на Южном Урале, как: 1) в каких формах произошло знакомство местного населения с металлом; 2) в какое время это произошло; 3) кто являлся носителем металлургии меди [23, с. 114].

Л.Я. Крижевская считает, в Южном Зауралье переход к металлургии меди произошел самостоятельно в ходе развития камнеобработки. В качестве доказательства этого утверждения ею выдвигаются следующие факты: 1) самородный характер происхождения меди изделий; 2) наличие местных источников самородной меди, воды и топлива; 3) наличие на поселениях остатков металлургического производства (капелек меди и шлаков); 4) примитивный метод изготовления изделий холодной ковкой. На основе этнографических данных об индейцах Северной Америки ею реконструируется первоначальная технология освоения металлургического производства, почти точно копирующая приемы добычи и обработки каменного сырья [23, с. 114-115]. В более поздней работе (также исходя из данных о примитивной металлургии меди в Северной Америке) ею была приведена подробная реконструкция вытапливания меди непосредственно из рудного тела костровым способом [8, с. 101]. Определение Е.Н. Черных уровня развития уральской металлургии на Южном Урале в энеолите как примитивного [123] совпадает с оценкой Л.Я. Крижевской.

Таким образом, Л.Я. Крижевской было предложено свое видение причин и механизма самостоятельного и эволюционного возникновения металлургии на Южном Урале. А сам Южный Урал в раннебронзовое время рассматривается ею в качестве одного из очагов древнейшей металлургии меди [23, с. 117].

Однако ею же отмечается, что освоение металла не изменило ни форм материальной культуры (керамика и каменная индустрия), ни типа хозяйства. В экономике местного раннебронзового населения продолжает сохраняться охота и собирательство [23, с. 115]. В отношении скотоводства предполагается лишь возможность его зарождения [23, с. 117].

Рассматривая вопрос о типе хозяйства в посленеолитическое время в Зауралье, Л.Я. Крижевская привлекает внимание к проблеме методологического обоснования суждения о существовании скотоводства в древних культурах на основании присутствия на памятниках керамических дисков с отверстиями - пряслиц. И дает отрицательный ответ [23, с. 116]. Последние исследования по ткацкому делу на поселении Аркаим показывают, что его население, безусловно обладающее развитым скотоводческим хозяйством, в ткачестве продолжало использовать только растительные волокна [124, с. 103]. Поэтому, на наш взгляд, скепсис Л.Я. Крижевской о самостоятельной информативной ценности керамических пряслиц в отношении типа хозяйства, в отсутствие надежных остеологических данных, оправдан.

Исходя из маломощности и небольшой площади культурного слоя памятников, а также из малочисленности материалов, Л.Я. Крижевская считает, что раннебронзовое время на Южном Урале было кратковременным, не более 300-350 лет. И датировалось первоначально в рамках первой половины II тыс. до н.э. [23, с. 117].

В 1977 г. Л.Я. Крижевская подвела итоги изучения ею раннебронзовой эпохи Южного Зауралья [8]. Помимо ранее высказанных взглядов итоговая монография Л.Я. Крижевской содержит ряд общих выводов и новых замечаний частного характера. Основной задачей публикации явилось стремление выяснить специфику региона в характере перехода к производящему хозяйству. При

этом исследовалась проблема соотношения роли в освоении новых производств самостоятельного поступательного развития местного населения и заимствований, было ли это следствием этногенетических изменений. Решалась задача установления относительной и абсолютной хронологии существования ранне-бронзовой эпохи. Одной из задач ставилась более полная публикация материалов раскопок и выделение раннебронзовых археологических культур.

В монографии рассматриваются два типа памятников. Один из них отнесен Л.Я. Крижевской к боборыкинскому типу, второй - к кысыкульскому. В этом разделе нашего исследования речь пойдет о первой части монографии, характеризующей изучение памятников Южнозауральского Приозерья.

На основании отчета раскопок К.В. Сальникова опубликована часть материалов стоянки Кысы-Куль [8, с. 35-39]. Проанализировав керамическую коллекцию Кысы-Куля, Л.Я. Крижевская выделила из нее значительную часть гаманской керамики [8, с. 36]. В ней также присутствуют фрагменты с напльвом на внутренней стороне венчика, но которые были ею отнесены к кысыкульскому типу. Причем процент их значителен. Из выделяемых Л.Я. Крижевской из коллекции памятника 18-20 сосудов кысыкульского типа напльв на внутренней стороне венчика содержат 8 сосудов [8, с. 37], то есть 40-44 % (подсчеты автора). Это очень большой процент архаических признаков для энеолитической керамики. Но этот факт не нашел адекватной интерпретации.

Вместе с тем было обращено внимание на бинарность раннебронзового керамического комплекса по форме сосудов, стилю и технике орнаментации, а также бинарность характера каменной индустрии. Бинарность комплексов интерпретирована исследовательницей как отражение переходного состояния комплексов. С точки зрения возможной неоднородности этнического состава общин этот факт не анализировался.

В монографии были опубликованы также материалы 4-х памятников, исследованных Н.А. Федюновой в 1970 г.: поселения Янышка на оз. Малое Миассово, Зимник, «В воротах» и грот Чартоныш II на оз. Большое Миассово. Кратко охарактеризованы материалы поселения Чебаркуль IV [8, с. 41-43].

По основным признакам материалы поселения Кысы-Куль Л.Я. Крижевская считает схожими с инвентарем поселений Латочка и Кораблик. Различие же во второстепенных признаках между ними она считает характерной чертой всех раннебронзовых поселений [8, с. 39]. Состояние научных знаний на тот период не позволило ученой типологически разделить аятские, липчинские и суртандинские материалы этих синкретичных комплексов.

Разнородные материалы энеолитических памятников Южнозауральского Приозерья Л.Я. Крижевская объединила в один культурный комплекс. Для его обозначения Л.Я. Крижевская использует название «кысыкульский», введенное его первооткрывателем К.В. Сальниковым, хотя для выявления их своеобразия в качестве эталонного использует другой памятник - поселение Латочка [8, с. 5], на том основании, что материалы К.В. Сальникова опубликованы лишь частично, а Н.П. Кипарисовой раннебронзовый комплекс выделен типологически из смешанных комплексов и на основании наблюдений за поглубинным залеганием находок [8, с. 7]. Таким образом, все энеолитические материалы с памят-

ников Южнозауральского Приозерья Л.Я. Крижевская отнесла к кысыкульской культуре.

Л.Я. Крижевская впервые выявила один из новых признаков раннебронзового керамического производства в Южном Зауралье - распространение (наряду с традиционным ленточным) стыкового способа формовки сосудов [8, с. 13]. Акцентируя внимание на том, что этот способ формовки был выделен еще в 1967 г. Н.Н. Гуриной в неолитической нарвской керамике [125, с. 34, рисунок 18, 2-8, рисунок 20, 8], исследовательница использует его как датирующий признак раннебронзовой керамики Южного Зауралья [8, 47].

Другой новой характерной чертой эпохи Л.Я. Крижевская считала процесс стилизации в области искусства. Этот процесс она прослеживала на примере изображений уток на керамике Латочки и Иткуль I [8, с. 48] и поделки из талькового сланца с поселения Латочка, интерпретированной ею в качестве сильно стилизованной антропоморфной фигурки [8, с. 18]. Она считала, что в этом проявляется своеобразие переходной эпохи [8, с. 115].

Решая проблему выявления черт, характерных для раннебронзовой каменной индустрии (в целом имеющей неолитоидный облик), орудия которой практически всегда происходят из смешанных комплексов, Л.Я. Крижевская предпочтение стала отдавать тем памятникам, где раннебронзовые материалы являются самыми ранними (Кысы-Куль, Чебаркуль IV, Няшевка II, Янышка и др.). Л.Я. Крижевская считала, что именно на таких памятниках наиболее явно прослеживаются те слабые черты, которые отличают раннебронзовую каменную индустрию от собственно неолитической [8, с. 35, 47]. В отношении керамики этого почему-то не делается.

Прослеженные ею схожие черты в материалах раннебронзовых поселений Южного Урала с неолитическими и энеолитическими комплексами Карелии, Прибалтики и Финляндии (стыковая техника формовки, стамески типа крумейзель, асбестовая керамика) объясняются Л.Я. Крижевской с позиции конвергентности, либо наличием двусторонних связей, но не как следствие расселения населения в ту или иную сторону [8, с. 118].

Внутренняя периодизация памятников эпохи устанавливается отнюдь не на основе стратиграфии, абсолютного датирования либо соотнесения с хорошо датированными комплексами соседних территорий. Критериями для нее служат количество каменного инвентаря на поселении, присутствие (либо отсутствие) предандроновского орнамента, наличие (отсутствие) гребенчатых мотивов неолитоидного облика. Поселение Латочка отнесено к началу ранней бронзы ввиду значительного количества каменных орудий, отсутствия предандроновских мотивов. К концу раннебронзовой эпохи отнесено поселение Чебаркуль IV на основе наименьшего из всех поселений количества каменных орудий, отсутствия гребенчатых неолитоидных мотивов в орнаментации [8, с. 45].

В монографии были опубликованы результаты количественного спектрального анализа 17 металлических изделий с энеолитических поселений Южнозауральского Приозерья, раскопанных К.В. Сальниковым (Кысы-Куль), Л.Я. Крижевской (Няшевка II, Латочка, Карагайлы I), Федюновой (Янышка, Зимник, В воротах) и Г.Н. Матюшиным (Карабалыкты IX, Суртанды, Мурат) [8, с. 98-

99]. Материалы из раскопок Г.Н. Матюшина анализировались Е.Н. Черных (анализы № 5-12), остальные - лабораторией археологической технологии ЛОИА СССР (анализы № 1-4, 13-17). Только два из них, с поселений Зимник и Мурат, имели примесь олова (7 и 2 % соответственно). Остальные 15 оказались сделанными из чистой меди.

Ранее высказанные взгляды были дополнены мыслью о возникновении металлургии меди на основе знаний и навыков, накопленных в процессе добычи и обработки каменного сырья и в среде специализировавшихся на добыче камня и производстве каменных орудий мастеров. Само горное дело Л.Я. Крижевская рассматривает в качестве ремесла, обособившегося от других видов производства [8, с. 101-104, 106]. Возникновение металлургии в узкой группе уже обособившихся горняков, а не в более широкой среде обывателей-рыболовов и охотников, по мнению Л.Я. Крижевской, явилось причиной того, что вслед за распространением металла не последовали кардинальные изменения в хозяйстве местного населения. Металлургия не стала основной новой экономики [8, с. 107].

Раннебронзовое время стало датироваться рубежом III-II и первой половиной II тыс. до н.э. [8, с. 121].

На этом изучение кысыкульской культуры как самостоятельного культурного образования завершилось. Но она прочно вошла в научный оборот и лексикон.

3.3 Выделение и изучение суртандинской культуры

В 1958-1981 гг. исследования памятников каменного века в Южном Зауралье проводились также и Южно-Уральской экспедицией ИА АН СССР под руководством Г.Н. Матюшина [9, с. 5]. К 1961 г. экспедицией были в целом завершены разведывательные работы, которые показали, что подавляющая часть памятников восточного склона Южного Урала расположена на озерах Учалы, Узункуль, Карабалыкты, Банное, Суртанды, Чеваркуль и др. [9, с. 7-9]. Было выявлено, что поселения располагались в зоне яшмового пояса, преимущественно на проточных озерах, связанных системой притоков с р. Урал [126, с. 119]. В 1962-1979 гг. проводились планомерные исследования этих памятников стационарными раскопками. Попутно разведывались новые памятники [9, с. 9].

В 1963-67 гг. несколько памятников было выявлено на озерах Узункуль и Миггило (Миндяк). Раскопочные работы были сосредоточены на поселении Мурат, располагавшемся на юго-западном берегу оз. Узункуль на широком мысу. Поселение раскапывалось в 1963-1966 гг. четырьмя раскопами общей площадью 310 кв. м. [9, с. 37].

На первых этапах исследования у Г.Н. Матюшина еще не было сформировано четкого представления о существовании в регионе энеолитической эпохи и ее характерных чертах. Это видно, например, по тому, что энеолитическую керамику верхнего слоя стоянки Мурат исследователь первоначально относил к неолиту на поздней стадии его существования [127]. В материалах этой стоянки он прослеживает генетическую преемственность трех типов керамики - волнисто-прочерченной, гребенчато-струйчатой и гребенчатой геометрической, ко-

торые объединяет схожая черта - примесь талька в тесте. Вместе с тем, отмечается отсутствие на поздненеолитической керамике наплывов на внутренней стороне венчика, наличие геометризма в орнаментации, широкое его распространение на памятниках Южного Зауралья [127, с. 151]. Преемственность прослежена в отношении кремневого инвентаря, который для каждого слоя памятников считается Г.Н. Матюшиным практически одинаковым, сочетая в себе пластинчатые и отщеповые орудия. И только в 1967 г. Г.Н. Матюшин определяет верхний слой поселения Мурат как энеолитический [128, с. 107].

На западном берегу озера Суртанды в 1963 и 1967 гг. исследовалось поселение Суртанды III. На северо-западном берегу в 1967 г. - поселение Суртанды II [9, с. 35]. В 1967-68 гг. на юго-западном берегу оз. Суртанды комплексы, определяемые в 1968 г. как раннеэнеолитические, были выявлены на поселениях Суртанды VI, VII и VIII [126, с. 119]. На Суртанды VI и VIII были обнаружены изделия из самородной меди: крючок, два обломка кованого ланцетовидного ножичка, тонкая пластинка и слиточек меди. Но в публикации за 1969 г. поселение Суртанды VIII определяется как однослойный позднеэнеолитический памятник [129, с. 143]. В итоговой монографии по энеолиту Южного Урала стоянка снова определена как энеолитическая [9, с. 28]. Такая противоречивая ситуация с эпохальной атрибуцией поселения Суртанды VIII не случайна. Материалы памятника содержат как неолитический по своему характеру материал, так и энеолитический. Сами жилища также имеют неолитический облик. Стратиграфически материал не разделяется.

В 1968 г. на поселении Суртанды VIII были встречены кости крупного рогатого скота, лошади, лося [129, с. 144]. Тогда же были опубликованы сведения о раскопках двух жилищ на поселении Мысовое на оз. Карабалыкты. Поселение было определено как неолитическое и отнесено к развитому неолиту. В 1973 г. на этом же памятнике в верхнем его слое была выделена керамика суртандинского типа, а сам верхний слой стал определяться как самостоятельный памятник Мысовая II (Карабалыкты VII) [9, с. 94, с. 144; 130].

В 1962, 1967, 1969, 1970 гг. обследовались другие стоянки на оз. Карабалыкты. В публикации 1970 г. из стоянок Карабалыкты VIII, VIIIa, VIIIб, IX и XII в качестве энеолитической была определена только стоянка Карабалыкты IX [9, с. 89-90; 131, с. 150]. В 1982 г. к числу энеолитических были отнесены и остальные стоянки [9, с. 73-94], за исключением Карабалыкты 13, содержащей мезолитические материалы. В 1966-68 гг. суртандинские материалы были выявлены на ряде памятников на оз. Сываркуль, в том числе в верхнем слое стоянки Янгелька [9, с. 36-37]. На оз. Яктыкуль в 1967 г. исследовалось однослойное поселение Банное II (Банное), давшее незначительное количество находок [9, с. 68] и однослойный памятник Банное IV, определенный как мастерская суртандинской культуры. Его исследования были продолжены в 1979 г. [9, с. 73].

Результаты раскопок Г.Н. Матюшина, произведенных в течение 1961-1967 гг., позволили ему произвести функциональную типологию исследованных памятников, разделив их на поселения, поселения с мастерскими, мастерские и другие типы [132, с. 91]. Сравнивая материалы стоянок Ташбулатово I и Сабак-

ты III в Башкирском Зауралье, Г.Н. Матюшин отметил уменьшение использования высококачественной яшмы на стоянке Сабакты III по сравнению с соседним поселением Ташбулатово I и использование в основном некачественных пород, изменение в технике обработки. Причем, он считал, что это «нельзя никак объяснить различиями в сырье, которыми располагали древнейшие обитатели этих памятников» [133, с. 37-38]. Исследователь объясняет изменения в используемом сырье улучшением техники обработки камня [133, с. 38].

Полученные в ходе стационарных исследований в середине-второй половине 1960-х гг. материалы позволили Г.Н. Матюшину перейти к проблеме выделения энеолитических культур в Южном Зауралье, реконструкции экономических процессов и к вопросам культурогенеза. Еще ранее Г.Н. Матюшин отметил, что многие материалы неолита и энеолита региона происходят с многослойных памятников, на которых культурные слои разных эпох не расчленены стерильными прослойками. Поэтому серьезной проблемой археологии финала каменного века Южного Урала он считает накопление исследователями смешанных коллекций разновременных находок, что мешает объективному выделению специфических культурных и эпохальных признаков и четкой стадийной интерпретации памятников. Исследователь подчеркнул актуальность обнаружения и изучения памятников, содержащих чистые и несмешанные комплексы. По его мнению, только исследование чистых комплексов позволит «в конце концов разобраться» в этих материалах [132, с. 101].

В 1970 г. Г.Н. Матюшин выступил с проблемной статьей по эпохе энеолита региона [112]. В ней он критически отнесся к выделенным К.В. Сальниковым и Н.П. Кипарисовой раннеметаллическим комплексам Южного и Среднего Зауралья - боборыкинскому и дмитриевскому, сомневаясь в правомерности их типологического выделения из материалов смешанных и разновременных памятников [112, с. 52-54]. Г.Н. Матюшин критически отнесся и к тезису Л.Я. Крижевской о бедности каменным инвентарем зауральских энеолитических памятников. По его мнению, исследовательница неправомерно отнесла к неолитическому комплексу весь каменный инвентарь из нестратифицированного памятника Чебаркуль II [112, с. 54].

В характеристике энеолитической эпохи Г.Н. Матюшин стал исходить из материалов собственных раскопок, считая их происходящими из чистых полузакрытых и закрытых, либо хорошо стратифицированных комплексов. Материалами, достоверно характеризующими энеолит Южного Урала, он считал комплексы поселений Суртанды VIII, Карабалыкты IX и происходящие из верхнего слоя поселения Мурат, близкие материалам стоянки Кысы-Куль [112, с. 54-57]. Он счел возможным объединить стоянку Кысы-Куль и суртандинские поселения в одну культурную общность [112, с. 61].

По аналогиям в медных изделиях, каменном инвентаре, по присутствию костей домашних животных Г.Н. Матюшин прослеживает сходство суртандинских материалов с северо-казахстанскими памятниками (Кара-Тангр, Затобольская стоянка, Сага, Терсек-Карагай). При этом он примыкает к мнению А.А. Формозова, считающего их схожими с кысыкульскими материалами [112, с. 57-58], против чего решительно возражал К.В. Сальников [7, с. 29-30], мотивируя

это тем, что первые относятся к степным и лесостепным памятникам, а стоянка Кысы-Куль - к лесным. Г.Н. Матюшин считает, что К.В. Сальников в этом вопросе был не прав и относит кысыкульские и суртандинские материалы к степным на том основании, что они имеют степную ландшафтную приуроченность, а приуроченность стоянок к озерам нивелирует расположение части их в лесной зоне [112, с. 60].

Г.Н. Матюшин лишь частично соглашается с характеристикой культуры энеолита Южного Зауралья, данной Н.П. Кипарисовой, К.В. Сальниковым и Л.Я. Крижевской. В частности, он считает нехарактерным для суртандинских комплексов присутствие керамики с веревочным орнаментом, ложной гребенкой, отступающей палочкой и прочерчиванием. По его мнению, к раннеметаллической эпохе они были отнесены ошибочно по причине смешанности комплексов [112, с. 63]. В настоящее время подтверждается неоднородность керамических комплексов кысыкульского типа (по К.В. Сальникову и Л.Я. Крижевской), но в рамках энеолитической эпохи и как свидетельство контакта населения аятской, липчинской и суртандинской культур [134, с. 87-88].

Аналогии суртандинской керамике Г.Н. Матюшин прослеживает в материалах лесных стоянок Западной Сибири (Липчинская, II Андреевская стоянки), а также - горбуновской (или шигирско-полуденской) культуры, в материалах синхронных памятников южных районов Среднего Урала.

В хозяйственном плане суртандинские племена, по его мнению, перешли к скотоводству и первые на Урале, в Восточной Европе и Западной Сибири освоили металл и самостоятельно достигли высокого уровня развития его обработки. Вместе с миграциями суртандинцев (рисунок А13) металлургия распространяется и на соседние территории, в том числе в Прикамье [112, с. 61, 63]. В отличие от Г.Н. Матюшина, как было показано выше, Л.Я. Крижевская и Е.Н. Черных более скромно оценивали достижения первых металлургов Южного Зауралья.

Исходя из прослеживаемой им генетической преемственности в инвентаре памятников суртандинского типа с неолитом этого же региона, Г.Н. Матюшин не видит оснований считать, что появление скотоводства и металлообработки в энеолите здесь связано с приходом другого населения. Максимум, что допускает Г.Н. Матюшин, так это наличие устойчивых связей с Прикаспием, прослеженное им еще с мезолита [112, с. 61].

Исчезновение суртандинских памятников на озерах Южного Зауралья он связывает с освоением населением скотоводства и металлургии. Причиной ухода населения явилось отсутствие в озерном крае заливных лугов. Поэтому население переселилось в расположенные рядом долины небольших речек [112, с. 58-59]. Однако это выглядит неубедительно с точки зрения освоения скотоводства. Если на озерах пищевые ресурсы для разведения скота ограничены, то каким образом здесь могли обитать дикие животные, в том числе и лошадь? Налицо алогичность в реконструкции экономического процесса: создается тот тип хозяйства, который не имеет перспективы развития в этом же регионе.

Судьбу энеолитических племен Южного Урала исследователь видит в участии его в качестве одного из компонентов формирования андроновской и аба-

шевской культур [112, с. 67]. Основанием для такого вывода является сходство между ними на уровне геометрического стиля орнаментации керамики и гребенчатой техники ее нанесения [112, с. 64].

Фактически, сформулированные в публикации 1970 г. взгляды Г.Н. Матюшина на энеолит Южного Зауралья стали для него традиционными.

В 1972 г. разными отрядами Южно-Уральской экспедиции ИА АН СССР были начаты раскопки жилищ на стоянке Березки (Банное VA) и стоянки Кусимовская (Банное VI) на оз. Банном в Абзелиловском районе Башкирии, в 45 км западнее г. Магнитогорска [135]. На стоянке Березки вскрыты три жилища разных эпох, расположенные друг над другом и разделенные стерильными прослойками гравия. В том числе, позднеэнеолитическое и энеолитическое. На дне энеолитического жилища обнаружены кости домашней лошади, крупного и мелкого рогатого скота и лося. К энеолитическому времени жилище было отнесено на основании отделения его от суртандинского слоя гравия и обнаружения в заполнении керамики с линейно-прочерченной и гребенчатой орнаментацией и каменного инвентаря. Однако характер каменного инвентаря вызывает некоторые сомнения. Это - двусторонне-обработанные наконечники, ножи на плитках, грузила из галек, оббитые кремневые и шлифованные сланцевые топоры, т.е. орудия, нехарактерные для неолита Южного Урала. Орудия такого же облика из верхнего слоя стоянки Кусимовская (Банное VI), но в комплексе с суртандинской керамикой, Г.Н. Матюшиным были отнесены уже к энеолиту.

Кости домашних животных встречены и в жилище, отнесенном к энеолиту. Энеолитическое поселение датировано рубежом IV-III тыс. до н.э.

Стоянка Березки исследовалась в течение 1972-1976 гг. Тремя раскопами было вскрыто 472 кв. м., а с шурфами - около 500 кв. м. [9, с. 55; 136; 137]. В 1976 г. поселение, за исключением береговой части, было определено как однослойное суртандинское. Обнаружены медные изделия: нож, долото, игла [136]. Однако полная публикация материалов [9, с. 55-68] показывает, что здесь присутствуют мезолитические и неолитические материалы, абашевская керамика. Причем, сосредоточенные в верхнем слое (0,20-0,30 м). Полученная из нижнего слоя дата по C_{14} - 7600±200 (ИГАН 218) [9, с. 68] явно не относится к энеолитическому комплексу. Результаты спектрального анализа металлических изделий с поселения показывают принадлежность медных изделий и слитков меди к сейминскому хронологическому горизонту, но не к энеолиту [9, с. 68].

В 1972, 1975, 1979 гг. было продолжено исследование стоянки Кусимовская (Банное VI) [9, с. 70; 135; 138].

В 1973 г. Г.Н. Матюшиным были опубликованы материалы раскопок многослойного поселения Мысовое, расположенного на мысу западного берега оз. Карabalыкты (Линевое) в 40 км западнее Магнитогорска на территории Абзелиловского района Башкирии [130].

В раскопе 1 автором раскопок были выявлены слои палеолита, мезолита, неолита. Неолитический слой являлся основным по мощности. Несмотря на то, что керамика была представлена двумя типами - 1) с прочерченной орнаментацией и 2) с гребенчатой и отступающей орнаментацией [130, с. 75], - весь инвентарь из жилища был отнесен Г.Н. Матюшиным к раннему неолиту [130, с.

70]. Причем керамика с геометрической орнаментацией стратиграфически залегала выше прочерченной [130, с. 76]. Неоднороден и каменный инвентарь. Лишь 14,3% инвентаря составляют пластины. Остальные орудия более характерны для энеолитической индустрии (двусторонне обработанные наконечники, рубящие орудия, утюжки, скребки на отщепах и др.). Вероятно, комплекс на самом деле был смешанным, и к раннему неолиту Г.Н. Матюшиным были отнесены как неолитические, так и энеолитические материалы.

В ложбинке на краю мыса (раскоп II) исследователем прослежены остатки однослойного поселения, материалы которого им целиком были отнесены к позднему неолиту [130, с. 70]. Каменный инвентарь практически полностью пластинчатый [130, с. 76]. Несмотря на то, что здесь встречается и суртандинская керамика, комплекс полностью отнесен к позднему неолиту на том основании, что она составляет здесь незначительную долю.

Интересно разграничение в статье с публикацией материалов поселения Мысовое [130] характерных черт орнаментации позднеэнеолитической и суртандинской керамики. К позднеэнеолитической была отнесена посуда, орнаментированная сеткой, гусеничкой, незаполненными ромбами, заштрихованными треугольниками. То есть, керамика с геометрической орнаментацией, характерная для энеолита. Но под суртандинской керамикой здесь имеется в виду только посуда, орнаментированная вертикальными и горизонтальными лентами, заполненными оттисками гребенки, чередующиеся с участками неорнаментированного пространства. То есть, главным признаком энеолитической керамики считалась разреженность орнаментации в сочетании с вертикальным и горизонтальным членением орнаментального поля.

Таким образом, под суртандинской Г.Н. Матюшиным подразумевалась керамика совершенно иного облика, что отражалось на отнесении им неолитических и энеолитических материалов к совершенно иным эпохам и не позволяло правильно типологически расчленять разновременные комплексы. Возможно, причиной этого стало выделение в качестве опорного памятника поселения Суртанды VIII? И только после того, как Г.Н. Матюшиным были осознаны действительные характерные особенности энеолитической керамики, материалы раскопа 2 поселения Мысовое (Мысовая II или Карабалыкты VII) были отнесены к суртандинской энеолитической культуре [9, с. 94]. Стоянка Юбилейная первоначально была отнесена к позднему неолиту [136, с. 188]. Но в 1981 г. она определяется как однослойный суртандинский памятник [139, с. 13]. В 1982 г. ее материалы Г.Н. Матюшиным не привлекаются для характеристики суртандинской культуры вообще, и стоянка упоминается только в схеме периодизации памятников Южного Предуралья и Зауралья, но уже как позднеэнеолитическая [9, с. 272] (таблица А5). Еще в 1977 году Г.Н. Матюшин именовал поселения муратовского и суртандинского типа неолитическими [140, с. 162]. Им отмечается, что на озерах яшмового пояса Урала располагаются поселения эпохи неолита, «в энеолите население перемещается в долины небольших рек, прилегающих к озерам» [140, с. 163].

Таким образом, для Г.Н. Матюшина, несмотря на выделение им вместо кысыкульской культуры самостоятельной суртандинской культуры, еще долгое

время оставались неясными представления об ее облике. Но затем Г.Н. Матюшин вынужден был вернуться к тем признакам энеолитической керамики, которые были выделены еще Н.П. Кипарисовой.

В 1975 г. была обнаружена и исследована раскопом стоянка Юбилейная, расположенная в 0,5 км от стоянки Березки. Стоянка отнесена Г.Н. Матюшиным, как мы упоминали выше, к позднему неолиту, но отмечено, что здесь обнаружено и небольшое количество керамики суртандинской культуры [136, с. 188]. В 1976 г. раскопом исследовалось поселение Карабалыкты VIIA (Ура-Тюбе), на котором были выявлены стратиграфически хорошо различающиеся раннеэнеолитический и энеолитический слои [137].

В 1979 г. Г.Н. Матюшиным еще раз были исследованы уже изученные Н.П. Кипарисовой стоянки Иткуль II и Абсеямовская, а также раскопанная К.В. Сальниковым стоянка Кысы-Куль. Недалеко от стоянки Иткуль II была обнаружена новая стоянка - Ключи. Были обнаружены также стоянка Буркаловка (Сайма IIIa) с энеолитическими материалами и энеолитическое поселение на северо-восточном берегу оз. Синара [138].

В 1981 г. Г.Н. Матюшин выступил с концептуальным обоснованием скотоводческого характера экономики населения неолита и энеолита Южного Урала, в том числе и суртандинской культуры [139]. Им были суммированы костные остатки животных, происходившие из нео-энеолитических слоев 9-ти раскопанных им памятников Южного Зауралья: Суртанды I (чисто неолитический), Юбилейное, Банное II, Суртанды VIII, Карабалыкты VIII (однослойные энеолитические суртандинской культуры), Мурат, Березки, Суртанды VI и VII (неолитические и энеолитические материалы), - и определенные В.П. Данильченко в качестве домашних [139, с. 283, прим. 3]. Приведены относительные и абсолютные показатели костных остатков домашних животных на этих памятниках, в состав которых входят кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота [139, с. 13-14].

В качестве доказательства правильности отнесения костных остатков лошади, крупного и мелкого рогатого скота с памятников неолита Южного Урала к домашним видам он ссылается на отсутствие в регионе диких форм крупного и мелкого рогатого скота, что предполагает их заимствование местным населением в уже одомашненном виде [139, с. 15]. В качестве доказательства одомашнивания лошади в Южном Зауралье еще в неолите он апеллирует к мнению В.И. Цалкина и В.И. Бибиковой [139, с. 15, 17], относящегося к остаткам лошади из неолитических памятников Юго-Восточной Европы.

Другим аргументом в пользу столь раннего появления скотоводства на Южном Урале, особенно мелкого рогатого скота, Г.Н. Матюшин считает появление в регионе (не позднее VIII тыс. до н.э.) из Иранского Нагорья и Восточного Прикаспия ассиметричных трапеций типа AI, которым на памятниках типа Джармо, Шанидар, Зарзи VI, Белт, Зави-Чеми соответствует производящее хозяйство [139, с. 18-20]. В одной из своих работ Г.Н. Матюшин выдвигает также гипотезу о походах древнего населения Месопотамии на Южный Урал за цветными минералами [141, с. 45-46].

С опорой на факты нахождения костей мелкого рогатого скота и лошади на стоянках неолита и энеолита Пеньки 2, крупного и мелкого рогатого скота и лошади на стоянках Иман-Бурлук 1 и 2 он предполагает также, что скотоводство, главным образом, коневодство, было характерно в позднем неолите и энеолите для всей степной зоны Приуралья и Казахстана [139, с. 20].

Таким образом, Г.Н. Матюшиным было высказано мнение о возникновении скотоводства на Южном Урале не позднее раннего неолита и под влиянием населения южных регионов.

В ходе выделения и изучения И.Б. Васильевым самарской культуры и ее экономики [142] выяснились отсутствие в раннем энеолите Волго-Уральского региона крупного и мелкого рогатого скота, специализация самарцев на коневодстве, либо специализированной охоте на диких лошадей, а также самарский облик значительной части агидельских материалов. Носители самарской культуры стали рассматриваться в качестве инициаторов новаций в разных сферах культуры раннего энеолита.

Вероятно, именно с этим было связано смягчение Г.Н. Матюшиным своей позиции о столь раннем появлении скотоводства на Южном Урале [143]. Он стал признавать, что культивирование крупного рогатого и мелкого рогатого скота на Южном Урале не могло закрепиться из-за неадаптированности этих видов скота к суровым климатическим условиям региона. Население в начале энеолита (самарская культура) переходит к специализации на выращивании (контроле и выбраковке) лошадей. Население самарской культуры продвинулось на северо-восток, но не далее Южного Приуралья, следствием чего явилось формирование агидельской культуры. Лесостепной регион Южного Зауралья, Казахстанского Притоболья и Северного Казахстана оказался неосвоенным. И только к III тыс. до н.э., по мнению Г.Н. Матюшина, «в культурах южноуральского типа появляется специализированное коневодческое хозяйство» [143, с. 122].

Г.Н. Матюшиным реконструируются разные пути развития скотоводства по обе стороны Урала в энеолите. В западных степях в III тыс. до н.э. происходит переход к пастушескому скотоводству. В степных районах Южного Зауралья и Северного Казахстана в условиях аридизации происходит интенсификация скотоводства в виде специализации на коневодстве [141, с. 30].

В 1982 г. в свет вышла итоговая монография Г.Н. Матюшина, в которой были опубликованы материалы его раскопочных работ на важнейших памятниках энеолита Южного Урала и обобщены и конкретизированы взгляды ученого на содержание эпохи [9].

Основной задачей работы было введение в научный оборот нового большого и оригинального материала, характеризующего заключительный этап каменного века и переход его к эпохе металла. Были опубликованы материалы 16 памятников, изученных на озерах Суртанды, Узункуль, Банное (Яктыкуль), Карабалыкты, Сабакты и др.

При обобщении материалов суртандинской культуры Г.Н. Матюшиным были поставлены следующие вопросы: 1) становления металлургии на Урале; 2) взаимосвязи уральской горно-металлургической области с конкретными куль-

турами; 3) проблема возникновения и развития коневодства; 4) проблема крупных миграций в конце каменного века; 5) причины перехода от оседлого приозерного образа жизни к подвижному степному [9, с. 13].

Г.Н. Матюшин понимает под Южным Зауральем строго ограниченную лесостепную и степную территорию восточного склона Уральского хребта, что позволило ему дистанцироваться от тех материалов, которые были получены Н.П. Кипарисовой и Л.Я. Крижевской с памятников, расположенных на озерах Южнозауральского Приозерья [9, с. 7]. Но, в то же время, он сам не ограничивается лишь территорией Южного Зауралья и распространяет свой интерес на памятники соседних территорий, вплоть до Тобола на востоке, но в рамках лесостепной и степной зон, считая южнозауральские памятники частью обширной этнокультурной общности [9, с. 9].

Территорию суртандинской культуры Г.Н. Матюшин определяет в рамках восточного склона Южного Урала и Южного Зауралья (рисунок А13). Распространение материалов суртандинского типа он прослеживает на севере вплоть до Горбуновского торфяника, Андреевского озера и других памятников Западной Сибири и Среднего Зауралья, на западе - до верховьев р. Белой, Ая, Юрюзани, на юге - в бассейне р. Ток в Оренбуржье, на востоке - в Приишимье [9, с. 11].

Большое значение он придает такой характерной географической черте восточного склона Южного Урала, как вертикальная интерзональность [9, с. 9], которую он часто привлекает для обоснования своей картины хозяйственно-культурных и исторических процессов. Но, к сожалению, не дается характеристика самих озер и приозерных ландшафтов.

Большинство из высказанных автором в итоговой монографии взглядов, по сравнению с 1970 г., не претерпело изменений. Эта публикация интересна более с точки зрения методики исследования памятников, обработки и интерпретации исследователем полученных материалов.

В качестве опорного и эталонного памятника для выделения суртандинской культуры Г.Н. Матюшиным выбрано поселение Суртанды VIII(ю), определенное в качестве однослойного. Однако сам автор раскопок указывает, что энеолитическое поселение перекрывало участки, которые ранее были заняты неолитическими и мезолитическими стоянками [9, с. 33-34].

Энеолитические материалы локализуются в ложбинках между скальными выходами, что, вероятно, свидетельствует о разрушении природными процессами тех участков культурного слоя поселения, которые были приурочены к возвышенным местам и, тем самым, фрагментировало поселение на отдельные пункты. Это же, по всей видимости, и явилось причиной очень противоречивого характера тех комплексов, которые Г.Н. Матюшин отнес к энеолитическим, и на основании которых он выделил суртандинскую культуру. Этим же, вероятно, объясняется и присутствие костей домашних животных в неолитическом слое стоянки Суртанды VII.

Половину комплекса суртандинской керамики составляют фрагменты с геометрической орнаментацией гребенкой, веревочкой, раковиной, ямками. Другую часть составляет неолитоидная керамика, орнаментированная, в основ-

ном, длинным и узким гребенчатым штампом. Немногочисленная керамика, украшенная оттисками крупного гребенчатого штампа и имеющая примесь растительности или шамота, а также украшенная веревочным штампом Г.Н. Матюшиным была исключена из основного комплекса [9, с. 21-23].

На материалах этого синкретичного комплекса, в котором большой процент неолитоидной керамики (с гребенчатыми композициями 20-25 сосудов, неолитоидной - около 30) [9, с. 21-22], сложно основывать выделение керамики суртандинского типа. Если это опорный памятник, то характеризовать керамический тип должна основная часть его керамического комплекса. В данном же случае керамика суртандинского типа приобретает синкретичный, неолитоидно-энеолитический характер, исходя из которого, трудно в последующем разграничивать керамические комплексы разновременных стоянок со стратиграфически нерасчленяемыми слоями. Либо суртандинской следует считать керамику только с геометрической орнаментацией.

Например, на поселении Березки суртандинская керамика выявляется типологически на основании прогрессивной формы (округлость формы с отогнутым наружу венчиком) и сложной геометрической орнаментации. Здесь керамика неолитоидного облика к суртандинской не отнесена [9, с. 64-67]. Но в сводной таблице по памятнику применена некорректная типология керамики [9, с. 65]. В ней нет единого критерия типологии, а целый набор: культурная принадлежность, техника орнаментации, эпохальная принадлежность. В типологическую таблицу керамики включены даже кости животных. Помимо суртандинского типа выделены другие типы: 1) гребенчатая, 2) струйчатая и отступающая палочка, 3) прочерченная, 4) ямочная, жучки, 5) псевдошнуровая, 6) резная, 7) шагающая, 8) эпохи бронзы, 9) без орнамента, 10) неопределенная. Если исходить из этой таблицы, то получается, что к суртандинской не относится керамика, орнаментированная гребенкой, шагающей гребенкой, ямками, жучками, и фрагменты без орнамента. Однако эти все типы орнаментации есть в суртандинской керамике этого поселения [9, с. 66]. Такая типология противоречит текстовому описанию керамического комплекса поселения и не отражает реальной картины, вводит читателя в заблуждение.

Таким образом, мы считаем, что Г.Н. Матюшин даже в итоговой монографии не был последователен в критериях выделения керамики суртандинского типа.

Материал практически всех крупных памятников был подвергнут статистической и типологической обработке. Однако при этом неверно были расставлены акценты и выбраны критерии, как для типологии, так и для статистической обработки. Существенным изъяном монографии является некорректное составление статистических таблиц каменного инвентаря, керамики, костных остатков. Часто они даются по раскопам и по годам без итогового суммирования, без дифференциации каменных изделий по типу заготовки [9; по Суртанды VII - с. 33; по Мурату - с. 41, 44-45; по Березкам - с. 62-64 и др.].

В типологии каменных орудий поселения Суртанды VI не дифференцированы на типы как двусторонне обработанные орудия [9, с. 30], так и отдельные

категории орудий: наконечники, скребки, ножи и другие [9, с. 29], что делает размытой характеристику индустрии памятника.

Если данные по поглубинному расположению керамики на опорном поселении Суртанды VIII (ю) приведены [9, с. 20] (таблица А6, II), то, к сожалению, по залеганию каменного инвентаря этого не сделано, приведено только его расположение по жилищам в целом и по их дну, в частности, [9, с. 24-25] (таблица А6, IV-VII). Некорректна типология каменного инвентаря памятника [9, с. 23] (таблица А6, III). Выделена группа двусторонне обработанных орудий, но в их число не входят наконечники и их заготовки, топоры, тесла, долота, ножи. Поэтому непонятно, какую категорию орудий Г.Н. Матюшин понимает под типом «двусторонне-обработанные орудия». Также, в соответствии с характером индустрии, не выделены в отдельные типы наконечники и ножи, хотя в отношении отщепов это сделано.

Со ссылкой на таблицы указывается, что значительную часть инвентаря составляют орудия с двусторонней обработкой [9, с. 27]. Однако это отражено только в таблице III на с. 23, где из 32 557 каменных изделий и отходов производства к двусторонне обработанным формам отнесено лишь 25 орудий (таблица А6, III). И даже если к ним отнести их заготовки, все ножи и наконечники с заготовками, то получится только 605 изделий при около 3 тысячах пластин и орудий из них (подсчеты автора).

Типологически неудовлетворительно обработанный каменный инвентарь поселения Суртанды VIII используется Г.Н. Матюшиным в качестве эталонного [9, с. 34].

Заметно излишнее пристрастие Г.Н. Матюшина к статистическим данным по типу сырья, часто даже не имеющим практической ценности (таблица А6, IV-VIII). Создается впечатление, что обилие статистики распределения изделий и отходов производства по типу и цвету каменного сырья призвано компенсировать (или затенить) слабое владение автором типологией вообще, либо другие упущения в ходе выемки и фиксации материала и его обработки.

Думается, что к значительному искажению характера индустрии приводит применяемый ученым метод вычисления доли пластинчатых изделий. Она вычисляется, исходя из общего числа каменных изделий и отходов производства, которые (как показывает практика), в свою очередь, представлены (вне зависимости от индустрии) в основном отщепами и чешуйками. Применение этого метода явно занижает долю пластинчатой индустрии в материалах поселения Суртанды VI, которую для энеолитического комплекса Г.Н. Матюшин устанавливает в 15 % [9, с. 30].

И только статистика по поселению Карабалыкты VIII представляет собой редкий случай, когда дано реальное соотношение отходов производства и изделий на однослойном суртандинском памятнике. Оно показательно в отношении действительной характеристики каменной индустрии этой культуры. 85% каменного комплекса составляют отходы производства. 15% - изделия и пластины, из которых ножевидные пластины и изделия из них составляют 9,4% [9, с. 90]. Получается, что изделия из отщепов составляют всего 5,6%. То есть, реальное соотношение пластинчатой и отщеповой индустрий 9,4:5,6. Пластинча-

тый комплекс составляет 64% всех изделий памятника, а отщеповой - всего 36% (подсчеты автора). Но, тем не менее, Г.Н. Матюшиным делается вывод о том, что характерной особенностью каменной индустрии памятника «является небольшая доля изделий на пластинах» [9, с. 91].

При внимательном анализе монографии создается впечатление, что вне зависимости от реального описания каменного инвентаря (или от облика его) того или иного поселения он априори считается Г.Н. Матюшиным аналогичным инвентарю поселения Суртанды VIII.

На памятнике Суртанды VI мощность культурного слоя вместе с дерном составила 0,35-0,40 м. При такой его малой мощности здесь залежали материалы трех эпох - мезолита, неолита и энеолита. Памятник определен как мастерская [9, с. 28]. Г.Н. Матюшин считает, что ему удалось проследить взаиморасположение разновременных культурных слоев, очевидно, он имеет в виду их планиграфическое выделение, поскольку никаких свидетельств наличия стратиграфии он не приводит. Есть только наблюдения над поглубинным залеганием каменного инвентаря [9, с. 28-29]. Энеолитический комплекс каменного инвентаря этого памятника выделяется Г.Н. Матюшиным не то что не стратиграфически, но даже и не типологически, а на основании того, что при столь большой массе сравниваемого материала «различия все же должны проявиться» [9, с. 29]. То есть, на тот момент у Г.Н. Матюшина не существовало разработанной типологии каменной индустрии выделяемой им суртандинской культуры. И, относя к суртандинским каменные орудия из смешанных комплексов, он руководствуется не характерными чертами индустрии культуры, а исходит из различий в материалах конкретного памятника.

Подробная характеристика каменной индустрии дана для материалов поселения Мурат [9, с. 49-53]. Причем наиболее полная из всех остальных памятников, даже опорного и эпонимного для выделения культуры. Поэтому разумнее было бы привлекать для характеристики каменной индустрии суртандинской культуры именно комплекс каменных изделий поселения Мурат.

В то же время, несмотря на стратиграфическое выделение культурных слоев [9, с. 39], Г.Н. Матюшин сравнивает каменный инвентарь раскопа 1 поселения Мурат в рамках комплекса находок из всех культурных слоев памятника, с делением их в соответствии с вынимаемыми слоями 0,10-0,15 м, границы которых не совпадают с хронологическими культурными слоями [9, с. 44-46]. Таким образом, в вынимаемых слоях могли оказаться материалы из пограничных горизонтов различных культурных слоев. Соотношение групп инвентаря в раскопах 1-4 и шурфах, откуда происходят материалы различных эпох, также показывается суммарно, что для характеристики каменной индустрии суртандинского комплекса бесполезно [9, с. 41].

Доля кремневого инвентаря из некачественных пород на поселении Карабалыкты IX составляет всего 0,95% [9, с. 81-82]. Это противоречит высказыванию Г.Н. Матюшина на с. 82 его монографии, где он говорит, что на стоянке «довольно широко применялись туффит, сланец, кварцит и даже диабазовые породы». На самом деле из этих пород камня изготавливались большей частью пилы, мотыги, грузила, штампы, подвески [9, с. 87]. В материалах раскопа 1 посе-

ления Мурат за 1966 г. [9, с. 44] всего 17 изделий из кварца и сланца против нескольких сотен, изготовленных из яшмы и кремня. Столь малое количество их также не может служить основанием для сколько-нибудь серьезных выводов об изменениях в традициях камнеобработки.

Таким образом, использование некачественных пород камня не коснулось сколько-нибудь серьезно кремневой индустрии суртандинской культуры. В утверждении Г.Н. Матюшина о том, что для суртандинской культуры характерно использование некачественных пород (при ничтожной их доле на самом деле) чувствуется стремление искусственно подтянуть характер каменной индустрии культуры к каким-то заданным для энеолита параметрам.

Культурные слои практически всех поселений суртандинской культуры имеют одну и ту же топографическую привязку - они залегают в седловинках между скальными выходами или гривами, на которых часто нет (или они мало-мощны) антропогенных отложений. В то время как в седловинках они вместе с культурным слоем имеют мощность от 0,40 м и более. Особенно наглядна стратиграфическая ситуация на поселении Суртанды VII. Оно занимает ложбинку между памятниками Суртанды VIII и Суртанды VI. Мощность культурного слоя в срединной части ложбинки достигает 1,25-1,80 м., а к ее краям выклинивается. В нем залегают материалы мезолита, неолита и энеолита. Сверху они перекрывались слоем гумуса 0,20-0,25 м. без находок, который также выклинивается к краям ложбинки [9, с. 31-32]. Столь большой перепад в накоплении культурного и гумусного слоя в ложбине и на поверхности возвышений, на которых присутствуют мезо-неолитические материалы, мог привести к формированию синкретичного комплекса, либо обратной стратиграфии под влиянием плоскостного смыва. Возможно, именно такую природу имеет архаизм керамики отнесенного к энеолиту верхнего слоя поселения и присутствие в неолитическом слое костей крупного рогатого скота и лошади [9, с. 31, 34].

Таким образом, стратиграфическая картина остальных суртандинских поселений, имеющих такую же топографию, также не может считаться безупречной. Соответственно, и гомогенность выделяемых Г.Н. Матюшиным энеолитических комплексов. Конечно, явно специфические энеолитические признаки керамики и каменной индустрии выявляются за счет именно своей «специфичности». Однако степень и доля в суртандинских комплексах неолитодных признаков продолжает оставаться неясной, поскольку есть сомнения в гомогенности энеолитических слоев памятников на озерах Южного Зауралья.

Вероятно, именно поэтому в качестве одной из характерных черт суртандинской культуры Г.Н. Матюшин отмечает в ее памятниках «много общего с местным неолитом» [9, с. 95].

К характерным, сугубо энеолитическим чертам выделяемой им суртандинской культуры Г.Н. Матюшин относит следующие. В отношении поселений: 1) расположение их на низких террасах озер; 2) расположение прямоугольных жилищ полукругом вокруг выровненной и выложенной камнем площадки; 3) устройство двух типов жилищ - полуземлянок и наземных. В отношении керамики: 1) круглодонная (редко - плоскодонная) форма сосудов с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком; 2) разреженность орнаментации; 3) преоб-

ладание в ней сложных геометрических фигур, а также лесенок, обрамленных бахромой; 4) господство гребенчатой орнаментации. В отношении каменной индустрии: 1) распространение наконечников треугольной формы с выемкой в основании, наконечников с намечающимся черешком, разной формы крупных ножей на плитках; 2) широкое применение некачественных пород камня; 3) обилие макроформ для обработки дерева, мотыг, молотов, зернотерок; 4) техника шлифования макроформ; 5) уменьшение размеров утюжков, которые вместо ладьевидной приобретают прямоугольную форму и почти утрачивают орнаментацию. В отношении хозяйства - распространение скотоводства и металлургии меди [9, с. 95-96]. При этом приоритет безусловно отдается наличию металлических изделий на памятниках культуры. Этот набор энеолитических признаков дополняется сохраняющимися неолитоидными чертами во всех категориях археологического комплекса [9, с. 95].

Однако комплекс этих черт самим Г.Н. Матюшиным в полной мере не использовался для анализа материалов конкретных памятников.

В итоговой монографии выделение суртандинской культуры Г.Н. Матюшиным произведено более аргументировано (по сравнению с публикацией 1970 г.). Несмотря на признание практически полной идентичности керамики и каменного инвентаря исследуемых им памятников с материалами поселения Кысы-Куль [9, с. 101], ученый, тем не менее, отказывается называть выделяемую им культуру по имени первого исследованного памятника такого типа. В обоснование своей позиции ученый приводит три основных аргумента. Первый из них связан с отнесением Л.Я. Крижевской к кысыкульской культуре памятников на оз. Большое и Малое Миассово (Латочка, Кораблик, Няшевка II, Чебаркуль IV), материалы которых, особенно технику орнаментации (ложношнуровая и прочерченная), Г.Н. Матюшин считает отличными от суртандинских и собственно кысыкульских материалов, но схожими с материалами дмитриевской (по Н.П. Кипарисовой), либо липчинской (по В.Ф. Старкову) культуры лесного Зауралья [9, с. 101-105]. В итоговой культурной принадлежности этих памятников, а также стоянок Абсеямовская, Иткуль II, V он несколько непоследователен. С одной стороны, он считает, что Л. Я. Крижевской они неправильно отнесены к кысыкульской культуре, а имеют липчинскую принадлежность. С другой стороны - они могут составлять «действительно своеобразную культуру с сочетаниями липчинских и суртандинских элементов» [9, с. 105]. Третий вариант - они отражают контакты суртандинской и липчинской культур [9, с. 105]. Граница между суртандинской культурой и энеолитом Среднего Зауралья он проводит между поселением Кысы-Куль и озерами южной части лесного Зауралья [9, с. 105] (рисунок А13).

Вторым аргументом Г.Н. Матюшина является неоправданное, по его мнению, многообразие выделенных к тому времени в Зауралье культур и вариантов эпохи раннего металла и необходимость их унификации [9, с. 108]. Сам он, в частности, считает, что два (из четырех выделенных К.В. Сальниковым) варианта - кысыкульский и боборыкинский круглодонный с гребенчатой орнаментацией - являются одной культурой, различаясь только территорией своего распространения, но в рамках лесостепной зоны [9, с. 108].

Третий аргумент состоит в критическом отношении Г.Н. Матюшина к типологическому выделению культур на основе смешанных комплексов из разновременных памятников и отнесении им эпонимного поселения Суртанды VIII к числу однослойных [9, с. 15].

Г.Н. Матюшиным была уточнена ландшафтно-зональная характеристика ареала суртандинской культуры. Из него были исключены степные казахстанские памятники. Ареал культуры очерчивался только в рамках лесостепной зоны Зауралья [9, с. 113].

В отношении характеристики хозяйственной жизни суртандинцев в итоговой монографии в неизменном виде присутствовали те же взгляды ученого, что и в рассмотренных уже нами выше его публикациях [139; 143].

Критически следует воспринимать положение Г.Н. Матюшина о распространении суртандинцев в Приуралье и Северный Казахстан (как и построения о причинах и путях их миграции с озер Южного Зауралья), основывающееся на факте появления на поселении Бор 1 керамики зауральского облика, определяемой Г.Н. Матюшиным в качестве суртандинской [9, с. 114], и на включение североказахстанского поселения Ботай в круг позднесуртандинских [9, с. 111]. Керамика, характер каменной индустрии, домостроение поселения Ботай и суртандинской культуры имеют серьезные различия. А.Ф. Шорин [134, с. 88-89] акцентирует внимание на том, что О.Н. Бадер под зауральскими сосудами, присутствующими на поселении, Бор 1 подразумевал, прежде всего, горбуновские, то есть аятские сосуды.

Для суртандинской культуры не было получено радиоуглеродной даты. Поэтому ее датировку Г.Н. Матюшин выводил исходя из прослеживаемой им синхронности суртандинских материалов с агидельской, самарской и хвалынской культурами [9, с. 264-274] и определяет ее довольно широким диапазоном V-II тыс. до н.э. [9, с. 274].

Таким образом, за более чем двадцатилетнюю деятельность по изучению энеолитических памятников Южного Зауралья Г.Н. Матюшиным была проведена огромная работа, как по выявлению, так и по изучению памятников эпохи раннего металла. Однако анализ, статистическая и типологическая обработка и интерпретация материалов изученных им памятников оставляет желать лучшего. Как выразился И.Б. Васильев, характеристика Г.Н. Матюшиным материалов суртандинских поселений «столь неконкретна и противоречива, что... требует специального исследования» [144, с. 62; цит. по: 133, с. 88], что мы и попытались частично сделать.

Вместе с тем, Г.Н. Матюшиным, хотя и с противоречивой характеристикой, выделена особая энеолитическая культура в Южном Зауралье. Следует признать обоснованным и плодотворным его стремление унифицировать культурную принадлежность памятников раннеметаллической эпохи региона. Им привлечено внимание широкой научной общественности к проблеме становления скотоводства в азиатских степях и лесостепях.

К сожалению, критика его исследований так и не вышла за рамки публикаций. Повторного исследования раскопанных Г.Н. Матюшиным памятников

произведено не было. Археологические исследования сосредоточились либо на других озерах, либо на памятниках в долинах рек Южного Зауралья.

В.Т. Ковалева и Н.М. Чаиркина признают существование суртандинской культуры в рамках конца энеолитической эпохи, синхронно с гаринской, аятской, терсекской и ботайской [30, с. 67; 145, с. 45], шапкульской культурами и волвончинскими памятниками [145, с. 45]. Они придавали ей высокую роль ядра этого культурного массива, по причине выгодного географического положения «относительно основных сырьевых ресурсов (кремнь, яшма, металл)» и нахождения ее памятников «в контактной зоне со степным населением Восточной Европы, культура которого развивалась более интенсивно на пути перехода к производящей экономике» [30, с. 67]. Схожие черты в липчинской, аятской, ботайской и терсекской культурах также объяснялись их контактами между собой через суртандинскую культуру.

Однако позже Н.М. Чаиркина выступила за формирование суртандинской культуры в рамках эволюции двухкомпонентных кысыкульских комплексов в гребенчатые во второй фазе зауральского энеолита [145, с. 45]. А.Ф. Шорин настаивает на сильном влиянии липчинской культуры на формирование суртандинских памятников [134, с. 88-89]. Культурообразующие признаки керамики (гребенчатая техника орнаментации, тальковая примесь в керамике, наличие фрагментов с накольчато-отступающей орнаментацией) и набор каменных изделий суртандинской культуры, считает он, характерны также для липчинской и аятской культур. На этом основании он отказывает памятникам суртандинского типа в статусе самостоятельной археологической культуры, видя в них продукт симбиоза липчинской (в ее гребенчатом варианте) и аятской культур. Либо видит создание суртандинской культуры на общей с липчинской и аятской культурами неолитической основе, но под сильным влиянием липчинской культуры. По его мнению, часть лесного зауральского населения переместилась на озера и реки Южного Урала в родственную среду местного постнеолитического населения.

Вместе с тем, известно прямо противоположное мнение В.С. Мосина, заключающееся в том, что «ложношнуровая» керамика не представляла собой отдельной липчинской культуры, а являлась одним из компонентов родственных аятской и суртандинской культур, существующих в ранний период энеолита Зауралья [146, с. 205].

На материалах стоянок шапкульской культуры Шапкуль I и Малый Барашек I В.Ф. Старков проследил влияние Южного Урала на яшмового облика микролитическую индустрию этих памятников [28, с. 168]. Однако этому факту и наблюдению не было уделено заслуженного внимания. В синхронной суртандинским памятникам шапкульской культуре распространена каменная индустрия южнозауральского неолитического облика. В то же время в суртандинской культуре фиксируется переход к крупнопластинчатой и отщепово-бифасальной технике. При этом В.Ф. Старков предполагает прямое проникновение южнозауральского населения в лесное Зауралье в позднем неолите [28, с. 205]. О каком характере культурно-генетических процессов в Южном Зауралье в канун энеолита свидетельствуют эти факты, пока не выяснено.

3.4 Изучение кысыкульской и суртандинской культур на современном этапе

В 1975-1980 годах в зоне затопления Аргазинского водохранилища в Аргашском районе Челябинской области проводились исследования Аргазинского отряда Уральской археологической экспедиции Уральского государственного университета под руководством В.Т. Петрина. Планиграфически и стратиграфически энеолитический слой был выделен на стоянке Аргазы VII. На стоянке Березки I, где присутствовали также материалы эпох бронзы и раннего железного века, слой энеолита был основным [147, с. 155; 148]

С 1977 г. раскопками исследовалась многослойная стоянка Аргазы VII (рисунок А2) и однослойная энеолитическая стоянка Осинный Остров III. Прослежено их сильное сходство с синхронными памятниками Южнозауральского Приозерья. Были обнаружены следы медной металлургии [147, с. 155].

В 1977 г. другим отрядом Уральской экспедиции была выявлена энеолитическая стоянка Бакла II на острове Бакла в центре оз. Сунгуль в Каслинском районе Челябинской области [149, с. 172].

Экспедицией Уральского государственного университета в 1977 г. исследовано грунтовое захоронение эпохи энеолита в 2,5 км западнее поселка Дружный Варненского района Челябинской области на правом берегу р. Тогузак на территории многослойного поселения Дружный I (рисунок А2). На основании легкой скорченности покойника, уложенного на левом боку, погребение включено А.Ф. Шориным в южную группу (по классификации Д.Я. Телегина). Но по другим особенностям погребального обряда А.Ф. Шорин предполагает помимо широтного и меридиональное его подразделение, которое укладывается в выделение О.Н. Бадером двух культурно-исторических областей по обе стороны Урала: западноуральской и восточноуральской [150, с. 187].

В конце 1970-х - 1980-х гг. экспедицией Челябинского университета и Урало-Казахстанской археологической экспедиции (УКАЭ) был открыт ряд стоянок в равнинной части Южного Зауралья, включая левые притоки р. Тобол.

В 1977 г. экспедицией Челябинского госуниверситета открыто поселение Стрелецкое I на левом берегу р. Уй в Троицком районе Челябинской области в зоне строящегося Белоключевского водохранилища, исследованное подъемными сборами [151, с. 182]. В этом же году в горно-лесной зоне Т.С. Малютиной была исследована однослойная энеолитическая стоянка Уфа IV [152].

В 1979-1981 годах чебаркульским отрядом УКАЭ на оз. Чебаркуль в лесной зоне раскопками были исследованы нео-энеолитические стоянки Чебаркуль Ха, Хб, XV, XVI (рисунок А2), материалы которых были введены в научный оборот Е.М. Беспрозванным и В.С. Мосиным в 1985 г. [153]. Энеолитическая керамика из материалов этих стоянок была выделена типологически и отнесена к кысыкульскому типу (по Л.Я. Крижевской) [153, с. 91]. Кремневый инвентарь стоянок не был расчленен ни стратиграфически, ни типологически. Все же отмечалось сохранение в энеолите большого веса пластинчатой индустрии [153, с. 92].

В 1981 г. отрядом Урало-Казахстанской экспедиции Челябинского университета совместно с областным краеведческим музеем у с. Степное на левом бе-

реку р. Уй исследована стоянка Путиловская Заимка (рисунок А2). Двумя раскопами вскрыто 144 кв. м культурного слоя. Выявлено два комплекса - энеолитический и раннебронзовый [154, с. 147]. Разведками 1981 г. проведено обследование в зонах проектируемых водохранилищ и оросительных систем на р. Уй (Троицкий р-н), Берсуат, Байтук (Брединский р-н), Увелька, Зюзелга и Мидиак в Челябинской области и выявлено, в числе прочих, 13 стоянок каменного века [154].

В 1984 г. В.С. Мосиным исследованы стоянки Юрюзаньская Пб и Пв на берегу р. Юрюзань в пределах Челябинской области (рисунок А2) [5, с. 16; 48, с. 9-10].

В 1986 г. отрядом по изучению каменного века УКАЭ раскопами исследованы стоянки на р. Уй - Стрелецкое II, III, IV. Стоянки располагались в районе с. Стрелецкое Троицкого района Челябинской области. Материалы раскопок опубликованы В.С. Мосиным в 1996 г. [155]. Каменный инвентарь памятников автором публикации был разделен на три группы: комплекс пластинчатой индустрии, комплекс отщеповой бифасальной индустрии и отходы производства [155, с. 74-75]. На основании абсолютного преобладания отходов производства (93%) памятники определены как стоянки-мастерские [155, с. 75-76]. Энеолитическая принадлежность этих стоянок-мастерских была определена по аналогии со стоянкой-мастерской Суртанды VIII (вернее, Суртанды VI (VIIIс)), поскольку основу их комплексов составляли бифасы и орудия на отщепах. Подтверждалось это и находками на Стрелецких стоянках немногочисленной энеолитической керамики. Комплекс изделий из яшмы был отнесен к мезолиту [155, с. 77]. Стрелецкие мастерские были соотнесены В.С. Мосиным с соседними стоянками - Путиловской Заимкой, расположенной в 4 км выше по течению реки Уй, и Стрелецкой I - в 3-3,5 км ниже по ее течению. По его мнению, мастерские обеспечивали заготовками и орудиями близлежащую округу [155, с. 77].

В 1986-1987 гг. В.С. Мосиным раскопаны стоянки Красносельская на р. Увелька (рисунок А2) и Усть-Утяганская на р. Большая Караганка. Материалы раскопок стоянок Путиловская Заимка, Красносельская и Усть-Утяганская были опубликованы В.С. Мосиным в 1996 г. [156]. Материалы стоянок смешанные, нео-энеолитические. Вычленить разновременные комплексы оказалось трудно. В.С. Мосин считает это отражением определенной преемственности материальной культуры [156, с. 20].

Энеолитические комплексы из материалов этих стоянок выделяются В.С. Мосиным типологически [156, с. 21]. В них присутствует суртандинская и ложношнуровая керамика, что интерпретируется ученым как отражение пограничного характера территории левых притоков р. Тобол [156, с. 21].

Большую часть изделий из кремнистых пород Путиловской Заимки, представленных двусторонне обработанными орудиями и орудиями на отщепах, В.С. Мосин относит к энеолиту. Материалы стоянок считаются характерными для южноуральского гребенчатого энеолита с керамикой, украшенной простыми и геометрическими узорами. При этом энеолитические материалы Путилов-

ской Заимки В.С. Мосиным считаются более ранними по сравнению с материалами стоянок Усть-Утяганской и Красносельской.

Следов долговременных жилищ и костных остатков домашних животных на памятниках этого круга не зафиксировано. Только на стоянке Усть-Утяганская были обнаружены столбовые ямки от наземного жилища [156, с. 5].

В 1987 г. В.С. Мосиным в Верхнем Притоболье была исследована стоянка Бурли II на левом берегу р. Тогузак, в 6 км к юго-юго-востоку от с. Терентьевка Комсомольского района Кустанайской области (рисунок А2), материалы которой были опубликованы им также в 1996 г. [157]. Помимо основного энеолитического комплекса на стоянке типологически выделены материалы неолита (маханджарская культура) и ранней бронзы (ямная культура).

На стоянке Бурли II была обнаружена керамика практически всех энеолитических культур Зауралья и Северного Казахстана: кысыкульско-суртандинского, ботайско-терсекского, липчинского, шапкульского типов. На стоянке присутствовали также южноуральская яшма, казахстанские яшмокарциты и обломок биконического глиняного грузила с нарезками. Такое сочетание разнокультурного материала привело В.С. Мосина к выводу о том, что «в энеолите территория Притоболья являлась своеобразной контактной зоной между культурами, входящими в единую культурно-историческую общность гребенчатой керамики с геометрическими мотивами», связи между которым осуществлялись как в широтном, так и в меридиональном направлениях [157, с. 56].

Но, с нашей точки зрения, стратиграфические условия залегания материалов этой стоянки не позволяют, хотя бы для эпохи энеолита, судить о том, происходили ли здесь контакты представителей синхронных энеолитических культур Северного Казахстана и Зауралья. Или эти материалы отражают вхождение территории Верхнего Притоболья в разные периоды энеолита (и не только энеолита) в сферу влияния или освоения доминирующих в то или иное время культурных образований. К тому же последние данные по датировке ботайского энеолита изменяют хронологические позиции этой культуры относительно зауральских памятников [72, с. 297-300; 73, с. 131-134].

В 1997 году в лесостепной зоне Зауралья В.С. Мосиным раскопана неолитическая стоянка Краснокаменка [158], в степной зоне - энеолитическая стоянка Агаповка I (в Челябинской области, при впадении р. Гумбейка в р. Урал) [159; 160]. В керамическом комплексе стоянки Агаповка I сочетались сосуды с гребенчатой (в том числе «гусеничной» и «жучковой»), «ложношнуровой» и веревочной орнаментацией. В каменном инвентаре сочетались орудия из пластин и отщепов. Материалы стоянки были признаны В.С. Мосиным в качестве характеризующих ранний энеолит Южного Зауралья.

Материалы суртандинского облика были выявлены М.П. Voxменцевым на ряде памятников лесостепного Притоболья. Они (наряду с раннеэнеолитическими и терсекскими) были встречены на полихромном поселении Убаган 3 [161, с. 12]. Выделены они были М.П. Voxменцевым из разнородных комплексов типологически и отнесены им к позднему энеолиту южной группы памятников [161, с. 17-18].

Иногда суртандинская керамика встречается на памятниках северной лесостепи [161, с. 13]. Она присутствует на святилище Савин, где отнесена к средней хроногруппе северной группы энеолитических памятников лесостепного Притоболья [161, с. 20-21]. Хронология этой группы памятников устанавливается М.П. Вохменцевым относительно, на основе аналогий с ботайскими, суртандинскими, кысыкульскими, липчинскими, аятскими, атымьинскими, чужьяельскими материалами [161, с. 17].

Таким образом, территория контактной зоны между лесными и лесостепными энеолитическими культурами исследованиями М.П. Вохменцева расширена до пределов всего степного и лесостепного Притоболья.

К 1993 г. энеолитическая керамика с памятников Южного Зауралья и Северного Казахстана была обработана и изучена В.С. Мосиным с применением статистико-комбинаторных методов и программ [47]. В 2003 г. его исследования и взгляды на эпоху в развернутом виде были опубликованы в виде монографии [48] с включением моментов общего характера, выявленных на основании достигнутых в 1990-х гг. успехов в изучении энеолита Среднего Зауралья.

В качестве одной из проблем в этой монографии формулируются существующие противоречия между учеными, связанные с выделением энеолитических культур в Южном Зауралье (суртандинская и кысыкульская) и Северном Казахстане (терсекская и ботайская). В этом плане одной из задач исследования ставится подробный анализ керамики указанных культур с целью выявления реальности основания для их выделения [48, с. 38-39].

В.С. Мосиным проведен детальный анализ и сравнение керамического материала суртандинской, кысыкульской, ботайской и терсекской культур. В научный оборот были введены массовые коллекции керамики с памятников этих культур. При этом многие признаки керамики впервые получили свою статистическую характеристику.

Источниковую базу исследования составили 40000 тыс. фрагментов керамики от 250 сосудов с памятников Южного Зауралья [48, с. 40]. Причем, в это число не входили керамические комплексы Г.Н. Матюшина, происходящие с озер Башкирского Зауралья. В.С. Мосиным установлено реальное соотношение в комплексах керамики, орнаментированной разными техниками. Дана подробная и уточненная характеристика основных черт энеолитической керамики. Основу комплексов составила керамика, орнаментированная оттисками гребенчатого штампа. Причем, в орнаментации преобладали среднезубые (1,1-2 мм) штампы разной длины. 10-12% от числа орнаментированных фрагментов составила ложношнуровая керамика. На стоянках с Аргазинского водохранилища она более многочисленна (статистика не приведена - замечание автора). Единичны фрагменты, орнаментированные веревочкой и жучками [48, с. 40]. Выявлено три группы сосудов по степени профилированности стенок и доля каждой из них в керамическом комплексе: профилированные, слабопрофилированные либо прямостенные, среди которых абсолютно преобладают профилированные. Наибольший диаметр расположен в верхней части сосуда. Отношение высоты сосуда к наибольшему диаметру в среднем составило 1,25. Среди форм среза венчика преобладают прямой и округлый.

Была уточнена рецептура формовочных масс. Помимо основной искусственной примеси в виде талька или слюды (до 90-95%) использовались органические добавки: навоз животных, шерсть, растительные остатки. Подтвердилось выявленное еще Л.Я. Крижевской использование двух способов ленточной формовки сосудов - внахлест и встык. Выявлены отличия в рецептуре теста веревочной керамики (дресва и песок). Также было выявлено, что заглаживание внутренней поверхности сосудов гребенчатым штампом является характерной технологической чертой энеолитической керамики Южного Зауралья. Вычислено реальное соотношение сосудов с простыми и с геометрическими мотивами. Простыми мотивами орнаментировано 62,5%, геометрическими - 37,5% керамики. Среди простых элементов доминировали различные вариации и сочетания горизонтальных рядов наклонных оттисков гребенчатого штампа, на втором месте стоял горизонтальный зигзаг, затем шли наклонные или вертикальные полосы, горизонтальные линии, горизонтальные полосы «Z»-видных мотивов, горизонтальная елочка. Очень редко - мотив шагающей гребенки [48, с. 41-43].

В отношении геометрической орнаментации показано отсутствие стандартизации мотивов и композиций [48, с. 44-45]. Композиции формировались из косой и прямоугольной сетки, цепочек заштрихованных и полых ромбов и треугольников, лесенок, лент-зигзагов, шевронов разнообразных форм, уточек, сотов. Сотовый орнамент определен как специфичный для южнозауральской энеолитической орнаментации.

Выявленные им признаки энеолитической керамики Южного Зауралья В.С. Мосин сравнил с керамическими коллекциями, полученными Г.Н. Матюшиным с памятников Башкирского Зауралья [48, с. 47-48], и выявил их «принципиальную однотипность» по форме, примеси в тесте, орнаментальным мотивам и принципам построения композиций, пропорциям простой и геометрической орнаментации, одинаковой доли негребенчатой керамики в комплексах. Ученый сделал вывод о том, что «керамика Южного Зауралья, кысыкульская и суртандинская, представляет единый комплекс энеолитической посуды, состоящей из двух компонентов - простой и геометрической, относящейся к одной кысыкульско-суртандинской культуре» [48, с. 48].

Керамика кысыкульско-суртандинской культуры признана однотипной с сосудами энеолита Северного Казахстана. Ее своеобразие составляют малый процент неорнаментированной посуды, примесь талька или слюды в тесте, отсутствие отпечатков текстиля [48, с. 68-69]. Прослежено практически полное совпадение характеристик кысыкульско-суртандинской керамики с сосудами аятской культуры Среднего Зауралья [48, с. 70]. Обе культуры В.С. Мосин считает родственными [48, с. 74].

Неудивительно, что В.С. Мосин не согласен с аргументами Г.Н. Матюшина, положенными в обоснование культурного разграничения кысыкульских и суртандинских памятников. Он считает, что, во-первых, разницы между ландшафтами на озерах Башкирского Зауралья и Южноуральского Приозерья в энеолите могло и не быть; во-вторых, различия в индустрии были прослежены на основании смешанных, типологически трудно различимых комплексов; в-третьих,

липчинская керамика присутствует в обоих комплексах и в примерно равных пропорциях [48, с. 72-73].

Памятники суртандинской и кысыкульской культур, вне зависимости от их территориально-ландшафтной локализации, В.С. Мосиным объединены в одну, суртандинско-кысыкульскую культуру. Ложношнуровая липчинская керамика, считает он, составляет на ее памятниках небольшой процент и на ранних этапах является одним из составляющих компонентов южнозауральской культуры [48, с. 73]. По его мнению, «такое решение снимало бы многие проблемы в энеолите Зауралья» [48, с. 74].

На основании материалов открытых в Среднем Зауралье памятников шувакишского типа и в Южном Зауралье стоянки Агаповка I В.С. Мосиным предложена двухэтапная периодизация энеолита суртандинско-кысыкульского типа [48, с. 74-77]. Ранний этап, по В.С. Мосину, представлен синкретичными керамическими (гребенчатая, ложношнуровая, веревочная техники орнаментации) и каменными (орудия на пластинах и на отщепах) комплексами. На позднем этапе складывается «классический» энеолитический комплекс Южного Зауралья, характеризующийся гребенчатой керамикой, сочетающий посуду с простыми и геометрическими узорами и преобладанием в каменном инвентаре отщеповых форм, бифасальной техники, использованием некачественных пород камня.

Хронология энеолита Южного Зауралья устанавливается В.С. Мосиным в пределах III тыс. до н.э., верхний рубеж соотносится им с появлением памятников синташтинского типа в XVII в. до н.э. [48, с. 77-78].

В рассматриваемой нами монографии В.С. Мосин считает проблему происхождения культур зауральской энеолитической общности далекой от своего разрешения [48, с. 78]. И ключевую роль в ее решении он отводит выяснению происхождения веревочной керамики. Его собственная позиция в этой работе выражена завуалированно [48, с. 78-79]. С одной стороны, он выступает против выведения энеолитической культуры Г.Н. Матюшиным и В.Ф. Зайбертом непосредственно из неолита. С другой, считая правомерным выделение раннеэнеолитического этапа, связывает происхождение энеолитической культуры с местным неолитом через материалы переходного нео-энеолитического облика. Отводя важную роль веревочной керамике, но, не высказывая своего мнения о ее происхождении, В.С. Мосин так и не смог ясно выразить своего взгляда на проблему происхождения энеолита.

Ряд новых выводов общего и частного характера был сформулирован В.С. Мосиным в его последнем, итоговом исследовании по каменному веку Южного Зауралья [5]. В отношении энеолита региона в этой работе обобщены исследования энеолитических памятников Южного Зауралья за весь период их изучения. Энеолитическая культура Южного Зауралья была рассмотрена через призму культурогенеза в этом регионе в мезо-энеолитическую эпоху [5, с. 4-5].

В качестве однослойных энеолитических памятников В.С. Мосин определяет стоянки Агаповка I, Суртанды VIII, Бурли II, Кысы-Куль, Уфа IV и др. [5, с. 30]. Помимо сходства в керамике, обоснование единой культурной принадлежности кысыкульских и суртандинских памятников В.С. Мосиным было допол-

нено выявленными им аналогиями в каменной индустрии, присутствием на памятниках обоих типов медных изделий [5, с. 37].

Характеристика энеолитической каменной индустрии В.С. Мосиным подтвердила данную ей еще Г.Н. Матюшиным, но была более детализована, чего не хватало в публикациях последнего. Также был подтвержден тезис о генетической преемственности энеолитической и неолитической камнеобработки [5, с. 32-35]. Исходя из идеи выделения раннего этапа энеолита на материалах памятника Агаповка I, В.С. Мосиным предложена схема эволюции энеолитической каменной индустрии. Она шла в направлении общей макролитизации индустрии, что выражалось в укрупнении нуклеусов, увеличении ширины пластин, огрублении их форм; все реже используются медиальные части пластин, к концу эпохи нуклеусы становятся единичными. Для энеолитических комплексов характерны пластинки с ретушью, угловые резцы, резчики, острия на дистальных сечениях пластин, пластинки с выемкой, сверла, двусторонне обработанные наконечники преимущественно листовидных форм, концевые скребки на пластинах и разнообразных форм скребки на отщепах, ножи и скребла на больших отщепах, каменные грузила, шлифованные орудия, подромбической и прямоугольной формы «утюжки». Редко встречаются геометрические микролиты пережиточных форм и наконечники на пластинах. Характерно отсутствие стандартизации орудий по типам и неустойчивость форм пластинчатого комплекса.

Характеристика керамики [5, с. 35-36] повторила выводы, сформулированные В.С. Мосиным в монографии, специально посвященной изучению этой категории археологического инвентаря. Были обобщены данные о металлургии [5, с. 36-37]. Их накопление не изменило уже сложившегося представления о начальных этапах ее освоения [5, с. 37]. В отличие от Л.Я. Крижевской, В.С. Мосин считает, что освоение металла не повлияло на эволюцию каменной индустрии в эпоху энеолита [5, с. 43].

В целом, данная В.С. Мосиным характеристика энеолита Южного Зауралья отличается детализацией, основанной на разработанной и корректной статистике и типологии. Она сильно отличается от характеристики Г.Н. Матюшина, основанной на «облике» инвентаря, более или менее архаичном или прогрессивном, то есть на субъективном восприятии и оценке материала.

Завершение культуры каменного века В.С. Мосин связывает с коренной перестройкой экологических ниш в Зауралье в суббореальный период 4500-2500 лет назад [5, с. 10-11].

В докторской диссертации В.С. Мосина замечен резкий крен в сторону автохтонности взглядов ученого на проблему происхождения энеолитических памятников Южного Зауралья. В.С. Мосин излишне категоричен, принимая во внимание только черты преемственности в инвентаре с неолитической культурой региона [с. 38] и оставляя без надлежащей интерпретации факты появления на этапе формирования энеолита явно синкретичных комплексов различного генезиса. Вопрос об истоках веревочной керамики ученым уже не ставится. В целом, для его обобщающей работы характерна приверженность к выстраиванию автохтонной концепции культурогенеза в Южном Зауралье на протяжении

мезолита-энеолита [5, с. 38-44], что вряд ли оправдано, учитывая длительность эпохи. С точки зрения такой концептуальности, взгляды В.С. Мосина отличаются консерватизмом.

Прослеженные В.С. Мосиным автохтонность культурогенетических процессов, происходивших в раннеголоценовое время в Южном Зауралье и сходство между культурами мезо-энеолита Южного Зауралья и Свердловско-Тагильского района Среднего Зауралья объясняются исследователем существованием их «в определенной, исторически обособленной, географической зоне восточных склонов Урала и Зауральского плато», наличием тесных контактов «на базе развития близких форм хозяйственно-бытового уклада носителей этих культур» [5, с. 48].

Прослеживаемые учеными аналогии в материальной культуре Зауралья и Средней Азии, по мнению В.С. Мосина, свидетельствуют о формировании на территории Зауралья и Арало-Каспия «единого культурного пространства, близкого по смыслу понятию этноязыковой непрерывности (по В.Ф. Генингу)» [5, с. 50]. В качестве индикатора существования такого феномена он рассматривает факт распространения на этой огромной территории наконечников кельтеминарского типа. По мнению ученого, схожие черты в материальной культуре на этом пространстве распространялись не путем миграций, а передавались в результате контактов в близкородственной среде.

3.5 Изучение «боборыкинской» культуры в Южном Зауралье

Многослойное поселение Боборыкино II расположено у г. Шадринска на р. Исети и впервые раскапывалось в течение 1957 и 1958 гг. экспедицией Уральского государственного университета под руководством К.В. Сальникова. В 1958 г. на нем был (в большей мере типологически) выявлен новый культурный комплекс с плоскодонной профилированной керамикой, бедно украшенной в накольчато-прочерченной технике, в сочетании с микролитическим кремневым инвентарем, в том числе - с геометрическими микролитами [162, с. 4, 5, 9]. К.В. Сальниковым была прослежена связь керамики нового типа с двумя жилищами - жилищами 2 и 3. По мнению К.В. Сальникова, боборыкинская керамика сочетала в себе как архаичные неолитические черты (накольчато-прочерченная техника орнаментации), так и прогрессивные раннебронзовые (геометрические вертикально-зональные композиции орнамента, профилированность и плоскодонность керамики). В каменной индустрии прослежено значительное сходство с кельтеминарской культурой.

Происхождение боборыкинской керамики и каменной индустрии К.В. Сальников связал с общей для зауральской гребенчатой энеолитической керамики культурной основой, но на более южной, степной территории [162, с. 7-8, 10]. Таким образом, ученым предполагалось, что степная ранняя бронза должна иметь боборыкинский облик. При этом он считал, что по характеру орнаментальных мотивов энеолитическая керамика Зауралья и боборыкинская однотипны. Отличаются же они техникой орнаментации и формой [162, с. 6].

На основе взаимовстречаемости энеолитической и боборыкинской керамики в жилище 2 К.В. Сальников считал оба комплекса синхронными. Боборыкин-

ский комплекс исследователь датировал раннебронзовым временем, т.е. рубежом III-II тыс. до н. э. [162, с. 6-7]. Само появление боборыкинских материалов в Зауралье он расценивал как свидетельство «контакта степных и лесостепных энеолитических племен Зауралья» [162, с. 10].

В 1966 г. Тобольский отряд под руководством В.Е. Стоянова продолжил раскопки стоянки Боборыкино II и подтвердил стратиграфическую схему, выявленную К.В. Сальниковым [163, с. 104].

Новое исследование Боборыкинской дюны было предпринято в 1968 г. Л.Я. Крижевской из-за возникших у нее сомнений в правомерности выделения К.В. Сальниковым боборыкинского комплекса. А именно - сомнение в прослеженном им сочетании пластинчатого инвентаря с плоскодонной керамикой [8, с. 53]. Экспедицией ЛОИА АН СССР был заложен раскоп VII площадью 136 кв. м. [8, с. 50]. Таким образом, общая вскрытая площадь памятника составила 1135 кв. м. [8, с. 51].

Памятник многослойный, содержит материалы неолита, боборыкинского типа, андроновского и раннежелезного времени. Как отмечает Л.Я. Крижевская, комплексы, как и культурные слои, перемешаны, стратиграфия выявляется только на основе процентного соотношения керамики разных эпох на различных глубинах [8, с. 51-52]. Как показывает Л.Я. Крижевская, К.В. Сальников считал твердо установленной стратиграфическую позицию комплекса из заполнения землянки 6. На основе ее и были выделены боборыкинский этап и комплекс. В датировке землянки 5 он не был уверен окончательно. Л.Я. Крижевская считает, что стратиграфия землянки 6 также не может считаться полностью доказанной [8, с. 52].

Выделение нового культурного типа - боборыкинского - сначала основывалось только на анализе керамики нового облика. К.В. Сальников в качестве основного аргумента в пользу сочетания пластинчатой индустрии с боборыкинской керамикой использовал тезис об отсутствии первой в неолите Южного Зауралья. Здесь, по всей видимости, он пошел вслед за А.А. Формозовым, который на материалах 1940-начала 1950-х гг. выступал за тесную зависимость распространения типа индустрии от ландшафтной зоны: в степной зоне - пластинчатая микролитическая, в лесной - отщеповая макролитическая [164, с. 51-53]. Но Л.Я. Крижевская считает, что сейчас этот аргумент отпал [8, с. 58].

С подачи К.В. Сальникова в качестве раннебронзовой боборыкинскую культуру стали воспринимать Л.Я. Крижевская [22, с. 155], Т.М. Потемкина [165, с. 160], свердловские ученые [166, с. 190]. Причем, иногда одни и те же авторы номинировали ее в одних случаях раннебронзовой [165, с. 160; 167, с. 31], в других - энеолитической [92, с. 29; 168, с. 92-93].

На протяжении изучения боборыкинской культуры всегда была актуальной полемика по двум основным вопросам: по проблеме ее происхождения и хронологии.

Отмечая на поселении Боборыкино несовпадение границ распространения каменных орудий и керамики, как эпохи неолита, так и боборыкинского типа, Л.Я. Крижевская посчитала, что выделение комплекса боборыкинского типа на

основании только полевых исследований поселения Боборыкино II не может быть абсолютно достоверным [8, с. 57-58].

Сравнивая боборыкинскую керамику с типологически близкой ей керамикой стоянки Кошкино V (раскопки Л.Я. Крижевской, 1963 г.), Л.Я. Крижевская датировала кошкинские материалы более ранним временем ввиду присутствия в них неолитоидных черт, отсутствия делений на зоны и сложных геометрических узоров [22, с. 155-156].

В отличие от К.В. Сальникова и свердловских ученых характеристику боборыкинской культуры, ее датировку и генезис Л.Я. Крижевская рассматривает на «ином фоне одновременных памятников западносибирского лесостепья», в число которых, наряду с Боборыкино II, она включает поселения Кокуй II, Одино, Кошкино V, Малышевское, Логиново VI [8, с. 65-94]. Основной упор сделан на материалы двух поселений: Кокуй II и Одино.

Поселение Кокуй II расположено в Абатском районе Тюменской области в 3 км от деревни Кокуй на небольшом мысе песчаного останца луговой террасы р. Ишим и ее левого притока р. Вавилон. Вскрыто 290 кв. м культурного слоя мощностью от 0,25-0,30 до 0,60 м. Верхняя его часть была распахана, иногда до глубины 0,35-0,40 м. Раскопывался памятник в 1964 г. [8, с. 65; 169].

Поселение Одино расположено в Викуловском районе Тюменской области на левом берегу р. Ишим, в 1,5 км к северо-востоку от деревни Одино, в 1,5 км от современного русла реки и в 0,5 км от ее старицы. В ландшафтном отношении оно находится у северной окраины лесостепной зоны, на ее границе с зоной темно-зеленой тайги. Поселение расположено на возвышенном участке пойменной террасы. Культурный слой распространен на небольшой площади и нарушен современным кладбищем. Материал локализовался в пределах единственного жилища подчетыреугольной формы размером 8x8 м. Раскопано в 1965 г. Р.Д. Голдиной и Л.Я. Крижевской [8, с. 83; 169].

В материалах обоих поселений Л.Я. Крижевской на основе техники орнамента были выделены три группы керамики: гребенчатая, ямочная и линейно-накольчатая. Но по всем другим признакам (составу формовочных масс, баночной плоскодонной форме сосудов, их величине и толщине стенок, приемам изготовления) они не расчленяются и залегают совместно в основании одиновского жилища. Поэтому Л.Я. Крижевская рассматривает всю керамику обоих поселений независимо от орнамента как единый комплекс и не усматривает оснований для хронологического членения в соответствии с орнаментальными группами [8, с. 77, 88-91].

Считая, что ямки на керамике этих поселений нанесены накольчатой техникой, Л.Я. Крижевская прослеживает прямые аналогии ей в керамике боборыкинского типа. Линейно-накольчатую керамику поселения Одино она считает продолжающей развитие орнамента и формы посуды кошкинского типа. В то же время керамика обоих типов (ямочная и линейно-накольчатая), по ее мнению, по многим признакам аналогична посуде раннебронзовых поселений Северо-Казахстанского Приишимья, на основании чего Л.Я. Крижевская очерчивает в пределах распространения этих памятников и поселения Кокуй II

«ареал наиболее близкого сходства, очевидно, этнокультурного порядка» [8, с. 81-82].

Она не согласилась с оценкой К.В. Сальниковым орнаментации боборыкинской керамики как архаичной, выделяя в ней такие отличные от неолита черты, как скупость орнаментации, отсутствие геометрических узоров и орнаментации гребенкой и приемом отступающей палочки. Не согласилась она и с характеристикой накольчатой орнаментации как «затухающего» приема уральского неолита и видела ее широкое распространение и эволюцию в ранней бронзе на ямочной керамике. Вместе с тем, в боборыкинской керамике Л.Я. Крижевская (в рамках своего подхода к периоду как к переходному времени) выделяет как посуду более древнего облика (украшенную рядами ямок и насечек), так и более развитую (четкий профиль, орнаментация только по верху сосуда ямками или линиями углов) [8, с. 61].

Л.Я. Крижевской отмечена бедность «боборыкинских» поселений каменным инвентарем [8, с. 108], что идет вразрез с наблюдениями, сделанными свердловскими археологами на собственно боборыкинских поселениях в Нижнем Притоболье и на Андреевском озере.

Для хозяйства выделяемой ею боборыкинской культуры Исетко-Тобольского и Ишимского бассейнов Л.Я. Крижевская реконструировала существование оседлости и скотоводства при отсутствии металлургии [8, с. 107-108].

По ее мнению, боборыкинская культура формировалась в Ишимо-Иртышском бассейне (рисунок А14). Западная ее граница проходила по Исети и Тоболу. Зарождение ряда признаков боборыкинской керамики (текстильных отпечатков и ямочного орнамента) она прослеживает в неолите на материалах стоянки Пахомово III и исключает из ее подосновы неолитические памятники Южнозауральского Приозерья [8, с. 94-95]. Ею отмечено южное воздействие на формирование культуры [8, с. 109].

В плане этнокультурной преемственности Л.Я. Крижевская отмечала, что в непосредственно следующей за ней андроновской керамике боборыкинской орнаментации нет, но многие ее признаки наследует керамика раннежелезного века [8, с. 62]. Боборыкинское население с приходом с юга (степи Казахстана) андроновского населения было оттеснено и придавлено, и только с наступлением раннего железного века боборыкинские традиции возрождаются в гамаюн-ской культуре [8, с. 124] (рисунок А14).

Боборыкинские материалы исследовательница отнесла ко второму периоду раннебронзового времени, считая, что часть из них могла сосуществовать с раннеандроновскими памятниками [8, с. 95]. Раннебронзовая эпоха была короткой, занимая первую четверть II тыс. до н.э. [8, с. 121; 120, с. 74].

Таким образом, в Исетско-Тобольском и Ишимском бассейне Л.Я. Крижевская выделила в особую группу памятники раннебронзового времени с рядом общих признаков: долговременные поселения с жилищами и хозяйственными сооружениями; плоскодонная керамика баночной формы с гребенчатой, ямочной и линейно-накольчатой орнаментацией; сетчатая керамика; сосуществование «ранних» и «поздних» черт в орнаментации керамики. По мнению Л.Я.

Крижевской, вся керамика боборыкинской культуры является взаимосвязанной и не поддается расчленению на разновременные комплексы [8, с. 93-94]. При этом, к кругу боборыкинских были отнесены как неолитические, так и ранне-бронзовые (в современном понимании) комплексы. Круглодонная керамика в них занимает подчиненное место.

В результате, характеристика боборыкинской культуры была дана Л.Я. Крижевской на основании комплексов, которые на самом деле таковыми не являются, поскольку под боборыкинской культурой понимаются комплексы с микролитической пластинчатой индустрией и скупой прочерчено-накольчатой орнаментацией, которые первоначально также определялись археологами как раннебронзовые [170], а затем как поздненеолитические [109] или ранне-неолитические [110, с. 71-73]. По сути дела, название «боборыкинская» Л.Я. Крижевской было перенесено на совершенно иной, искусственно созданный ею, тип памятников. Поэтому название этой культуры дано нами в кавычках. Таким образом, взгляды Л.Я. Крижевской на боборыкинскую культуру представляют сегодня исключительно историографический интерес.

3.6 Выводы

Таким образом, непосредственное изучение энеолита в Южном Зауралье началось в 1950-х гг. с раскопок Н.П. Кипарисовой стоянок, расположенных на озерах Южнозауральского Приозерья.

Приоритет в выделении собственно энеолитических черт керамики для региона Южного Зауралья и Северного Казахстана в целом принадлежит также Н.П. Кипарисовой. Именно ею выявлены специфические и принципиально новые морфологические и декоративные признаки энеолитической посуды: отсутствие наплыва на внутренней стороне венчика, отгиб венчика наружу, расчесы на внутренней поверхности сосудов, геометризм и разреженность в орнаментации, появление веревочной орнаментации.

Поскольку практически всеми археологами признается ведущая роль керамики в этнокультурных исследованиях и реконструкциях, то можно считать Н.П. Кипарисову пионером и в выделении энеолитической эпохи региона. Все последующие исследователи энеолита Южного Зауралья выделяли энеолитические культуры и относили вновь открытые памятники к энеолиту, явно или неявно ориентируясь на признаки посуды, выделенные Н.П. Кипарисовой.

Правильность выводов ученой подтверждается и неудачной попыткой Г.Н. Матюшина самостоятельно сформулировать новые признаки керамики выделяемой им суртандинской культуры, культурную автономию которой от кысыкульских памятников он горячо отстаивал. Это вызвало затруднения, прежде всего, у него самого в деле отнесения тех или иных памятников к эпохе энеолита. В итоге, Г.Н. Матюшин вынужден был вернуться к признакам энеолитической керамики, выделенным Н.П. Кипарисовой. Обобщающее исследование энеолитической керамики Южного Зауралья и Северного Казахстана, произведенное В.С. Мосиным, также подтвердило правильность выводов Н.П. Кипарисовой.

Дальнейшее исследование энеолитической керамики пошло по пути углуб-

ления и уточнения ее признаков, по пути выявления локальной специфики ее форм, выявления приемов обработки поверхности, рецептов формовочных масс, техник, мотивов, композиций орнаментации.

Н.П. Кипарисова впервые выделила энеолитические материалы из трансстадиальной шигирской культуры в самостоятельное культурное образование. Ограниченность источниковой базы не позволила Н.П. Кипарисовой дать точную характеристику ее каменной индустрии и других ее сторон.

В 1962 г. К.В. Сальниковым энеолитические материалы Южного Зауралья были выстроены в первую для эпохи пространственно-хронологическую схему. К.В. Сальниковым к раннеметаллической эпохе были отнесены и материалы боборыкинского типа. Это сформировало почти 30-летнюю традицию ошибочного позиционирования боборыкинских материалов в качестве раннебронзовой культуры. Однако дальнейшие исследования показали, что отнесение им к ранней бронзе боборыкинского плоскодонного варианта было ошибочным.

Л.Я. Крижевская, расширив территорию Южного Зауралья до Исетско-Тобольского и Ишимского бассейнов, перенесла название «боборыкинская» на совершенно иной тип памятников. Хронологически и стадиально более поздние «боборыкинские» материалы поселений Одино и Кокуй II она позиционировала в качестве синхронных и синстадиальных кысыкульской культуре.

Мы считаем, что взгляды Л.Я. Крижевской на боборыкинскую культуру, как и ее определение К.В. Сальниковым в качестве раннебронзового явления, представляют сегодня исключительно историографический интерес. Для всех исследователей раннеметаллической эпохи Южного Зауралья характерно было признание ее генетической преемственности с местным неолитом.

Л.Я. Крижевская продолжила в 1960-х гг. деятельность по исследованию энеолитических памятников Южнозауральского Приозерья. За счет выявления и раскопок новых памятников она расширила источниковедческую базу изучения энеолитической эпохи. Опорными для построений Л.Я. Крижевской были материалы стоянок Латочка, Кораблик, Няшевка II. Представление о характере раннеметаллической эпохи в Южном Зауралье у Л.Я. Крижевской сформировалось уже к 1969 г.

Открытые и исследованные К.В. Сальниковым, Н.П. Кипарисовой и самостоятельно памятники раннеметаллической эпохи Л.Я. Крижевская объединила в составе кысыкульской культуры, тем самым культурно обособив их от энеолитических памятников Среднего Зауралья и Нижнего Приоболья.

Несмотря на то, что Л.Я. Крижевская выделила в Южном Зауралье самостоятельную культуру эпохи раннего металла, она не считала ее признаки радикально отличающимися от неолита. Важную роль в облике эпохи она отводила зарождению самостоятельной металлургии. Исследования Л.Я. Крижевской подтвердили такую особенность стоянок Южнозауральского Приозерья, как бедность их каменным инвентарем.

Г.Н. Матюшин значительно увеличил количество открытых и исследованных в Южном Зауралье памятников энеолита, выявил новый район их расположения - озера Башкирского Зауралья. Выводы Г.Н. Матюшина об облике энеолитической культуры Южного Зауралья базировались, в основном, на ма-

териалах поселений Суртанды VIII, Карабалыкты IX и верхнего слоя поселения Мурат. Фактически, взгляды Г.Н. Матюшина на энеолит Южного Зауралья сформировались уже к 1970 г.

На первых этапах исследования у Г.Н. Матюшина еще не было сформировано четкого представления о существовании в регионе энеолитической эпохи и ее характерных чертах.

Г.Н. Матюшин лишь частично соглашается с характеристикой культуры энеолита Южного Зауралья, данной Н.П. Кипарисовой, К.В. Сальниковым и Л.Я. Крижевской. В частности, он считает нехарактерным для суртандинских комплексов присутствие керамики с веревочным орнаментом, ложной гребенкой, отступающей палочкой и прочерчиванием. По его мнению, к раннеметаллической эпохе они были отнесены ошибочно по причине смешанности комплексов.

Его исследования, несмотря на все недостатки, позволили впервые составить представление о характере каменной индустрии энеолита, типологии и морфологии каменных орудий. Были получены первые данные по домостроению, а также - остеологические материалы, то есть, данные о тех сторонах материальной культуры, источниками по которым энеолитические памятники Южнозауральского Приозерья были бедны. По сути дела, несмотря на ожесточенную полемику, исследования Л.Я. Крижевской и Г.Н. Матюшина взаимно дополняли друг друга, формируя у научной общественности всестороннее представление об энеолитической культуре Южного Зауралья.

Отмеченные им такие новации, как широкое применение в кремневой индустрии некачественных пород камня, низкая доля пластин и орудий из них по сравнению с отщеповыми формами, на самом деле не соответствуют истине. И то, и другое в каменной индустрии присутствует, но не является массовым либо столь значительным.

Г.Н. Матюшин впервые поставил вопрос о переходе энеолитического населения Южного Зауралья (а вместе с тем, и Северного Казахстана) к производящему хозяйству в форме скотоводства, высоко оценивал уровень развития у суртандинцев металлургии. Им было привлечено внимание широкой научной общественности к проблеме становления скотоводства в азиатских степях и лесостепях. Не совсем логичным является обоснование им причин и механизма появления скотоводства у населения суртандинских озер и причин прекращения существования на них энеолитических памятников.

Ситуация вокруг проблемы скотоводства в Южном Зауралье в энеолите на сегодняшний день характеризуется ее замалчиванием. Создается впечатление, что без получения новых, более представительных данных, идея скотоводческого характера экономики суртандинцев, отстаиваемая Г.Н. Матюшиным, со временем может стать, скорее достоянием историографии, чем актуальным фактом.

Следует признать обоснованным и плодотворным стремление Г.Н. Матюшина унифицировать культурную принадлежность памятников раннеметаллической эпохи региона.

Анализ, статистическая и типологическая обработка, интерпретация материалов изученных им памятников оставляет желать лучшего. К сожалению, критика его исследований так и осталась голословной. Исследование энеолитических памятников на озерах Башкирского Зауралья больше не проводилось. Дальнейшие археологические исследования сосредоточились либо на других озерах, либо на памятниках в долинах рек Южного Зауралья.

Для исследования энеолита Южного Зауралья в 1960-е - 1970-е гг. характерно научное противостояние Г.Н. Матюшина и Л.Я. Крижевской, отсутствие взаимного плодотворного интереса к материалам раскопанных памятников. Л.Я. Крижевская практически не упоминает об исследованиях Г.Н. Матюшина и не сравнивает материалы памятников Южнозауральского Приозерья с материалами поселений на озерах Башкирского Зауралья. Г.Н. Матюшин критически относился к научной ценности материалов раскопанных Л.Я. Крижевской памятников и к ее выводам. Это способствовало разобщению усилий в исследовании энеолита Южного Зауралья и привело к искусственному выделению на его территории двух однородных культур - кысыкульской и суртандинской.

Исследованиями УКАЭ с конца 1970-х гг. памятники энеолита были изучены в степном, лесном и горнолесном районах Челябинской области. В 1990-х годах обработкой и осмыслением результатов этих раскопок стал заниматься В.С. Мосин. Он опубликовал материалы стоянок Стрелецкое I, II, III, IV, Уфа IV, Чебаркуль Ха, Хб, XV, XVI, Путиловская Заимка, Красносельская, Усть-Утяганская, Бурли II, Юрюзаньская Пб, Пв, Краснокаменка, Агаповка I. Основная их масса была раскопана в 1970-е - 1980-е гг. И только стоянки Краснокаменка и Агаповка I были исследованы в 1997 г. Это показывает, что основные полевые исследования энеолита Южного Зауралья не выходят за 1980-х гг.

Возможно, в силу того, что большая часть стоянок не раскапывалась В.С. Мосиным самим или самостоятельно, его работы практически не содержат стратиграфических наблюдений.

В течение 1960-х - 1990-х гг. исследования в области культурных реконструкций в энеолите Южного Зауралья шли в направлении оптимизации количества культурных образований. В результате исследований Г.Н. Матюшина и Л.Я. Крижевской материалы трех (кысыкульский, абселямовско-чебаркульский, боборыкинский гребенчатый круглодонный) из четырех выделенных К.В. Сальниковым культурных вариантов ранней бронзы были объединены в две самостоятельные культуры. В.С. Мосиным памятники суртандинского и кысыкульского типа были признаны однокультурными. В.Т. Ковалевой был выявлен неолитический характер памятников боборыкинского плоскодонного варианта. Таким образом, на сегодняшний день завершен процесс унификации энеолитических культур Южного Зауралья и сформировано о ней унитарное представление. Материалы практически всех опорных памятников, полностью или частично, были введены в научный оборот.

Характеристика каменной индустрии, данная еще Г.Н. Матюшиным, подтверждена, уточнена и детализована исследованиями В.С. Мосина. Мнение Л.Я. Крижевской о деградации и уменьшении роли каменной индустрии в энеолите опровергнуто как наличием богатых коллекций на памятниках Баш-

кирского Зауралья, так и наблюдениями В.С. Мосина за механизмом и путями распространения каменного сырья, исходя из которых непредставительность каменных коллекций на стоянках Южнозауральского Приозерья объясняется не стадиальностью, а бедностью края качественным камнем [171, с. 173-174].

Подтверждается отстаиваемая Н.П. Кипарисовой и Л.Я. Крижевской многокомпонентность керамических коллекций энеолитической культуры Южного Зауралья (что отрицал Г.Н. Матюшин) и выявленное Л.Я. Крижевской использование двух способов ленточной формовки сосудов - внахлест и встык. Справедливым может считаться предложение Л.Я. Крижевской использовать стыковой способ формовки керамических сосудов в качестве одного из датирующих признаков энеолитической керамики Южного Зауралья. В.С. Мосиным произведено сравнение кысыкульско-суртандинской керамики с посудой сопредельных культур, показано ее место в керамических традициях эпохи энеолита на огромной территории от Иртыша на востоке до Прибалтики - на западе.

Сохранятся представление о синкретичном и переходном характере энеолитической культуры Южного Зауралья. Энеолитическая культура рассматривается как динамическое образование, эволюционирующее во времени. На этой основе Л.Я. Крижевской, Г.Н. Матюшиным (таблица А5) и В.С. Мосиным создается ее двухчленная периодизация. Такой критерий для внутренней периодизации, предложенный Л.Я. Крижевской, как уменьшение в комплексах со временем количества каменных изделий, оказался несостоятельным. Сейчас периодизация строится по критериям характера индустрии и распространения техник орнаментации.

Бинарность энеолитических комплексов рассматривается в рамках эволюционно-автохтонных представлений. А распространение новаций, характерных и для других территорий, считается следствием конвергентности.

Не подтверждается идея о самостоятельном переходе местного населения к металлургии, о высоком уровне ее развития и наличии самостоятельного очага металлургии на Южном Урале в энеолите. А соответственно, лишен научной ценности и реконструируемый Л.Я. Крижевской механизм такого перехода.

Дальнейшие исследования показали, что представления Л.Я. Крижевской о присваивающем характере энеолитической экономики были верными. Тем самым подтверждается и методологическое суждение Л.Я. Крижевской о низкой самостоятельной информативной ценности керамических пряслиц в отношении типа хозяйства в отсутствие надежных остеологических данных. Мнение Г.Н. Матюшина о существовании скотоводства имеет слабую источниковую основу. В связи с чем среди специалистов происходит отход от признания ранее заявленной и принимаемой ими прежде высокой роли суртандинской культуры в культурных процессах конца каменного века на территории Северного Казахстана и Зауралья. Из субъекта культурно-исторического процесса она низводится до объекта воздействия извне.

Южнозауральский энеолит не имеет собственного радиоуглеродного датирования. Тем не менее, мнение Л.Я. Крижевской о кратковременности (не более 300-350 лет) энеолитической эпохи в Южном Зауралье не получило своего подтверждения, как и чрезвычайно широкая его датировка Г.Н. Матюшиным (V-III

тыс. до н.э.). Сейчас южнозауральский энеолит датируется в рамках III тыс. до н.э.

Начинает изживаться представление о значительном вкладе энеолитического населения в формирование андроновской культуры (В.С. Мосин).

Самым крупным недостатком исследований по энеолиту Южного Зауралья является оперирование в реконструкциях комплексами, выделяемыми типологически. Этот недостаток имеет объективную основу. На сегодняшний день в Южном Зауралье нет ни одного памятника энеолита с безупречной стратификацией культурных отложений. Те памятники, которые таковыми считали исследователи (Суртанды VIII, Кораблик), не дают чистых энеолитических комплексов. Поэтому для Южного Зауралья актуальной остается проблема источника.

Исследователи энеолита Южного Зауралья в своих исследованиях часто не используют теоретические достижения археологической науки, за исключением применения специальных методик. Ни один из исследователей не сопровождал своих культурных и социально-экономических реконструкций теоретическим обоснованием. В своей массе энеолитоведение Южного Зауралья строится эмпирически.

Энеолитические исследования в Южном Зауралье всегда имели ярко выраженную личностную окраску. Они инициировались и проводились исключительно отдельными личностями. Уход личностей из науки или жизни, переход к исследованию других регионов автоматически означал и прекращение исследований. Преемственности в изучении энеолита Южного Зауралья не сложилось. С уходом из жизни Н.П. Кипарисовой прекратились на время исследования стоянок в лесной зоне Южного Зауралья. Исчезла динамика в исследовании памятников Южнозауральского Приозерья после смены Л.Я. Крижевской объекта и региона исследований. После Г.Н. Матюшина никто до сих пор (более 20-ти лет) не изучал памятников Башкирского Зауралья. В.С. Мосин начал свои исследования в составе УКАЭ и изучает памятники энеолита Южного Зауралья практически единолично.

4 ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ В ЭНЕОЛИТОВЕДЕНИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

4.1 Вопросы культурной интерпретации памятников энеолита Северного Казахстана

В отношении Южного Зауралья Г.Н. Матюшин еще в 1982 г. обнажил проблему необоснованного выделения в этом регионе целого ряда культурных образований эпохи раннего металла и сделал первый шаг к их унификации, предложив объединить в одну культуру два из четырех выделенных К.В. Сальниковым культурных вариантов - кысыкульский и боборыкинский круглодонный с гребенчатой орнаментацией [9, с. 108]. Однако сам он выступал против отождествления памятников кысыкульского и суртандинского типов [9, с. 101-105]. Но и эта проблема сейчас решена удовлетворительно В.С. Мосиным, аргументированно доказавшим однокультурность суртандинских и кысыкульских материалов [48, с. 47-48]. Поэтому на сегодняшний день в энеолите Южного Зауралья проблема культурной интерпретации энеолитических материалов остро не стоит.

Одним из важнейших вопросов, влияющих на представления научного общества о процессах, происходивших в Северном Казахстане в эпоху энеолита, является ситуация, сложившаяся в связи с выделением здесь энеолитических культур. Суть проблемы состоит в том, что все энеолитические памятники Северного Казахстана - и Тургайского прогиба и Приишимья - В.Ф. Зайберт объединяет в одну энеолитическую культуру, называя ее ботайской по имени самого яркого и представительного поселения этой эпохи. Ареал ботайской культуры очерчивается В.Ф. Зайбертом довольно широко и включает «территорию в пределах Приишимья-Притоболья, район Южного Зауралья, зону Павлодарского и Усть-Каменогорского левобережья Иртыша, включая, возможно, восточную часть Центрального Казахстана» [3, с. 149-151] (рисунок А3).

В.Н. Логвин (впоследствии совместно с С.С. Калиевой) настаивает на выделении памятников Тургайской ложбины в самостоятельную терсекскую культуру (рисунок А9), апеллируя к факту выделения культуры со схожим названием («терсек-карагайская») А.А. Формозовым еще в начале 1950-х гг. [4; 11; 99].

В задачу настоящего подраздела диссертации входит исследование природы, содержания и оснований для этой полемики. Первоначально рассмотрим историю и аргументацию выделения терсекской культуры.

Для характеристики энеолита степного Притоболья В.Н. Логвиным первоначально за основу были взяты материалы стоянок Каинды 1-4, состоявшие к тому времени из фрагментов гребенчатой керамики, отщепового комплекса каменных орудий, немногочисленных пластин, двухплощадочного призматического нуклеуса и немногочисленных фрагментов керамики, орнаментированных в разных техниках: гладкой качалкой, отступающей палочкой, насечками [89, с. 74, 76]. Это уже позже, к 1989 г., с Каинды 3 были получены более представительные материалы [172, с. 41], интерпретированные как «чистый» комплекс [91, с. 58]. Хотя и с этой стоянки происходили пластины и двухплоща-

дочный призматический нуклеус [89, с. 74]. Культурная принадлежность каиндинских материалов В.Н. Логвиным в 1981 г. не определялась. Им было лишь установлено их сходство с материалами памятников, исследованных в разное время А.А. Формозовым, Л.А. Чалой, Г.Н. Матюшиным, - Иман-Бурлук 2, Терсек-Карагай, Коль и суртандинскими стоянкам, - на основании чего исследователем и была определена энеолитическая принадлежность стоянок Каинды 1-4.

Культурная принадлежность энеолитических материалов степного Притоболья кустанайскими учеными была определена лишь к 1984 г., когда они были соотнесены В.Н. Логвиным и С.С. Калиевой с терсек-карагайской культурой, по А.А. Формозову [173, с. 240].

И только в 1986 г. В.Н. Логвиным был поставлен вопрос о выделении в степном Притоболье самостоятельной позднеэнеолитической терсекской культуры [11]. Было заявлено о ее выделении на солидной источниковой основе (около 30 открытых и исследованных памятников) [91, с. 58-59]. Стационарными раскопками были исследованы лишь стоянки Соленое Озеро 1, Дузбай 2, 3, Бестамак. «Чистые» терсекские комплексы дали памятники Соленое Озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка и клад Аксу. Из них местонахождение у с. Ливановка, стоянка Евгеньевка 2 и клад Аксу были исследованы подъемными сборами. Материалы раскопанных к тому времени южнотургайских поселений Кумкешу 1 и Кожай 1 В.Н. Логвиным не были привлечены к характеристике выделяемой им культуры. Ее облик сформировали материалы северотургайских памятников Соленое Озеро 1, Дузбай 2, 3, Бестамак, Евгеньевка 2, местонахождение у с. Ливановка и клад Аксу.

В.Н. Логвиным было показано сходство терсекской культуры с соседними энеолитическими культурными образованиями - ботайской, аятской, суртандинской, а также указаны те признаки, которые позволяют все же считать ее отдельной культурой. В основном было обращено внимание на отличие терсекских материалов от суртандинских, что заключалось в более редком применении терсекцами тальковой примеси к глиняному тесту и практически абсолютном отщеповом характере терсекской каменной индустрии [11, с. 16-17].

В 1987 году В.Н. Логвин выступил с идеей об однокультурности ботайских и терсекских памятников [174].

К концу 1980-х гг. количество изученных терсекских памятников не изменилось, но основной акцент в их изучении был перенесен на южнотургайские памятники. С.С. Калиевой было практически повторно произведено выделение терсекской культуры [94]. При этом за основу характеристики практически всех признаков культуры были взяты материалы поселений Кожай 1 и Кумкешу 1, особенно это заметно в отношении керамики как важнейшего этнокультурного показателя [94, с. 8-10]. По сути дела, терсекская культура получила новый облик - облик южнотургайских памятников, сильно отличающихся по многим чертам от северотургайских.

В вопросе культурной атрибуции энеолитических памятников Северного Казахстана С.С. Калиева не оперирует понятием «ботайская культура», а говорит лишь о ее важнейшем памятнике - поселении Ботай [99, с. 54] и, как следу-

ет из контекста ее статьи, считает ботайские материалы терсекскими [99, с. 57-58].

По мнению С.С. Калиевой, отличия тургайских памятников от зауральских состоят, прежде всего, в кремневом инвентаре: 1) различные источники сырья, кварциты и кварцитопесчанники серого цвета у терсекцев и яшмы и черный кремний - у суртандинцев; 2) выше процент пластин на южнозауральских памятниках. Отмечены ею и различия в керамике. Южнозауральская керамика имеет примесь талька в тесте, ее сосуды короче терсекских, отличающихся большей вертикальностью пропорций. На этом основании она отстаивает культурную автономию терсекских материалов от суртандинских [99, с. 56-57].

В характеристике керамики увеличилась (до 44%) доля веревочной орнаментации в керамических комплексах культуры [94, с. 9]. В производстве южнотургайской керамики абсолютно преобладали в формовочных массах сложные рецепты (70%), использовались четыре типа искусственных отошителей (гранитная дресва, навоз крупных животных, шамот, дробленая ракушка), не менее четырех видов глин, два способа формовки сосудов (на шаблоне (с использованием ткани и без нее) и без шаблона), три способа конструирования тулова (лоскутный, спиральный, ленточный налепы). По форме выделяется семь групп сосудов [94, с. 8-9]. Такое сочетание технологических признаков требовало тщательной интерпретации с точки зрения применения историко-культурного подхода к изучению керамики [175], чего произведено не было.

Первоначально кустанайские ученые оперировали топонимом «степное Притоболье» [11], однако, затем переходят к использованию топонима «Тургайский прогиб» [4; 94] как более емкого. По всей видимости, это связано с территориальным расширением изучения терсекских памятников за счет тургайских степей, а также с количественным ростом этих памятников в тургайском регионе. С другой стороны, оперирование двумя топонимами одновременно - «тургайские степи» и «степное Притоболье» - усиливало бы впечатление о трансрегиональности терсекской культуры, как одного из уязвимых мест в обосновании культурной автономности и ее монолитности, на что указывает В.С. Мосин [48, с. 72-73]. Понятен и преимущественный интерес кустанайских ученых к южнотургайским материалам.

При всей остроте вопроса С.С. Калиева и В.Н. Логвин ни разу не привели теоретических обоснований для выделения терсекской культуры и не конкретизируют, что они понимают под археологической культурой, подходя к проблеме эмпирически [4; 94].

Таким образом, культура, с использованием в названии слова «терсекская», была выделена трижды. Первый раз это было сделано в 1951 г. А.А. Формозовым с названием «приуральская» или «терсек-карагайская» [176, с. 117]. Второй раз культура была выделена В.Н. Логвиным под названием «терсекская» в 1986 г. [11, с. 16-17]. В 1990 г. С.С. Калиева придала ей облик южнотургайских памятников, и на материалах Кумкешу 1 и Кожай 1 выделила два этапа ее существования [94, с. 15-16]. Фактически, материалы именно этих двух памятников лежат сегодня в основании выделения терсекской культуры. Остальные - около 30 памятников - лишь расширяют источниковую базу ее выделения, вы-

ступая в роли внушительного статистического фона, и уточняют некоторые ее характеристики. Материалы опорных памятников были опубликованы и стали доступны научному сообществу значительно позднее: клад Аксу и находки у с. Ливановка - в 1988 г., Каинды 3 - в 1992 г., Кумкешу 1 и Кожай 1 - в 1990 и 1997 гг. Полностью материалы по поселению Кожай 1 были опубликованы в 1998 г.

Все это заставляет внимательно отнестись к обоснованности выделения энеолитических памятников тургайского прогиба в самостоятельную культуру. Необходимо также уточнить правомерность использования кустанайскими учеными термина «терсекская», предложенного еще А.А. Формозовым, и правомерность их ссылок на его взгляды.

Поскольку мы можем считать, что изучение энеолита Северного Казахстана началось во вт. пол. 1970-х - нач. 1980-х гг. практически с «чистого» листа, то явно обозначается хронологический приоритет петропавловских ученых как в открытии и исследовании сразу нескольких однослойных долговременных памятников с мощным культурным слоем и жилищными конструкциями - поселений Ботай, Красный Яр, Васильковка IV (причем, поселение Ботай и сейчас продолжает оставаться самым ярким памятником энеолитической эпохи Северного Казахстана и Зауралья) [38, с. 435-436], - так и в постановке вопроса о выделении новой археологической культуры - ботайской, первая характеристика и датировка которой были даны В.Ф. Зайбертом уже в 1983 г. [10, с. 88-90]. Практически сразу ботайские материалы стали достоянием широкой научной общественности тогдашнего СССР. В первые же годы после их открытия было осуществлено комплексное изучение ботайской культуры, а его результаты - опубликованы. К 1985 г. (за год до постановки вопроса о выделении терсекской культуры) были охарактеризованы практически все основные категории артефактов и отраслей производства ботайской культуры: керамика, каменная индустрия, обработка кости, домостроение, ткацкое дело, хозяйство [40; 41; 42; 43; 44; 45; 68]. По сути дела, именно материалы ботайской культуры в течение первых десяти лет являлись единственно определяющими облик энеолита Северного Казахстана.

Таким образом, хронологический приоритет в выделении остается за ботайской культурой.

В.Ф. Зайберт в выделении ботайской культуры опирался на определение археологической культуры, сформулированное И.С. Каменецким [3, с. 134], поскольку именно оно позволяло первому реконструировать модель ботайской культуры как динамичную систему, позволяющую органично связать воедино артефакты, экологическую нишу, тип хозяйства и соответствующие им социальную структуру и духовный мир, а также объяснить механизм и причины трансформации культуры во времени [3, с. 134-144].

Построение модели ботайской культуры В.Ф. Зайбертом основано на структурной системе В.Ф. Генинга, рассматривающей функционирование общества как пресечение уровней социальной организации и сфер деятельности [3, с. 136]. При этом им разработаны проблемы экологической ниши, хозяйственно-

культурного типа ботайской культуры, ботайского социума, палеоэкономической структуры энеолита Северо-Казахстанского региона.

Таким образом, выделение ботайской культуры было поставлено В.Ф. Зайбертом на прочный теоретический фундамент. Даже оппоненты В.Ф. Зайберта признают фундаментальность обоснования выделения им ботайской культуры [99, с. 57].

Как видно из вышесказанного, осмысление и публикация энеолитических материалов кустанайскими учеными запаздывали. Поэтому в деле культурной интерпретации энеолитических памятников Тургайского прогиба перед ними стала дилемма: 1) пойти вслед за петропавловскими учеными и определить тургайские памятники как ботайские или 2) выделить их в качестве самостоятельной культуры. Они пошли по второму пути. Но для обоснования выделения в самостоятельную культуру практически идентичных ботайской культуре памятников кустанайским ученым явно не хватало одного только различия в их территориальной локализации. Правомерность выделения самостоятельной культуры они стали обосновывать, обращаясь к факту выделения еще в 1951 г. А.А. Формозовым приуральской или терсек-карагайской культуры. К тому же это сразу нивелировало хронологический приоритет в выделении ботайской культуры.

Поэтому нам необходимо выяснить, что понимал А.А. Формозов под терсек-карагайской культурой, чтобы определить, насколько обоснованна апелляция кустанайских ученых к факту ее выделения.

В эту культуру ученый объединял довольно широкий круг памятников Оренбургской, Кустанайской областей и Южного Зауралья. Поэтому он и применил для его обозначения, прежде всего, название с широким региональным подтекстом «приуральская культура». Название «терсек-карагайская» отражало лишь оперирование А.А. Формозовым в качестве эталона материалами стоянки Терсек-Карагай. Источниковой базой для А.А. Формозова явились подъемные материалы, собранные членами зоологической экспедиции МГУ в Наурзумском заповеднике со стоянок Терсек-Карагай и Аксуат [177], а также разукомплектованные коллекции Кустанайского музея, происходившие со стоянок Каратамарской, Южной Затобольской, Коль [178, с. 65-72] и собранные директором Кустанайского музея П.Я. Чернявским, Г.Е. Быковым и другими. Сам А.А. Формозов открыл и исследовал только одну стоянку - Садчиковскую.

По сути дела, А.А. Формозов оперировал только каменными орудиями, происходивших из подъемных сборов неспециалистов. Важнейшим культурно-дифференцирующим материалом - керамикой - он не руководствовался. Для культурного разграничения материалов стоянок он использовал два критерия: 1) характер каменной индустрии и 2) ландшафтная локализация [164, с. 52-54; 178, с.70-72].

Материалы этих стоянок А.А. Формозов разделил типологически на основе характера каменной индустрии на две группы и обе их отнес к эпохе неолита, и датировал концом III - началом II тыс. до н.э. [178, с.70-72]. Каменные комплексы стоянок пластинчатого облика стоянок Аксуат, Светлый Джаркуль,

Южная Затобольская, Каратамар, Садчиковка и стоянки в районе озера Убаган он посчитал близкими кельтеминарским [178, с.65-70].

Комплексы отщепово-бифасального облика со стоянок Терсек-Карагай и Коль он соотнес с материалами стоянки Кысы-Куль и объединил их в составе выделяемой им южноприуральской или терсек-карагайской культуры [176, с.117; 178, с.70-73]. Для правильного понимания сути выделенной им терсек-карагайской культуры важно иметь в виду то, что этот комплекс А.А. Формозов выделял в качестве неолитического и для того, чтобы подчеркнуть и проиллюстрировать свои утверждения о резком различии каменных индустрий памятников степной и лесной зон. К тому же, терсек-карагайская культура выделялась А.А. Формозовым для обширного региона Южного Зауралья и Тургайского прогиба и в его понимании отражала характер общности материальной культуры населения этих двух районов.

Таким образом, под терсек-карагайской культурой А.А. Формозов понимал материалы, происходившие с территории, на которой сейчас выделено несколько самостоятельных культур: турганикская в Оренбургской области, суртандинская и кысыкульская в Южном Зауралье, а собственно тургайские энеолитические памятники в начале 1980-х гг. были объединены в составе ботайской культуры. Поэтому можно с уверенностью говорить, что к концу 1970-х гг. содержание выделяемой А.А. Формозовым терсек-карагайской культуры исчезло, как в свое время это произошло с рядом культур Зауралья: шигирской (П.А. Дмитриев), горбуновской (В.М. Раушенбах), андреевской (Е.М. Берс), дмитриевской (Н.П. Кипарисова) и другими, что повлекло за собой и отказ от использования названия этих культур. Они стали достоянием историографии.

С нашей точки зрения, правильный и своевременный анализ содержания названия «терсек-карагайская культура» смог бы предотвратить его некорректное использование для обозначения части однородных энеолитических памятников Северного Казахстана, а значит - и их культурного обособления.

Собственно энеолитическая культура в степном Притоболье была выделена лишь к 1986 г. и имеет лишь частичное отношение к терсек-карагайской культуре в том виде, в котором ее выделял А.А. Формозов. Изучение памятников такого типа после начала 1950-х гг. не нашло своего продолжения. По сути дела, изучение энеолитических памятников во второй половине 1970-х гг. в Северном Казахстане началось с «чистого листа».

Однако материалы стоянок Терсек-Карагай и Коль не являлись опорными при выделении терсекской культуры ни для В.Н. Логвина, ни для С.С. Калиевой. Несмотря на многочисленность выявленных к началу 1980-х гг. энеолитических памятников в северной части Тургайского прогиба, ни один из них не стал таким ярким, как поселение Ботай. Они носили характер временных стоянок, в то время как поселение Ботай являлось базовым и долговременным. Предлагаемое в качестве сезонного зимнего поселения Соленое Озеро 1 по своей значимости практически не сопоставимо со столь ярким и масштабным памятником, как поселение Ботай.

С.С. Калиева и В.Н. Логвин признают практически полную идентичность терсекских и ботайских материалов, за исключением присутствия в последних

текстильной керамики и статистически необоснованном мнении о большем распространении на ботайской керамике ямочной орнаментации [4, с. 144-146].

Вместе с тем, они необоснованно считают, что степень близости ботайских и суртандинских материалов не меньшая. И именно исходя из правомерности факта выделения суртандинских и ботайских материалов в качестве самостоятельных культур, они и обосновывают легитимность выделения терсекской культуры: «Если признавать правомерность существования суртандинско-кысыкульской и ботайской культур, нет никаких оснований отказывать в этом терсекской» [4, с. 146]. По сути дела, это единственный аргумент кустанайских ученых. Но он несостоятелен, поскольку установлено, что древности суртандинской и ботайской культур действительно имеют значительные различия в таких важнейших признаках, как рецептура формовочных масс, размеры и конфигурация гребенчатых штампов, техника орнаментации, характер каменной индустрии, домостроение [48; 179]. Между ботайскими и терсекскими памятниками таких различий, как мы видим, нет.

Между тем, В.С. Мосин на основе тщательного анализа терсекской керамики поставил под сомнение внутреннюю гомогенность терсекской культуры и выделил в ней в два специфических по орнаментации и формам сосудов комплекса - северо- и южнотургайский, имеющих региональную локализацию. Северотургайская керамика, по его мнению, наибольшее сходство имеет с ботайской и кысыкульско-суртандинской, а южнотургайская - с керамическими комплексами Средней Азии [48, с. 69]. Поэтому он предлагает ботайские и северотургайские поселения объединить в единый культурный массив с «компромиссным» названием «ботайско-терсекская культура», а южнотургайские памятники выделить в качестве локального варианта этой культуры [48, с. 72-73]. Тем самым аргументировано подтверждается обоснованность стремления В.Ф. Зайберта объединить все энеолитические памятники Северного Казахстана в одну культуру.

По всей видимости, применение В.Ф. Зайбертом определения археологической культуры, данного И.С. Каменецким, для выделения ботайской энеолитической культуры на фоне уже выделенных суртандинской, аятской, липчинской и других соседних культур эпохи энеолита было оправдано. Но применение «чисто археологического» определения дает широкий простор для интерпретации даже незначительных отличий в археологических комплексах в качестве, как вариантов, так и самостоятельных культур. Считаю, что для преодоления искусственного культурного разграничения близких комплексов необходимо определение И.С. Каменецкого дополнять культурно-этнографическим содержанием определения археологической культуры, сформулированного М.В. Аниковичем. Определение археологической культуры М.В. Аниковича, основанное на приоритете внутренних связей и культурной традиции, является культурно-интегрирующим в рамках одной культурной традиции. В определении же И.С. Каменецкого явственен примат культурно-дифференцирующих параметров признаков артефактов.

Поэтому в деле решения вопроса культурной интерпретации памятников энеолита Северного Казахстана, на наш взгляд, необходимо подходить к изуче-

нию артефактов с точки зрения историко-культурного подхода, который (как это показал на примере керамики А.А. Бобринский) позволяет выявить существующие культурные традиции у населения, оставившего памятники, их сочетание и трансформацию во времени. Это, в свою очередь, позволит выявить, относятся памятники энеолита Северного Казахстана условно к одной культурной традиции (а, значит, и археологической культуре) или нет.

Таким образом, выделение археологической культуры, в соответствии с определением М.В. Аниковича, требует отличного знания не только материала исследуемых самим археологом памятников, но и культурных традиций соседних и отдаленных археологических культур, то есть значительной эрудиции и выхода за пределы исследуемого региона. Необходимо также обращение к теоретическим работам, соотнесение их с открытым археологическим материалом и - наоборот. А также - выявление связей внутри выделяемой культуры.

4.2 Вопросы моделирования общностей энеолитических культур региона

Осознание общих глубинных основ неолитических и энеолитических культур Зауралья и Северного Казахстана было характерно для исследователей на всем протяжении изучения неолита и энеолита обоих регионов.

Первым исследователем, поднявшим вопрос о существовании культурной общности памятников конца каменного века, расположенных на территориях восточнее Урала и Каспийского моря, был В.Н. Чернецов [19]. В.Н. Чернецов в одну общность объединил памятники позднего неолита и раннего металла, распространенные на огромной территории, включавшей в себя среднеазиатские пустыни, Казахстан, Западную Сибирь, Приуралье и Зауралье вплоть до Нижней Оби на основании сходства формы керамических сосудов, гребенчатой и прочерченно-волнистой орнаментации, микролитической техники и типа (асимметричные) наконечников стрел [19, с. 54-56, 59]. На этой территории «существовали очень близкие между собой культуры, являвшиеся генетически родственными локальными вариантами единой культурно-этнической общности» [19, с. 56]. Культурными стереотипами, определяющими облик и единство этой общности, исследователь считал кельтеминарские, типа стоянки Джанбас-Кала 4. Основу этой общности он определяет как культурно-этническую и рассматривает ее формирование под сильным влиянием неолитических племен пустынь Средней Азии [19, с. 54-55].

Формирование урало-среднеазиатской общности рассматривалось В.Н. Чернецовым в ходе процесса распада урало-сибирской этнокультурной общности, существовавшей в неолите в пределах лесной и субарктических зон на территории от Урала на западе до Енисея, р. Белой и Саян на востоке. Для ее материальной культуры было характерно господство пластинчатой вкладышевой индустрии с низкой ролью ретуши с такими типами орудий, как ножи на пластинах, пластины с боковыми выемками, резчики, наконечники стрел на пластинах с ретушированным острием, наконечники стрел с боковой выемкой, вкладышевые ножи, копья, дротики и кинжалы с лезвиями из неретушированных пластин, костяные игловидные и биконические наконечники, гарпуны. Ха-

ракетными чертами керамики являются округло-приостренное дно, сплошная орнаментация отступающей лопаточкой или палочкой. К концу неолита это культурное единство начинает ослабевать, и выделяются два культурных суб-ареала: западный - урало-иртышский и восточный - обско-енисейский [180, с. 12-14].

К.В. Сальников также признавал существование в неолите Урало-Казахстанской этнокультурной области и считал энеолитическое и раннебронзовое население Южного Зауралья автохтонами [181, с. 3], то есть продолжающими традиции этой общности.

А.А. Формозов памятники позднекаменного века среднеазиатских и казахстанских степей и пустынь вычленил из урало-среднеазиатской общности В.Н. Чернецова и объединил в составе микролитической зоны степной и пустынной Азии [164]. Главным объединяющим признаком стоянок конца каменного века степной и пустынной зоны Азии А.А. Формозов считал высокосовершенную специализированную технику выделки орудий из ножевидных пластинок при ограниченной роли двусторонней обработки [164, с. 48]. Он противопоставлял их комплексам лесной полосы Восточной Европы, Урала, Сибири, для которых он считал характерным ранний переход к отщеповым бифасальным формам и макроорудиям [164, с. 51]. Памятники Казахстана и Средней Азии он объединил в рамках отдельного района микролитической зоны степей и пустынь Азии со своими традициями пластинчатой индустрии камня, отличными от камнеобработки микролитических комплексов Забайкалья, Монголии, Манчжурии, районов Великой Китайской стены [164, с. 52-54].

Вместе с тем А.А. Формозов отмечает наличие разных керамических традиций и нюансов в камнеобработке у населения неолитических микролитических стоянок Средней Азии и Казахстана [164, с. 54]. В отличие от В.Н. Чернецова он резко возражает против этнического характера выделяемой им общности [164, с. 52, 56], отстаивая ее естественноисторическую основу, сформировавшуюся на базе общих закономерностей экономического развития населения в схожих ландшафтных условиях [164, с. 54, 56], и видит за общностью «культурно-хозяйственную зону» [164, с. 59]. Однако, как сейчас ясно, А.А. Формозов неправомерно расширил хронологическое существование микролитических стоянок Казахстана до энеолита включительно [164, с. 51].

В.И. Матющенко, также как и А.А. Формозов, выделял общность культур в рамках одной зоны, но лесной. Он прослеживал общность судеб, материальной культуры и этническое единство населения Приуралья, Зауралья и Западной Сибири в эпоху неолита на примере близкородственных верхнеобской и нижнеобской культур, аналогий в неолитических материалах шигирской и среднеуральской культур [182, с. 109-110]. Сохранение такой общности, генетически преемственной с неолитической, он прослеживал и в эпоху бронзы на материалах турбинской, томской и сузгунской культур. При этом он считал, что культурные связи в эпоху бронзы еще более возрастали [182, с. 111-116]. Автор концепции приоритет в распространении культурных элементов отдавал восточной культуре - томской - и определял вектор их распространения с востока на запад. Таким образом, элементы, характерные для томской культуры, прони-

кали в Приуралье. Это этническое единство нарушается только накануне I тыс. до н.э. под воздействием вторжения андроновских и карасукских племен [182, с. 116]. То есть, исследователь прослеживает широкое направление этнокультурных связей в рамках таежной зоны Западной Сибири без взаимодействия ее населения со степными культурами.

Таким образом, развитие западносибирского населения в эпоху неолита-бронзы В.И. Матющенко представлял себе на автохтонной основе в виде генетической преемственности между неолитическими и бронзовыми племенами. При такой постановке вопроса здесь нет места процессам иного характера. При этом в рамках сопоставления турбинской, томской и сузгунской культур сравнивались, как теперь уже известно, материалы разных эпох - энеолитической, раннебронзовой, развитой бронзы, которые на уровне знаний того времени объединялись в один культурный комплекс. Поэтому, с точки зрения современного научного знания, эта концепция В.И. Матющенко представляет лишь историографический интерес.

М.Ф. Косарев, будучи сторонником существования общности неолитических культур и ее распада в конце неолита, уже в 1966 г. выдвинул тезис об образовании к началу бронзового века в Обь-Иртыше трех линий развития, определяемых на основании территориальной локализации представляющих их памятников: самусьской, томской, среднеиртышской. Последняя представлена энеолитическими памятниками екатерининского типа и комплексами, относящимися к развитому бронзовому веку [183, с. 24-25], отражающими процесс формирования самодийской этнической ветви [183, с. 30].

В этом же ключе (обособления нескольких линий развития) М.Ф. Косарев впоследствии стал рассматривать и культурно-генетические процессы в конце неолита - бронзовом веке на обширной территории Зауралья и Западной Сибири. На основании материалов, полученных в ходе исследований Западно-Сибирской экспедиции Института археологии АН СССР в 1970-1976 гг., М.Ф. Косаревым была пересмотрена концепция о существовании в неолите и бронзе на Урале и в Западной Сибири единой западносибирской этнокультурной общности. Выяснилось, что уже как минимум в позднем неолите она распадается на «три основные линии преемственности культурных традиций, фиксируемых, прежде всего, по специфике орнаментальных комплексов: гребенчатая, гребенчато-ямочная и отступающе-накольчатая, соответствующие трем большим этнокультурным общностям, которые первоначально тяготели к разным частям Зауралья и Западной Сибири» [184, с. 15].

Позднее гребенчатая традиция, по мнению М.Ф. Косарева, разделяется на собственно гребенчатую и андронидную. Гребенчатая традиция (шапкульская культура) локализуется М.Ф. Косаревым севернее Тюмени, в северных районах Зауралья и Приобья. Андронидная (аятская и суртандинская культуры) - в районах, прилегающих к Южному и Среднему Уралу. Отступающе-накольчатая (памятники типа Самусьского могильника и Новокусковской стоянки) - в Среднем Зауралье, Тюменском Притоболье и юго-восточном Приобье. Гребенчато-ямочная (памятники типа Екатерининской стоянки и Байрык-Иска I) - в лесостепном и таежном Ишимо-Иртыше [185, с. 22; 186, с. 79].

Районы локализации указанных орнаментальных традиций М.Ф. Косарев соотносит с этнокультурными ареалами, то есть считает, что носителем той или иной орнаментальной традиции является конкретная этническая общность.

Взаимопроникновения на стыке этнокультурных ареалов приводили к формированию «гибридных» культур. Эти взаимодействия и определили во многом своеобразие локальных западносибирских культур энеолита [185, с. 22].

Таким образом, зауральские энеолитические культуры - аятскую, суртандинскую и шапкульскую - М.Ф. Косарев включал в разные общности, андронидную и гребенчатую, соответственно (правда, вычленившиеся из одной - гребенчатой). Липчинскую культуру он считал гибридной, возникшей на стыке взаимодействия населения андронидной (суртандинская культура) и отступающе-накольчатой общностей [185, с. 42].

Формирование общностей было сопряжено с важными социально-экономическими событиями - освоением металлообработки, внедрением в экономику производящих отраслей хозяйства, активизацией миграционных процессов, углублением этнической дифференциации населения, оформлением нескольких параллельных линий культурной преемственности [186, с. 78]. По мнению М.Ф. Косарева, это звенья одной цепи, но пока не удастся выявить четкой последовательности их причинно-следственных связей. Ключ к пониманию истоков этнокультурной дифференциации древнего населения Западной Сибири следует искать в экологической специфике районов, определившей особенности хозяйственного уклада локальных коллективов. Четыре культурные традиции были первоначально приурочены к разным экологическим районам с разными типами присваивающего хозяйства [186, с. 80].

Таким образом, М.Ф. Косарев исходил из концепции этнизации ХКТ [187], что является апологетикой автохтонизма в рассмотрении истории культур, против чего он сам же и выступал. То есть, в итоге, противоречил сам себе.

Представления о существовании в неолите и бронзовом веке в урало-западносибирском регионе культурной и этнокультурной общности, по его мнению, являются устаревшими, а повторение их учеными - анахронизмом, дающим неправильное направление научному поиску [186, с. 79].

В определении одной из культурных традиций - андронидной - М.Ф. Косарев следует в русле ретроспективного подхода, хотя, исходя из современных представлений о формировании андроновской культуры, такое название теряет свое историческое обоснование. К тому же, в настоящее время под андронидными подразумевают культуры, сложившиеся под воздействием федоровской культуры [188], а не предшествующие андроновской культуре.

Таким образом, в результате изучения нео-энеолитических памятников Зауралья, Западной Сибири и Казахстана в 1960-е - начале 1980-х гг. археологи отошли от взглядов В.Н. Чернецова о существовании трансзональной общности на базе кельтеминарских стереотипов. Хотя наличие кельтеминарских наконечников стрел на энеолитических памятниках Притоболья указывало на правоту некоторых взглядов В.Н. Чернецова. Сформировались две традиции во взглядах на основу общностей: культурно-хозяйственную и этнокультурную. Выделение

общностей стало осуществляться в рамках ландшафтных зон - степной и лесной, а затем - и по техникам орнаментации.

Однако открытие в 1980-х гг. энеолитических памятников на территории Северного Казахстана, а затем и выделение на их основе самостоятельных культур, в своих важнейших признаках схожих с рядом энеолитических культур Зауралья, заставило археологов, изучающих эти культуры, изменить свои взгляды на облик и содержание энеолитических общностей.

По сути дела, традиция включения энеолитических комплексов Зауралья и Северного Казахстана с гребенчато-геометрической орнаментацией и отщеповой индустрией в одно целое берет свое начало с объединения А.А. Формозовым тургайских и орских памятников с открытыми К.В. Сальниковым кысыкульскими материалами в одну, терсек-карагайскую культуру [176, с. 117; 189, с. 11-18]. Тем самым осознавалось принципиальное единство материалов Южного Зауралья и Тургайского прогиба. К.В. Сальников, выступая за культурную самостоятельность кысыкульских материалов, все же признавал их сходство с тургайскими [7, с. 28-30].

Таким образом, единство прослеживалось между только известными тогда терсекскими и кысыкульскими материалами в форме оппозиции: одна культура - родственные культуры. По этому же пути формировались взгляды Г.Н. Матюшина, который открытые в начале 1980-х гг. приишимские энеолитические памятники (в первую очередь, поселение Ботай) включал в круг одной культуры - суртандинской - на основании сходства отдельных признаков и предполагаемого им механизма их формирования вследствие расселения на восток суртандинцев [9, с. 111-113]. По сведениям кустанайских ученых, в круг суртандинских исследователей включал и северо-тургайские памятники [4, с. 142; 99, с. 56]. Таким образом, причиной формирования общности памятников Южного Зауралья и Северного Казахстана, по Г.Н. Матюшину, было происхождение энеолитического населения из одного центра.

Северо-казахстанские ученые с самого начала смотрели на проблему значительно шире. Еще в 1983 г. В.Ф. Зайберт выступил с тезисом о существовании генерального процесса сложения в урало-иртышском регионе новых культурно-исторических образований на базе местных неолитических культур. Он выделил общую основу (и причину) сложения новых культур в виде перехода их населения к производящей экономике в форме скотоводства и земледелия [10, с. 90]. При этом В.Ф. Зайберт ограничивается территорией Урало-Иртышского междуречья, а идея экономического основания культурной общности становится ведущей для него и других исследователей ботайской культуры.

В 1984 г. В.Ф. Зайбертом и О.И. Мартынюком существование такой общности было предположено на основании широкого распространения в энеолитических культурах одних и тех же элементов орнамента [46, с. 89]. Однако это мнение не было подкреплено привлечением широких аналогий, не были конкретизированы ни памятники, ни культуры, а также общие орнаментальные мотивы. Поэтому их мнение осталось тогда только мнением. Не было также дано наименования выявленной ими культурно-исторической общности. Вопрос о

характере взаимоотношений носителей суртандинской, ботайской и других культур этой общности был ими оставлен открытым.

В последующем О.И. Мартынюком конкретизируется сходство в керамике, которое заключается, по его мнению, в преобладании в орнаментальных композициях треугольников, зигзагов, косых линий и прочих мотивов, и высказывается мысль о том, что сходство в орнаментике является лишь внешним выражением консолидации населения обширной территории «на основе развития производительных сил общества, утверждения производящего типа хозяйства и развития этнокультурных связей» [41, с. 70-71].

В.И. Зайтовым такого рода сходство было прослежено в каменной индустрии ряда энеолитических культур. В качестве критерия сходства он использует характер индустрии, на основании чего в одну общность в статусе равноправных культур он включает суртандинские, терсекские и ботайские памятники, характеризующиеся доминированием отщеповой техники обработки камня. Этой общности он противопоставляет памятники лесного и, частично, лесостепного Зауралья и Западной Сибири, где преобладает пластинчатая индустрия при незначительном количестве отщеповых форм орудий [51, с. 21-24]. Объясняя прослеженное им сходство, В.И. Зайтов следует за А.А. Формозовым, который в свое время дал культурно-хозяйственную интерпретацию существования микролитической зоны азиатских степей [164, с. 59].

Наиболее концептуальное выражение и разработка культурно-хозяйственного обоснования выделяемой культурно-исторической общности нашли во взглядах главы северо-казахстанской археологической школы - В.Ф. Зайберта [3, с. 148-152]. Энеолитические памятники Урало-Иртышского междуречья он рассматривает в качестве составных частей единой хозяйственно-территориальной структуры, сложившейся в схожих ландшафтных условиях в благоприятной климатической обстановке и в процессе перехода к производящему хозяйству и оседлому быту. Объединяемые им в ее рамках суртандинские, терсекские, ботайские, усть-нарымские и турганикские памятники, по его мнению, могли функционировать «асинхронно, но при наличии определенных культурных или генетических связей» [3, с. 150]. Наибольшее сходство между региональными группами этой структуры проявляется в каменном инвентаре, керамика же демонстрирует существенные различия [3, с. 150].

Хозяйственно-территориальная структура является основой выделяемой В.Ф. Зайбертом культурно-исторической области, которой он дал детерминатив территориально-ландшафтного характера - «урало-иртышская». Отдавая предпочтение второму варианту (из двух, им предлагаемых) создания модели ботайской культуры, В.Ф. Зайберт тем самым видит за энеолитическими культурами этносоциальные организмы, а за культурно-исторической областью - ряд близкородственных этносов [3, с. 151].

В 1986 г. В.Н. Логвин также признал существование общности энеолитических культур в Северном Казахстане и Зауралье, включающей в себя родственные, но самостоятельные культуры. В качестве главного критерия общности им были выделены геометризм в орнаментации и вертикальное членение орнаментального поля. На этом основании В.Н. Логвин, помимо ботайской, терсекской

и суртандинской культур, включил в одну общность с ними аятскую и липчинскую культуры [11, с. 22]. В.Н. Логвиным эта общность тогда также была оставлена без определения.

Взгляды В.Н. Логвина на общность энеолитических культур были развиты и концептуализированы С.С. Калиевой в 1990 г. В один культурный круг она объединила памятники терсекской, липчинской, кысыкульской, аятской культур и Ботай на том же самом основании, что и В.Н. Логвин, дав наименование этому объединению «общность культур геометрической керамики» [99].

Выделение кустанайскими учеными стиля орнаментации в качестве единственного критерия позволило расширить территориальные и культурные границы энеолитической общности. Основной ареал распространения энеолитических культур с геометрической орнаментацией С.С. Калиева очерчивает в пределах территорий, прилегающих к рекам Тобол, Ишим, Иртыш и их уральским притокам, на севере до Нижней Оби, на западе - до Приуралья. Вопрос о южных и восточных границах общности она оставляет открытым ввиду слабой изученности позднекаменного века Центрального Казахстана. По состоянию на 1990 г. (да и на сегодняшний день) самыми южными памятниками общности, по С.С. Калиевой, являются тургайские стоянки Кумкешу I и Кожай I [99, с. 54].

С.С. Калиевой было сформулировано обоснование избранного В.Н. Логвиным и ею критерия выделения энеолитической общности. Оно заключалось в том, что на фоне различной ландшафтно-географической локализации, стадийной разницы в хозяйстве только стиль орнаментации является общим для этих энеолитических культур [99, с. 54-55].

По мнению С.С. Калиевой, орнаментальное единство не зависело от хозяйственных занятий, а отражало этническое единство, на основании чего она предлагает рассматривать общность энеолитических культур Зауралья и Казахстана не в качестве культурно-исторической, а как этнокультурную или историко-этнографическую общность под названием «общность (область) культур геометрической керамики» [99, с. 55]. Существование локальных культур внутри этой этнокультурной общности она объясняет невозможностью нивелировки различий между группами населения, проживающими на огромной территории, вследствие низкой плотности взаимосвязей в условиях слабого развития коммуникаций [99, с. 55].

В 1997 г. С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным к первоначальному названию общности были добавлены географический и эпохальный детерминативы, и оно стало формулироваться как «зауральская общность энеолитических культур геометрической керамики» [4, с. 141]. Введение географического детерминатива ими не было прокомментировано. Однако, учитывая тенденцию в осмыслении исторических процессов в эпоху энеолита в том виде, в каком она сложилась в среде зауральских ученых в 1990-х гг., когда к ним перешла инициатива в изучении эпохи, можно с уверенностью говорить о том, что С.С. Калиева и В.Н. Логвин, тем самым, генератором эпохи признают культурно-генетические процессы, происходившие в Среднем Зауралье.

Это вступает в противоречие с ранее высказанным мнением В.Н. Логвина о сопряженности формирования энеолита Тургайского прогиба с синхронными процессами в степной зоне Восточной Европы, которая, по его мнению, являлась исходным резервуаром производящего хозяйства для степей Казахстана в эту эпоху [4, с. 156; 11, с. 23]. Формирование морфотипа терсекской лошади Л.Л. Гайдученко также связывает с сильным влиянием восточноевропейской популяции древней лошади [190, с. 80-81]. В.Ф. Зайберт, делая основной акцент на культурно-хозяйственное обоснование общности, также рассматривает развитие экономики ботайской культуры в ходе процесса становления и эволюции скотоводства в рамках всего региона евразийских степей.

С. Ф. Кокшаров, вслед за О. Н. Бадером [191, с. 157-158], оперирует определением «восточно-уральская культурно-историческая общность эпохи энеолита» (середина III - первая четверть II тыс. до н. э.), подразделяя историю ее существования на два этапа: ранний - липчинско-ботайский (вторая половина III тыс. до н. э.) и поздний - андреевско-волончинский (конец III - начало II тыс. до н. э.). На липчинско-ботайском этапе в ареал общности им включается территория между Уралом и Иртышом, ограниченная на севере водоразделами рр. Северная Сосьва, Тавда, Конда, на юге - Северным Казахстаном. На андреевско-волончинском этапе ареал расширяется до Мало- и Большеземельской тундр и Нижнего Приобья на север [192, с. 90].

А.Ф. Шорин пошел по пути расширения мира энеолитических культур, в которые входят энеолитические памятники Зауралья и Северного Казахстана (последние им либо не включаются, либо включаются на правах периферии). В одну энеолитическую общность он включает все культуры лесной зоны Урало-Поволжского региона: аятскую, липчинскую, гаринскую, новоильинскую, юртиковскую, волосовскую [134, с. 84]. Материалы суртандинского и кысыкульского типов также включаются, но не в качестве оригинальных культур, а как вариант региональной реализации липчинских и аятских культурных стереотипов в ходе их проникновения в среду гребенчатой постнеолитической культуры Южного Урала при контакте с степным скотоводческим населением, к которому, наряду с хвалынцами и ямниками, отнесены и ботайцы [134, с. 89].

Основаниями для объединения в одну общность столь большого количества энеолитических культур, распространенных на огромной территории, служат нивелирующие различия культур признаки сходства: 1) локализация в одной ландшафтной зоне - лесной; 2) господство гребенчатой орнаментации с преимущественно горизонтальной зональностью орнамента; 3) общие принципы домостроения; 4) господство отщеповой индустрии; 5) малочисленность или полное отсутствие погребальных памятников, демонстрирующих широкую вариабельность их черт [134, с. 84].

Эта общность противопоставляется А.Ф. Шориным культурам ямочно-гребенчатой керамики на западе, гребенчато-ямочной - на востоке и скотоводческим культурам хвалынско-ямного типа - на юге.

Внутри общности лесных культур Урало-Поволжского региона А.Ф. Шорин выделяет две «области (культурно-исторических общности) - восточную (или зауральскую) и западную (поволжско-приуральскую или волосовско-

гаринскую)» [134, с. 85] на основании уже дифференцирующих признаков (для зауральской области): 1) геометрическая орнаментация; 2) тальковая примесь в глиняном тесте; 3) для камнеобработки нехарактерны плитчатая техника и фигурный кремь; 4) в домостроении не характерны соединенные переходами жилища; 5) отсутствуют могильники и клады [134, с. 85].

Остальные энеолитические культуры и культурные типы (на севере - чужьяельские, атымьинские, воловончинские, моршининские, шапкульские, типа стоянки Ир II, на юге - ботайские и терсекские) А.Ф. Шорин исключает из зауральской области и позиционирует их соотношение с выделяемой им областью на уровне взаимодействия [34, с. 90]. Реплика о том, что они, «может быть, даже» входили «в нее, образуя ее северную и южную периферии» [134, с. 90], по сути дела не изменяет характер его концепции.

Особенно заметно стремление А.Ф. Шорина не включать энеолитические памятники Казахстана ни в общность лесных культур Урало-Поволжского региона, ни в восточную (зауральскую) область, относя их к степному скотоводческому миру [134, с. 89].

Приоритет в процессе формирования области он отдает липчинской и аятской культурам. По сути дела, распространение на юг лесных энеолитических стереотипов (на примере формирования памятников турганикского типа) А.Ф. Шорин считает заслугой аятского населения [134, с. 90]. Он считает, что зауральская область представлена, прежде всего, памятниками аятской культуры [134, с. 85], тем самым увеличивая ее значение до определяющей облик энеолита, направленность и характер процессов в регионе. Заметим, что это делается в отношении культуры, которая не представлена однослойными и эталонными памятниками, и с бедной историографией ее изучения.

Н.М. Чаиркина выделяет зауральско-североказахстанскую культурно-историческую общность эпохи энеолита на основе существования «устойчивых черт сходства керамики, отдельных типов каменного и глиняного инвентаря». Формирование общности происходит на втором этапе развития энеолита (сер. III тыс. до н.э.) в составе трех провинций: северной (йоркутинские, пернашорские, ортинские, чужьяельские, концеборские типы памятников, комплексы типа унига(?), ранний гребенчатый комплекс сартыньинской культуры), центральной (волвончинские памятники, шапкульская, аятская, суртандинская культуры) и южной (ботайская и терсекская культуры) [145].

Но исследовательница, по сути дела, не предлагает своих критериев для объединения культур и памятников в культурно-историческую общность (КИО), за исключением разве пространственного. Включение ею в состав КИО шапкульской культуры, керамика которой отличается простой орнаментацией, нивелирует такой объединяющий в остальном разные культуры критерий, как геометрический стиль орнаментации и вертикальное членение орнаментального поля.

В качестве механизма формирования общности Н.М. Чаиркиной рассматривается постулируемое ею происхождение энеолитических памятников Зауралья и Северного Казахстана из одного центра - лесного Зауралья - и однонаправленная динамика трансформации бинарных (отступающе-накольчатых и гре-

бенчатых) технико-морфологических показателей орнамента в гребенчатые с последующим распространением населения из лесного Зауралья на север и юг вдоль восточного склона Урала [145, с. 45]. Это является модификацией концепции Г.Н. Матюшина, который происхождение терсекских и ботайских памятников связывал с миграцией суртандинского населения с озер Башкирского Зауралья и на этом основании включал их в одну суртандинскую культуру. В отношении же предоставления липчинским стереотипам (и памятникам Среднего Зауралья вообще) в этом процессе ведущей роли концепция Н.М. Чаиркиной является развитием взглядов А.Ф. Шорина [134, с. 90].

В.С. Мосин на основании обработки массового керамического материала типолого-статистическими методами выявил большую близость энеолитической посуды Северного Казахстана и Южного Зауралья, которая проявляется в: 1) однотипности морфологических признаков, техники нанесения орнамента, орнаментальных мотивов, композиционном построении орнамента; 2) близком процентном соотношении простой и геометрической керамики; 3) оригинальности геометрических композиций; 4) подчиненном характере ямочной орнаментации. Различия в керамике заключаются в: 1) малом проценте неорнаментированной посуды и примеси талька или слюды в тесте (для Южного Зауралья) и 2) текстильных отпечатках на части гребенчатой и неорнаментированной посуды (для Северного Казахстана) [48, с. 69-70].

Прослеженное В.С. Мосиным сходство энеолитической керамики Северного Казахстана и Южного Зауралья позволило ему также объединить ее, наряду с аятской (существование липчинской культуры ставится им под сомнение), в одну общность - «этнокультурную общность культур гребенчатой керамики с простыми и геометрическими мотивами» [48, с. 70]. Как и С.С. Калиева, он определяет эту общность в качестве этнокультурной, но более полно отражает стилевое содержание орнаментики керамики включаемых в общность культур. Вместе с тем, применение термина «гребенчатая» в этой конструкции, с нашей точки зрения, является избыточным, поскольку не отражает всего многообразия бытовавших в энеолите региона техник орнаментации (гребенчатой, веревочной, ложношнуровой).

Исходя из специфики традиций производства и украшения керамики памятники внутри общности группируются им в два культурных компонента: в один из них объединяются аятские и кысыкульско-суртандинские комплексы Зауралья, в другой - терсекские и ботайские материалы. При этом, как было указано выше, ботайские и северотургайские поселения объединяются В.С. Мосиным в единый культурный массив с «компромиссным» названием «ботайско-терсекская культура», а южнотургайские памятники выделяются им в качестве локального варианта этой культуры [48, с. 72-73].

В.Н. Мосин считает несущественными аргументы Г.Н. Матюшина, выдвигаемые им для культурной дифференциации памятников суртандинской и кысыкульской (по Л.Я. Крижевской) культур. Он предполагает отсутствие в энеолите ландшафтных различий на озерах Башкирского Зауралья и Кыштымского края (Южнозауральского Приозерья). Веревочная и ложношнуровая керамика равно присутствует в материалах обеих культур. Исключая существова-

ние различий в комплексах обоих типов, В.С. Мосин предлагает объединить их в рамках одной, кысыкульско-суртандинской культуры [48, с. 73-74]. Возможно, следовало бы в таком же ракурсе рассмотреть и аятские древности, имеющие ту же тальковую рецептуру формовочных масс, что и кысыкульско-суртандинские.

В отличие от А.Ф. Шорина, В.С. Мосин включает энеолитическую керамику Зауралья и Северного Казахстана в более широкий культурный ареал - в один круг с гребенчатой, гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамикой лесной полосы от Зауралья до Прибалтики, также противопоставляя его культурному миру энеолита степи и лесостепи Восточной Европы [48, с. 102].

Близость культур общности, с его точки зрения, обусловлена этническим родством населения лесных культур указанной территории, соотносимого им с носителями финно-угорских языков. Обособление к середине III тыс. до н.э. зауральской энеолитической общности гребенчатой керамики с простыми и геометрическими мотивами, считает В.С. Мосин, соответствовало «распаду финно-угорской общности и выделению угорского праязыка» [48, с. 102-103].

Таким образом, мы видим, что существует целый спектр мнений о критериях, составе, ареале, основе выделения общности энеолитических культур Зауралья и Северного Казахстана. Первоначально общей считалась техника орнаментации (А.А. Формозов и К.В. Сальников), затем - облик инвентаря (Г.Н. Матюшин). Северо-казахстанские ученые предложили два критерия: стиль (С.С. Калиева и В.Н. Логвин) и хозяйство (В.Ф. Зайберт). Выделение по стилю позволило включить культуры с присваивающей экономикой. Гипостасизирование критерия техники орнаментации А.Ф. Шориным и В.С. Мосиным неоправданно расширяет границы общности от низовий Оби до Приуралья и Прибалтики соответственно, что заставляет выделять внутри ее локальные общности (области). У Н.М. Чаиркиной критерием выступает однонаправленная динамика культурно-генетических процессов, генератором которых является один центр - Среднее и Южное Зауралье. Это также расширяет круг общности до низовий Оби и северо-западного Приуралья.

Для таких зауральских ученых, как А.Ф. Шорин и Н.М. Чаиркина, исследующих культуры с присваивающей экономикой, характерно резкое отграничение этих культур от терсекской и ботайской. Представление об их скотоводческой экономике и степная-лесостепная локализации последних заставляют зауральских ученых рассматривать эти культуры в лучшем случае в качестве периферийных эпигонов, которые в результате контактов со скотоводческим миром изменяют свой тип хозяйства. В худшем же случае - исключать их из общности энеолитических культур, в рамках которых объединяются только культуры по ландшафтному принципу - расположению в лесной зоне, переориентируя связи с меридиональных на широтные. Однако применение ландшафтного критерия заставляет А.Ф. Шорина объединять в составе общности те культурные ареалы, которые не только имеют кардинальные отличия, но и сами по себе являются общностями гигантских территориальных, культурных и хронологических масштабов: гаринско-волосовскую и общность культур Зауралья и Северного Казахстана, как бы она ни называлась.

Вопрос о выделении культурно-исторической общности важен не сам по себе, а как отражение представлений исследователей о характере историко-культурных и этнических процессов в регионе в эпоху энеолита вообще. Концепция выделения культурно-исторической общности, с нашей точки зрения, есть квинтэссенция взглядов того или иного ученого на суть этих процессов.

Вероятно, что в разночтениях по вопросу выделения общности и формулирования ее названия отражены самые насущные проблемы изучения энеолита Зауралья и Северного Казахстана. Нет единства в том, что является основным содержанием эпохи, в системном осмыслении сути происходивших процессов, в характере формирования общности (конвергентно и автохтонно на всей ее территории, из одного очага путем миграции либо под мощным миграционным воздействием извне и т.п.). Однако, существует принципиальное единство во взглядах археологов на культурное единство энеолитических памятников Северного Казахстана и Зауралья.

4.3 Вопросы моделирования экономического контекста энеолитических культур

Полученные материалы с энеолитических памятников Северного Казахстана и Южного Зауралья позволили поставить вопрос о становлении здесь в раннеметаллическую эпоху производящего хозяйства в виде скотоводства. Первым по времени положительно решать эту проблему стал Г.Н. Матюшин, основываясь на материалах поселений неолита-энеолита Южнозауральского Приозерья [139]. Затем, основываясь на северо-казахстанских материалах, свои выводы стали формулировать казахстанские археологи и палеозоологи - В.Ф. Зайберт, С.С. Калиева, В.Н. Логвин, Л.Л. Гайдученко, Л.А. Макарова, Т.Н. Нурумов. Все они отстаивают принадлежность хозяйства изучаемых ими энеолитических культур к производящей скотоводческой экономике. Представляется важным исследование истории вопроса и обзор доказательств, приводимых исследователями для решения данной проблемы, с тем, чтобы определить ее состояние на сегодняшний день.

В Южном Зауралье и на восточном склоне Южного Урала костные остатки обнаружены Г.Н. Матюшиным на 9 памятниках неолита и энеолита: Суртанды I (чисто неолитический памятник), Юбилейное, Банное II, Суртанды VIII, Карабалыкты VIII (однослойные энеолитические памятники суртандинской культуры), Мурат, Березки, Суртанды VI и VII (отложены неолитические и энеолитические материалы) [139, с. 13]. Их определение произведено В.П. Данильченко [9, с. 283, прим. 3].

Относительные показатели костных остатков домашних животных из этих памятников очень велики [139, с. 13]: Юбилейное - 66,6%, Банное II - 90%, Суртанды III - 80%, Мурат - 93,2%, Березки - 80,7%, Суртанды VI - 60%, Суртанды VII - 66,6%. Доля лошади в них составляет: Банное II - 90%, Суртанды III - 60%, Мурат - 66,6%, Березки - 68,2%, Суртанды VII - 33,3%. Также велика доля крупного (Юбилейное - 66,6%, Суртанды VII - 33,3%, Мурат - 26,6%, Березки - 9,3%) и мелкого рогатого скота (Юбилейное - 33,4%, Березки - 12,5%) [139, с. 13-14] (таблица А7).

Такой состав костных остатков животных позволил Г.Н. Матюшину сформулировать вывод о производящем характере экономики населения суртандинской культуры и о зарождении его не позднее раннего неолита. Происходит это вместе с появлением на Южном Урале не позднее VIII тыс. до н.э. с территории Иранского нагорья и Восточного Прикаспия ассиметричных трапеций типа А1, которым на памятниках типа Джармо, Шанидар, Зарзи VI, Белт, Зави-Чеми также соответствует производящее хозяйство [139, с. 18-20]. Извне, вместе с крупным и мелким рогатым скотом, привносится навык domestikации. Домestikация лошади происходит самостоятельно.

Но развитие природно-климатической ситуации в энеолите, а также ландшафтные особенности Приозерья Южного Зауралья в условиях Махачкалинской регрессии Каспийского моря, начавшейся в конце IV тыс. до н.э., лимитировали развитие здесь производящей экономики. Все это способствовало миграции суртандинского населения на сопредельные территории Приуралья и Северного Казахстана [141, с. 36-38] и долины соседних мелких рек [141, с. 31]. В степных условиях Южного Зауралья и Северного Казахстана происходит интенсификация скотоводства в виде специализации на коневодстве, что нашло яркое выражение в позднесуртандинских памятниках на территории Северного Казахстана, к которым Г.Н. Матюшин причисляет Ботай, Солёное Озеро 1, Бестамак и другие [141, с. 30]. Крупный рогатый скот начинают разводить в ограниченном количестве, а мелкий рогатый скот исключается из стада. Ботай Г.Н. Матюшин относит уже к специализированному коневодческому поселению [141, с. 50].

Безусловно, на первый взгляд цифровые показатели и видовой состав костных остатков домашних животных выглядят внушительно (таблица А7). Однако, внимательный анализ абсолютных показателей, топографической приуроченности поселений, всего археологического комплекса памятников в значительной степени нивелирует это впечатление.

Абсолютное количество костных остатков и особей на указанных выше поселениях Южного Урала очень мало для диких и домашних видов в целом: Банное II - 10 костей, Юбилейное - 6 костей от двух особей, Суртанды VIII - 5 костей от двух особей, Березки - 32 кости, Мурат - 15 костей от пяти особей, Суртанды I и Карабалыкты VIII - по одной кости [139, с. 13] (таблица А7).

На поселении Мурат обнаружены кости лошади и крупного рогатого скота, на поселениях Суртанды VII и VIII - лошади и лося; на поселении Банное II - лошади и северного оленя; на поселении Юбилейное - крупного и мелкого рогатого скота; на поселении Березки - лошади, крупного и мелкого рогатого скота, лося [9, с. 278] (таблица А7); на поселении Карабалыкты VIII в одной публикации - крупного рогатого скота [139, с. 14], в другой - мелкого рогатого скота [9, с. 278].

Если основываться на оперировании относительными данными, то, исходя из единственной кости с поселения Карабалыкты VIII, которая отнесена к крупному рогатому скоту (мелкому рогатому скоту), следует предполагать на 100% домашний состав стада жителей этого поселка в энеолите, который к тому же полностью состоит из коров и быков (овец). Таким образом, источник-

вая база для ответственных выводов о скотоводческом характере хозяйства населения Южного Зауралья в неолите и энеолите непредставительна.

Настораживает присутствие на памятниках костей мелкого рогатого скота. Присутствие этого вида скота в соседних регионах (восточнее Урала) ранее бронзового века не фиксируется. Трехкомпонентный состав стада, сформированный даже в степной зоне только в бронзовом веке, также выглядит для неолита аномалией на общем фоне и уровне развития хозяйства этой эпохи на территории восточнее гор и реки Урал.

В качестве доказательства правильности отнесения остатков лошади с памятников неолита и энеолита Южного Урала к домашней форме Г.Н. Матюшин приводит известный науке факт об отсутствии в регионе диких форм мелкого и крупного рогатого скота, что предполагает их заимствование местным населением в уже одомашненном виде [139, с. 15]. Это справедливо и давно установлено. Но открытым остается вопрос, действительно ли костные остатки этих животных принадлежат к неолитическим и энеолитическим комплексам? Дело в том, что нео-энеолитические поселения Южнозауральского Приозерья занимают значительные территории, но культурный слой фиксируется только в седловинках между всхолмлениями без антропогенных напластований. Перепады высоты часто значительны и не исключают формирования (в результате дефляционных процессов) эффекта обратной стратиграфии. Практически отсутствует стратиграфическая обособленность суртандинских слоев стерильными прослойками.

К тому же в течение неолита и энеолита не изменяется топографическая приуроченность поселений к берегам проточных озер Южного Зауралья, что более характерно для населения, специализирующегося на рыболовстве (что подтверждают и находки грузил на суртандинских поселениях).

При этом, необходимо иметь в виду, что раскопки Н.П. Кипарисовой и Л.Я. Крижевской памятников эпохи раннего металла на озерах Иткуль, Черкаскуль, Чебаркуль, Большое и Малое Миассово не дали костных остатков. На этом основании Л.Я. Крижевская пришла к выводу, что освоение металлургии меди местным населением не привело в Южном Зауралье к переходу от присваивающей экономики к производящим формам хозяйства [8, с. 5, 109-112].

Ряд же исследователей считает, что остатки лошадей из неолитических слоев Южного Приуралья и Зауралья следует относить к диким видам [193, с. 52].

Таким образом, материалы Г.Н. Матюшина в пользу существования скотоводства на озерах Южного Зауралья в эпоху энеолита малочисленны и неубедительны как сами по себе, так и на фоне материалов, полученных другими исследователями энеолитических памятников региона. Неудивительно, что сегодняшний исследователь энеолита Южного Зауралья В.С. Мосин обходит молчанием вопрос об экономике суртандинского населения. Вместе с тем, рассматривая вопросы механизмов и путей распространения каменного сырья на территории Южного Зауралья в энеолите, он говорит о местном населении как о сезонно мигрирующих общинах рыболовов и охотников на диких копытных - лошадь и тура [171, с. 174-180].

Проанализировав орудийный комплекс суртандинских памятников, С.И. Эверестов приходит к компромиссному выводу о том, что «на Южном Урале в условиях примитивного производящего хозяйства рыболовство не могло терять своего значения, а наоборот, в связи с разведением лошадей, могло получить дальнейшее развитие, оставаясь на одном из первых мест» [194, с. 33].

Вместе с тем, в среде зауральских археологов все же утвердилось мнение о более прогрессивном развитии суртандинского населения по сравнению с лесным Зауральем и Нижним Притобольем, в том числе и в области производящей экономики. Именно из Южного Зауралья предполагается заимствование скота населением ташковской культуры [195, с.160].

В 1964 г. при раскопках поселения Кокуй II на Ишиме Л.Я. Крижевской было вскрыто погребение двух быков, расположенных «валетом», интерпретированное исследовательницей как ритуальное [22, с. 159-160; с. 160, рисунок 3]. Поселение автором раскопок было определено как однослойное энеолитическое [22, с. 153], либо раннебронзовое [22, с. 158], что является для Л.Я. Крижевской, применительно к материалам региона, синонимами. Был сделан вывод о существовании в энеолите лесостепья Западной Сибири производящего хозяйства в виде скотоводства «вторичного типа», сложившегося под влиянием «южных соседей» [8, с. 109; 22, с. 161].

В то же время, отсутствие костных остатков домашних животных с исследованных к этому времени поселений Южнозауральского Приозерья Латочка, Кораблик, Няшевка II, местонахождение Чартоньш II в одноименном гроте на оз. Большое Миассово, Чебаркуль IV на озере Чебаркуль (раскопки Л.Я. Крижевской), поселений Янышка на оз. Малое Миассово, В воротах и Зимник на оз. Большое Миассово (раскопки Н.А. Федюновой), поселения Кысы-Куль (раскопки К.В. Сальникова) позволили Л.Я. Крижевской считать, что освоение металла здесь произошло в среде рыболовов и охотников и не стало основой для перехода к производящему хозяйству [8, с. 107].

В итоге исследовательницей делается вывод о существовании в Южном Зауралье не только двух обособленных культурных образований (в лесостепье Исетско-Тобольского и Ишимского бассейнов и в Южнозауральском Приозерье), но и разных путей развития их хозяйства [8, с. 107-108].

Однако плоскодонность, биконическая форма сосудов с поселения Кокуй II свидетельствуют о принадлежности и поселения, а, следовательно, и захоронения животных не к энеолиту, а к ранней бронзе в современном понимании этой эпохи. Таким образом, сравнению подверглись культурные образования разных эпох, причем материалы по хозяйству раннебронзового населения были отнесены к энеолиту. Сами же энеолитические материалы, полученные Л.Я. Крижевской, как и материалы К.В. Сальникова и Н.П. Кипарисовой, не дают свидетельств существования скотоводства в Южном Зауралье в эту эпоху.

В качестве аргументов для обоснования существования в ботайской культуре хозяйства производящего типа в виде коневодства В.Ф. Зайбертом привлекается целый комплекс материалов. К ним относятся данные остеологических определений и морфобиометрических исследований, изделия, определяемые как имеющие отношение к использованию лошади в хозяйственных целях, а

также представления о хозяйственной жизни жителей поселения Ботай, сформированные в процессе его исследования, и общие теоретические построения [3].

Кости с поселения Ботай анализировались целым рядом палеозоологов - Л.А. Макаровой в 1981 г., Т.Н. Нурумовым совместно с Л.А. Макаровой в 1983-1986 гг. [58, с. 40], Н.М. Ермоловой в 1982 г. [59, с. 87-89], И.Е. Кузьминой в 1988 г. [60]. Остеологический материал поселений Роцинское и Баландино определен Л.А. Макаровой и Т.Н. Нурумовым [58, с. 53].

Уже только по количеству костных остатков поселение Ботай является уникальным памятником. С поселения происходят сотни тысяч костей животных, и почти все они принадлежат лошади. Они дали бесценный как в качественном, так и в количественном отношении материал для остеологических исследований и разносторонней характеристики морфологического облика энеолитической лошади западноазиатских степей

Прежде всего, в деле отнесения лошади к домашней форме учеными большое внимание уделяется обилию остеологических остатков в материалах эпонимного поселения и высочайшей доли в них остатков лошади - 99,9%. Но, в то же время, такое соотношение костных остатков для Н.М. Ермоловой было основанием для отнесения их к продуктам охоты [59, с. 87-89].

Другим аргументом являются результаты морфобиометрических исследований костных остатков лошади [58]. Преимуществом этих исследований является массовость обрабатываемого материала, исключая искажение выводов в результате непрезентативности выборки. Из 133 тысяч костей конечностей морфобиометрически были обработаны 10 тысяч костей, имеющих диагностическую ценность: метаподии, пяточные, таранные кости, нижние эпифизы длинных трубчатых костей конечностей, фаланги пальцев [3, с. 198].

Обработка морфобиометрических показателей продемонстрировала широкую внутривидовую морфологическую изменчивость ботайской популяции лошади как по степени тонконогости, так и по росту в холке. Эти данные были проанализированы исследователями в рамках сравнения с морфобиометрическими данными лошадей неолитических и энеолитических поселений Озерное и Деревка (Восточная Европа), Солёное Озеро 1 и эпохи бронзы - Атасу, Чаглинка, Конезавод III (Северный и Центральный Казахстан), с которыми была выявлена высокая степень сходства, за исключением несколько большей толстоногости ботайской лошади. То есть, кости ботайской лошади сравнивались с остатками лошадей, принадлежавших к условно одному хронологическому горизонту, что, при невыявленности на ее скелете доместикационных признаков, не может считаться надежным доказательством одомашненности энеолитической лошади Северного Казахстана. Поэтому неудивительно, что морфобиометрические параметры первых фаланг лошадей Ботая по абсолютным размерам (как и у лошадей с поселения Солёное Озеро 1) близки домашней лошади поселения Атасу [58, с. 50-51, 160-165].

Проведенное сравнение строения зубов ботайской и позднеплейстоценовой лошади [3, с. 199] имеет определенную научную ценность, но только в установлении факта большой разницы между ними по этому параметру. Но о том, при-

надлежит ли энеолитическая лошадь к домашней форме, данные этих исследований даже косвенно не свидетельствуют.

При этом все специалисты отмечают невыраженность доместикационных признаков на скелете домашней лошади, еще не подвергшейся сознательной селекционной работе.

Ряд костяных изделий с поселения Ботай интерпретирован как приспособления (или их части) для управления лошадью, что также используется для подтверждения доместичированности лошади. Но не только. В этом видится свидетельство освоения методов управления лошадью. Речь идет о реконструируемых псалиях и застезках для пут [66]. Если такая интерпретация соответствующих артефактов и предложенный вариант реконструкции примитивной узды верны, то это является весомым аргументом в пользу постулируемого В.Ф. Зайбертом характера использования ботайцами энеолитической лошади. Интересно, что это мнение находит себе подтверждение в положительных результатах методики изучения следов стертости от применения удила на зубах лошади, разработанной Д. Энтони и Д. Браун и примененной Д. Браун к зубам ботайской лошади [96, с. 244-245].

Что касается костных остатков крупного рогатого скота с поселений Ботай, Красный Яр, Рошинское, то они были отнесены палеозоологами к диким формам: короткорогому бизону, туру и туроподобному скоту [58, с. 40, 53; 59, с. 87]. На основании этого В.Ф. Зайбертом делается вывод о коневодческом направлении скотоводческой отрасли хозяйства ботайцев [3, с. 231] и, в то же время, формируется представление о разном составе стада ботайской и терсекской культур.

Если прав Л.Л. Гайдученко, относя кости тура на памятниках степной зоны эпохи голоцена к крупным особям домашнего скота [96, с. 248], то доместичированный характер ботайской лошади получает поддержку и с этой стороны.

Другой аргумент - это значительная доля в инвентаре как орудий для обработки продуктов животного происхождения (скребки, скребла, ножи, наконечники), так и изготовленных из кости.

В вопросе формирования ботайской культуры В.Ф. Зайберт стоит на позициях автохтонности ее носителей и эволюционности культурных, в том числе и хозяйственных, процессов. Из этого вытекает и аргумент общего свойства в том смысле, что им устанавливается относительная оседлость позднеэнеолитического населения степного Приишимья на основе его рыболовецкой специализации. То есть, так была сформирована сама объективная предпосылка для перехода населения к скотоводству, что в совокупности с освоением в процессе рыболовства различного рода способов и приемов заградительных способов ловли рыбы обусловило на рубеже неолита-энеолита доместикацию лошади. Да и сам долговременный характер жилищ и поселения Ботай, окружающая ландшафтная обстановка, особенности биологии лошади убеждают в мысли о скотоводческом характере местного энеолитического населения [196].

Определения костных остатков с поселений Солёное Озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка 1 произведены Л. А. Макаровой [64, с. 30, 31, 38]. Кумкешу 1 и Кожай 1 - Л.Л. Гайдученко [95; 96]. С Кумкешу 1 происходит 2391 определяемая

кость. Из них доля остатков лошади составила 43,7%, кулана - 1,6%, быка - 51,6%, сайги - 1,6%. На Кожае 1 собрано более 70 тыс. костей. Из них костей лошади - 66,1%, кулана - 9,4%, быка - 2,1%, сайги - 21,8% [95, с. 78]. С поселения Соленое Озеро 1 происходит 392 кости [94, с. 10].

Л.А. Макарова и Т.Н. Нурумов изучали кости и с терсекских, и с ботайских памятников. Поэтому и выводы, и аргументы, сформулированные в ходе их изучения, равным образом касаются лошадей обеих популяций и дополняют друг друга.

Изучение остеологической коллекции с терсекских памятников разными палеозоологами и с применением различных методов положительно сказалось на расширении спектра аргументов в пользу скотоводческого характера экономики этой культуры

Еще в 1990 г. Л.Л. Гайдученко предположил, что основа морфотипа энеолитической лошади Казахстана сформировалась в процессе гибридизации лошади Пржевальского с тарпаном - предком восточноевропейской домашней лошади, который попал на территорию Казахстана в результате регулярных связей местного населения с восточноевропейским через север Прикаспия-Южный Урал [190, с. 80-81].

Позже этот же исследователь рассмотрел морфобиометрические данные костных остатков лошади с Кожа 1 в ретроспективном аспекте и выявил, что они отражают интересную аномалию в естественной эволюции лошади как вида в казахстанском регионе в эпоху плейстоцена-голоцена. Примененный им метод базируется на системе методик, применяющихся в палеонтологии и неонтологии и заключающихся в оперировании не признаками отдельных остатков, а признаками отдельных особей, устанавливаемых на основании изучения от каждой особи одного остатка - пястной кости. Этот подход предназначен для изучения древних лошадей на организменном уровне и позволяет выявлять хозяйственные типы особей в структуре популяции и направления селекционной работы древних коневонов [96, с. 234-235].

Тенденция в естественной эволюции древней лошади (в силу естественных причин и прессы со стороны охоты на них) на протяжении плейстоцена и голоцена шла в направлении снижения рослости и повышения стройности конечностей. Л.Л. Гайдученко установлено, что в противоположность этой тенденции кожайская популяция лошади расплывается вширь (по показателям стройности конечностей) и ввысь (по показателям рослости) [96, с. 242-243]. Причину такой аномалии он видит во вмешательстве человека в природный процесс естественного отбора, что, в свою очередь, рассматривается исследователем как свидетельство искусственного разведения лошади, то есть скотоводства.

На одном из зубов остеологической коллекции Кожа 1 Доркас Браун определила явные следы воздействия удил. На основании своего опыта и наблюдений Л.Л. Гайдученко выделил такие следы еще на 4-х зубах [96, с. 244-245].

На основании самостоятельного анализа многочисленных и разнородных источников о диком крупном рогатом скоте на территории урало-казахстанских степей Л.Л. Гайдученко приходит к выводу, что со второй половины плейстоцена, а тем более в голоцене, тур в этом регионе не обитал, а все отнесения

изображений и костных остатков этого времени к туру он считает ошибочными. На этом основании (а также с учетом соответствующего замечания В.И. Цалкина) он считает ошибочным и отнесение Л.А. Макаровой и Т.Н. Нурумовым всех крупных костных остатков крупного рогатого скота и больших костяных стержней с памятников энеолита к туру [96, с. 248].

Л.Л. Гайдученкотакже была применена авторская методика анализа пригара на керамических сосудах. Успешное применение такой методики позволило привлечь новый вид источника для изучения проблемы не только рациона, но и характера хозяйства энеолитического населения. Метод был разработан ученым в 1997 г. Первые итоги его применения (на основе материалов Кумкешу 1 (41 сосуд) были опубликованы Л.Л. Гайдученко в 1998 г. [96, с. 249-250], а в сравнении с данными по неолиту - в 2000 г. [102]. Анализ пригара на керамической посуде показал, что 13% рациона жителей поселения Кумкешу 1 составляла молочная пища [102, с. 157].

Кустанайскими учеными было установлено, что земледелие и рыболовство не имели какого либо значения в жизни терсекцев, охота обеспечивала от 4% (Кумкешу 1) до 11% (Кожай 1) мясного рациона населения. Отсюда они делают логичный вывод о скотоводческой основе хозяйства терсекского поселения [95, с. 79].

В деле решения проблемы типа хозяйства населения эпохи энеолита Тургайского прогиба Л.Л. Гайдученко, С.С. Калиева, В.Н. Логвин наиболее важными и достоверными считают остеологические остатки с поселения Кумкешу 1, отдавая им приоритет перед костным материалом поселений Кожай 1 и Ботай [97, с. 27], поскольку в остеологических комплексах обоих памятников (Кожай 1 и Ботай) абсолютно преобладают костные остатки лошади, морфологические признаки доместикиции которых до настоящего времени практически неизвестны. В связи с этим вся приводимая исследователями аргументация в пользу скотоводческого облика энеолитической экономики на основе материалов этих двух памятников, по их мнению, носит косвенный характер.

Вместе с тем, кустанайские ученые при определении доместицированного характера быка с тургайских памятников предпочитают также исходить отнюдь не из морфобиометрических показателей остеологических остатков, так как они «всегда трансгрессируют как с современным крупным рогатым скотом, так и с туром» [95, с. 78]. Основной акцент делается на выявляемую ими такую особенность терсекского крупного рогатого скота, как комолость [95, с. 39].

Эти выводы привлекаются ими в качестве довольно сильного аргумента в пользу того, что и костные остатки лошади с памятников терсекского типа происходят от домашней формы [97, с. 32].

Кустанайские ученые ссылаются также на точку зрения Н.М. Ермоловой, которая считает, что костные остатки лошади с поселений, расположенных в ареале кулана, скорее всего, происходят от домашних животных [197, с. 14]. К кругу таких памятников, считают они, относится и поселение Кумкешу 1.

Доместицированность лошади и скотоводческий характер экономики устанавливается Л.Л. Гайдученко, С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным и по другим косвенным данным: 1) разное отношение на Кожае 1 к особям диких животных

и лошади. Для первых характерна высокая доля забитых молодых особей. Лошадь домашней считается, в этом случае, по принципу антитезы; 2) состав оружейного комплекса, направленного, в первую очередь, на обработку животного-водческого сырья; 3) наличие рецептуры формовочных масс керамики с добавлением навоза крупных животных [94, с. 11].

Необходимо еще раз вернуться к исследованиям палеозоологов. На материалах энеолитических поселений Солёное Озеро 1 и Ботай впервые в Казахстане применена статистическая обработка специально отобранного материала, происходящего из массовых коллекций с поселений энеолита, с последующей обработкой полученных измерений с помощью средств вычислительной техники [58]. Это позволило впервые для Казахстана получить ряд данных о разведении домашних животных и охоте. Л.А. Макаровой и Т.Н. Нурумовым были проанализированы костные остатки и дана исчерпывающая библиография и историография вопроса.

Л.А. Макарова и Т.Н. Нурумов довольно последовательно разграничивают две стороны проблемы освоения лошади в энеолите - проблему ее раннего разведения и проблему ее местной доместикиции. Они считают, что если для утверждения о разведении домашней лошади в энеолите есть все основания, то для выводов о самостоятельной доместикиции дикой лошади местным населением доказательств еще мало [58, с. 160].

Уверенные следы крупного рогатого скота они прослеживают только на поселениях ранней бронзы Рошинское, Баландино, Вишневка I, Сергеевка [58, с. 167], а мелкого рогатого скота - на поселении Кеноткель VIII [58, с. 172].

Кости животных с поселения Сергеевка были определены П.А. Косинцевым и А.И. Варовым [61]. Даже при наличии на поселении костных остатков мелкого рогатого скота кости лошади и крупного рогатого скота не были однозначно отнесены к домашней или дикой форме [61, с. 154-155]. Было установлено отличие сергеевской лошади от лошадей поселения Ботай и позднебронзового времени Северного Казахстана [61, с. 163-164]. Были определены остатки собаки, кулана, лося, благородного оленя, косули, медведя, волка, лисицы, бобра [61, с. 164-165]. Синкретичный состав животных (представителей как лесной, так и степной фауны) позволили П.А. Косинцеву и А.И. Варову высказать предположение о существовании поселения Сергеевка в лесостепном ландшафте [61, с. 165]. В целом хозяйство и образ жизни населения поселения Сергеевка определено ими как близкое к ботайскому типу, но с присутствием в стаде мелкого и крупного рогатого скота [61, с. 165].

В формулировке своих выводов о составе энеолитического стада к палеозоологам присоединяются Г.Б. Зданович и В.Ф. Зайберт. Они также отрицают существование в энеолитическом стаде овцы и коровы. Все те костные остатки последних, которые встречаются в неолитических слоях, по их мнению, есть следствие проникновения костей из верхних напластований эпохи бронзы. Они же отрицают и существование костей крупного и мелкого рогатого скота в терсекском стаде [196, с. 77].

Общей чертой для всех ученых, занимающихся проблемой доместикиции лошади в энеолите Южного Зауралья и Северного Казахстана, является апелли-

рование к мнению В.И. Цалкина и В.И. Бибиковой об одомашненном характере лошади (а также к фактам распространения скотоводческого хозяйства) в более ранних по времени и синхронных энеолитических и раннебронзовых культурах степи и лесостепи Восточной Европы [3, с. 200; 4, с. 108; 139, с. 15, 17].

Результаты исследований палеозоологов, анализ археологических комплексов, палеогеографической и палеоэкологической ситуации в энеолите с привлечением этнографических и теоретических материалов позволили в итоге ученым поставить вопрос о существовании в этот период производящего хозяйства.

Разработке подвергся вопрос о хозяйственно-культурном типе (ХКТ) энеолитического населения Северного Казахстана. Для первого этапа культуры (собственно ботайского - поселения Ботай, Красный Яр, Рощинское, Васильковка IV, Кожай 1, Бестамак и др.) В.Ф. Зайбертом реконструируется комплексный оседлый многоотраслевой ХКТ с доминантой коневодства и определенной ролью охоты, рыболовства, домашних промыслов. Функционирование такого ХКТ осуществлялось в рамках отгонной системы с существованием сезонных весенне-летних стоянок в Верхнем Приишимье и Притоболье и стационарных зимних поселений в районе кокчетавских сопок [3, с. 171-172]. На втором этапе культуры (постботайском - поселения Сергеевка, Баландино, Петровка, Кеноткель VIII) в условиях экологического и следовавшего за ним демографического кризисов этот ХКТ трансформируется в сторону повышения удельного веса присваивающих форм хозяйства, сокращения поголовья скота при одновременном заимствовании новых видов домашних животных. Активная часть населения мигрирует в соседние регионы [3, с. 156]. Таким образом, В.Ф. Зайбертом предполагается преодоление кризиса перенаселенности двумя путями из трех, сформулированных М.Ф. Косаревым [185, с. 236-237]: 1) путем примитивизации социально-экономического уклада (упадок культуры) и 2) путем миграции.

Кустанайскими учеными по ряду признаков в домостроении, локализации поселений, сезону их существования и забоя скота выделено три типа поселков терсекской культуры: зимние, летние и стоянки на отгонах [95, с. 79; 103, с. 9-10]. На основании этого формулируется представление о существовании у терсекцев кочевого типа скотоводства в его «полукочевом варианте» и отрицается наличие отгонного хозяйства [95, с. 80], реконструируемого В.Ф. Зайбертом. Они предполагают существование в III тыс. до н. э. на территории Тургайского прогиба кочевых маршрутов, сопоставимых «с зафиксированными здесь в исторический период» [95, с. 81]. Причем выделяется два направления кочевания терсекцев: в рамках одного региона (Тургайского прогиба) с Кумкешу 1 (юг, лето) на Соленое Озеро 1 (север, зима) и из одного региона в другой - с Кожая 1 (Тургайский прогиб, лето) к Сырдарье (зима) [95, с. 81].

Если ранние работы кустанайских ученых интерпретационного характера были посвящены стремлению реконструировать тип экономики и быта, а также обоснованию такого варианта реконструкции, то в последних их работах ранее только предполагаемое кочевое скотоводство терсекцев преподносится уже как научный факт и историческая реальность [103, с. 9-10].

Существует различие мнений и о путях и механизме перехода к скотоводству в конце каменного века Северного Казахстана. В.Ф. Зайберт и Г.Б. Зданович в своей статье «Основные закономерности становления хозяйства производящего типа в урало-казахстанских степях» [196] считают, что достигнутая в позднем неолите оседлость была необходимым условием для перехода к производящему хозяйству. Те приемы, способы, технические изобретения (заколы, запоры и др.), которые освоили атбасарцы для ловли рыбы, с таким же успехом стали, затем, применяться для ловли и содержания domestизируемых лошадей [196, с. 78-80]. Тем самым они ставят под сомнение устоявшееся мнение о невозможности одомашнивания животных, на которое ведется специализированная охота. Принципиальным моментом в раскрытии механизма одомашнивания лошади охотником они считают стремление использовать ее и как орудие труда. Поэтому для ботайцев реконструируется использование лошади в целях охоты, контроля и выбраковки лошадей, помещения их в загоны [196, с. 81].

С точки зрения обоснования технической и технологической возможности перехода неолитического населения Северного Казахстана к новому типу хозяйства построения В.Ф. Зайберта и Г.Б. Здановича. безупречны. Но требуют своего объяснения причины и механизм столь коренной ломки и изменения всего хозяйственно-культурного типа, которые, к тому же, археологически не прослежены.

Североказахстанские энеолитические памятники Г.Н. Матюшин считает позднесуртандинскими, сформированными в ходе миграции населения из Приозерья Южного Зауралья [141, с. 36-38]. Отличия в составе стада он объясняет интенсификацией скотоводства в степных условиях, что нашло выражение в специализации на коневодстве [140, с. 30]. Поэтому крупный рогатый скот разводят в ограниченном количестве, а мелкий рогатый скот исключается из стада. Ботай Г.Н. Матюшин относит к уже специализированному коневодческому поселению [141, с. 50].

В.Н. Логвин не исключает влияния на становление терсекской культуры и ее хозяйства более ранних по времени энеолитических скотоводческих общин восточноевропейских степей [11, с. 23]. Л.А. Макарова и Т.Н. Нурумов считают, что для выводов о самостоятельной domestикации дикой лошади местным населением доказательств еще мало [58, с. 160], и оставляют вопрос открытым.

В последнее время предполагается возникновение очага энеолитического скотоводства и в Павлодарском Прииртышье. Открытие на многослойной стоянке Шидерты 3 в Павлодарском Прииртышье своеобразного энеолитического комплекса дает основание В.К. Мерцу для выделения новой археологической культуры с производящей экономикой скотоводческой направленности [107, с. 14].

Определения остеологических остатков памятника сделаны Л.Л. Гайдученко и А.В. Гальченко [12, с. 99]. Л.Л. Гайдученко выделил кости лошади, domestизированного крупного рогатого скота, сайги, кулана, архара. А.В. Гальченко выделил также кости сурка, джейрана, муфлона и овцы. Соответствие костей овцы энеолитическому слою В.К. Мерцем ставится закономерно под сомнение [12, с. 99]. В то же время возникает вопрос, почему бы не сомневаться и в

энеолитической принадлежности костей лошади и крупного рогатого скота, имеющих ту же стратиграфическую позицию? Здесь мы видим, что в интерпретации остеологических данных присутствует некоторая доля субъективного начала.

Считаем, что пока преждевременно определение В.К. Мерцем шидертинского хозяйства как развитого пастушеского скотоводства с сезонным характером его ведения, основу которого составляет разведение лошади и крупного рогатого скота, при вспомогательной роли охоты [12, с. 99]. Пока оно базируется не столько на шидертинских материалах, сколько на выводах, сформулированных в процессе изучения ботайской и терсекской культур.

Таким образом, можно сделать ряд заключений по истории и содержанию вопроса об энеолитической экономике культур Северного Казахстана и Южного Зауралья. Данные о скотоводческом характере суртандинской культуры, привлекаемые Г.Н. Матюшиным, скудны в количественном отношении. А их приуроченность к неолитическим и энеолитическим комплексам была и остается проблематичной. В этом отношении материалы северо-казахстанских энеолитических памятников бесспорны. Они многочисленны и происходят из чистых комплексов. Самой большой проблемой остается отсутствие прямых доказательств доместики лошади в энеолите. Хотя сам облик культур и экологических ниш дает массу косвенных доказательств в пользу положительного решения вопроса.

Вместе с тем, полученные данные по разведению крупного рогатого скота (молочная диета, комолость скота, предполагаемая Л.Л. Гайдученко ошибочность отнесения ряда костей к туру) уверенно свидетельствуют о наличии в обеих энеолитических культурах Северного Казахстана скотоводческого хозяйства, а следовательно, и о принадлежности терсекской и ботайской лошадей к домашней форме.

На сегодняшний день можно уверенно судить о существовании скотоводства в Северном Казахстане в энеолитическую эпоху. В отношении суртандинской культуры этот вопрос продолжает оставаться открытым.

В.Ф. Зайберт, Г.Н. Матюшин, В.К. Мерц, С.С. Калиева идут по пути обоснования формирования отгонного или кочевого скотоводства на базе охотничье-рыболовецкого хозяйства, минуя земледельческую оседлость [9, с. 277-292; 12, с. 99; 94, с. 12; 196, с. 81], то есть в рамках концепции трех стадий: охота, скотоводство, земледелие.

В реконструкции кочевого характера скотоводства терсекцев кустанайские ученые идут вслед за Н.Я. Мерпертом и В.П. Шиловым, считавшими кочевниками население ямной культуры степей Восточной Европы. В свою очередь, мнение последних основывалось на выводах, сформулированных в работах В.И. Цалкина о доминировании в стаде ямников мелкого рогатого скота [198]. Однако в 1990-х гг. в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН была проведена работа по переоценке ранее опубликованных остеологических материалов с поселений энеолита-бронзы степи и лесостепи Восточной Европы [199]. Полученные результаты показали абсолютное доминирование в стаде в этом регионе на протяжении второй половины IV - рубежа II и I тыс. до н.э.

крупного рогатого скота. Поэтому Е.Е. Анитипина считает, что «в настоящее время по археологическим данным правомерно обсуждать для юга Восточной Европы в эпоху бронзы лишь 2 модели хозяйственного уклада, определяемого скотоводством: 1) оседлый, когда пастбищный выпас сочетался с необходимостью запастись значительное количество зимних кормов; 2) также оседлый, но с отгонным скотоводством, чем была занята часть степного населения» [199, с. 53].

По данным А.М. Хазанова, на которого ссылаются кустанайские ученые, в науке на сегодняшний день нет оснований для предположения о существовании кочевого скотоводства ранее начала I тыс. до н.э., а сами предпосылки для перехода к этому типу хозяйства сложились не ранее середины II тыс. до н.э. [200, с. 182-186]. Ссылки кустанайских ученых на определение понятия кочевого скотоводства, данное А.М. Хазановым [4, с. 118], в целом, носят формальный характер, поскольку реконструируемый ими тип терсекского хозяйства не соответствует конкретным признакам номадизма, сформулированным этим исследователем [200, с. 84-85].

Выдвинутая В.Ф. Зайбертом концепция отгонного скотоводства ботайской культуры более оправдана с точки зрения ее стадийного соответствия. Реконструируемый им хозяйственно-культурный тип получил серьезное теоретическое обоснование и представлен в виде слаженной системы взаимно обусловленных структурных элементов. Некоторые сомнения вызывает существование отгонов на столь дальние расстояния - до Кустанайского Притоболья и южно-тургайских степей.

В целом, изучение экономики эпохи энеолита таит в себе много нерешенных вопросов, свидетельством чего, собственно, и является развернувшаяся полемика по рассматриваемому вопросу.

4.4 Выводы

Выше нами проанализированы мнения, гипотезы, выводы специалистов-археологов в области изучения энеолита Северного Казахстана и Южного Зауралья по ряду ключевых вопросов.

В энеолитоведении Северного Казахстана до сих пор не преодолены противоречия по поводу выделения культур. Зародившись в начале 1980-х гг., они сохраняют свою остроту и по сегодняшний день. С нашей точки зрения, в этом вопросе более обоснована и менее уязвима для критики позиция В.Ф. Зайберта. Выделение и построение модели ботайской культуры поставлено В.Ф. Зайбертом на прочный теоретический фундамент. Им разработаны проблемы экологической ниши, хозяйственно-культурного типа ботайской культуры, ботайского социума, палеоэкономической структуры энеолита Североказахстанского региона в целом.

Апелляция кустанайских ученых к исследованиям А.А. Формозова неубедительна. Терсекские и ботайские материалы признаются археологами культурно близкими. К тому же именно ботайские материалы с самого начала были опорными в характеристике энеолита Северного Казахстана. Мы считаем, что разрешение сложившегося противоречия предпочтительно осуществлять по

южнозауральскому сценарию и по пути, предложенному В.С. Мосиным, то есть через объединение тургайских и приишимских памятников в составе одной культуры с компромиссным названием «ботайско-терсекская».

Большинством исследователей (Г.Н. Матюшиным, В.Ф. Зайбертом, В.Н. Логвиным, С.С. Калиевой) основной акцент в изучении энеолитической культуры был сделан на изучении раскрытии хозяйственной стороны жизни суртандинцев, ботайцев, терсекцев. Первым остро поставил вопрос о переходе энеолитического населения Южного Зауралья (а вместе с тем, и Северного Казахстана) к производящему хозяйству в форме скотоводства Г.Н. Матюшин. Однако не совсем логично его обоснование причин и механизма появления скотоводства у населения суртандинских озер и причин прекращения существования на них энеолитических памятников.

Г.Н. Матюшин, С.С. Калиева, В.Н. Логвин при изучении энеолитической экономики основное внимание уделяли только скотоводству. Вопросы домостроения кустанайскими учеными решались в тесной связи с изучением экономики энеолитического населения. Остальные сферы жизни общества и экономики удовлетворительного освещения не получили. В.Ф. Зайбертом, в силу его стремления реконструировать функционирование ботайского социума как системы, рассмотрены такие ее подсистемы, как экологическая ниша, палеоэкономическая структура, элементы социального устройства и духовного мира. В целом, для исследований В.Ф. Зайберта древней истории Северного Казахстана (и энеолита, в частности) характерен интерес к вопросам культурогенеза, которые он рассматривает в рамках адаптации населения к вмещающей экологической нише.

На сегодняшний день ситуация вокруг проблемы скотоводства на Южном Зауралье в энеолите характеризуется ее замалчиванием. Osteологические материалы, привлеченные Г.Н. Матюшиным, неубедительны, материалы поселений Южнозауральского Приозерья не дали костных остатков вообще, захоронение быков с поселения Кокуй II к эпохе энеолита не относится. В.С. Мосин вопросы экономики суртандинского и кысыкульского населения не рассматривает вовсе. Создается впечатление, что без получения новых, более представительных данных, идея скотоводческого характера экономики суртандинцев, отстаиваемая Г.Н. Матюшиным, со временем может стать более достоянием историографии, чем актуальным фактом. И ее воспроизведение в научных работах также может превратиться в переходящую ошибку.

Говорить о существовании скотоводства есть основания только для терсекской и ботайской культур. Первоначальные выводы, сделанные на основании контекста археологической культуры, неубедительных данных остеометрии, подтверждаются результатами применения новых методик с использованием достижений естественных наук. В ходе полемики по типу ХКТ сформировались две точки зрения - кочевой (С.С. Калиева, В.Н. Логвин, Л.Л. Гайдученко) и отгонный (В.Ф. Зайберт, В.К. Мерц).

В результате изучения нео-энеолитических памятников Зауралья, Западной Сибири и Казахстана археологи отошли от взглядов В.Н. Чернецова на существование в урало-казахстанском регионе в конце каменного века трансзональ-

ной общности на базе кельтеминарских стереотипов. Хотя наличие кельтеминарских наконечников стрел на энеолитических памятниках Притобольшья показывает частичную правоту взглядов В.Н. Чернецова. Выделение общностей стало осуществляться в рамках ландшафтных зон - степной и лесной.

Однако открытие в 1980-х гг. энеолитических памятников на территории Северного Казахстана, а затем и выделение здесь самостоятельных культур, в своих важнейших признаках схожих с рядом энеолитических культур Зауралья, заставило изучающих эти культуры археологов изменить свои взгляды на облик и содержание энеолитических общностей. В итоге, общности стали выделяться на основании техник и стиля орнаментации. Это, в свою очередь, заставило вернуться археологов к изначальным позициям - объединению в общность культур, памятники которых расположены в разных ландшафтных зонах. Тем самым подтверждается принципиальная правота взглядов В.Н. Чернецова.

Сформировались две традиции во взглядах на основу общностей: культурно-хозяйственную и этнокультурную, сложившиеся еще в начале 1950-х гг., в ходе дискуссии между А.А. Формозовым и В.Н. Чернецовым. Этнический характер общности признают В.Н. Чернецов, К.В. Сальников, Г.Н. Матюшин, М.Ф. Косарев, В.И. Матюшенко, С.С. Калиева и В.Н. Логвин, В.С. Мосин. Хозяйственно-культурный их характер - А.А. Формозов. В.Ф. Зайберт предпочитает воздерживаться от рассмотрения проблемы этнической интерпретации археологических культур и общностей, делая акцент на изучении социально-экономических вопросов.

Несмотря на разницу во взглядах на характер общности, ее хронологические рамки, сохраняется единство в отношении ее границ. Но со временем конкретизируется ее культурное содержание. В нее включают вновь выделяемые культуры. Нет единства в критериях объединения культур в общность и характере этой общности. Разница существует и во взглядах на время ее формирования: 1) в самом начале (С.Ф. Кокшаров) и 2) на втором этапе развития энеолитической культуры (А.Ф. Шорин, Н.М. Чаиркина).

По сути дела, традиция включения энеолитических комплексов Зауралья и Северного Казахстана с гребенчато-геометрической орнаментацией и отщеповой индустрией в одно целое берет свое начало с объединения А.А. Формозовым тургайских и орских памятников с открытыми К.В. Сальниковым кысыкульскими материалами в одну, терсек-карагайскую культуру. Тем самым исследователем осознавалось принципиальное единство материалов Южного Зауралья и Тургайского прогиба (кстати сказать, предложение В.С. Мосина отнести северотургайские материалы к кругу кысыкульско-суртандинских идут в русле воззрений А.А. Формозова и, по нашему мнению, подтверждают его правоту). К.В. Сальников, хотя и выступал за культурную самостоятельность кысыкульских материалов, все же признавал их сходство с тургайскими.

Таким образом, единство прослеживалось между только известными тогда терсекскими и кысыкульскими материалами в форме оппозиции: одна культура - родственные культуры. По этому же пути формировались взгляды Г.Н. Матюшина, который открытые в начале 1980-х гг. приишимские энеолитические памятники (в первую очередь, поселение Ботай) включал в круг одной культу-

ры - суртандинской. По сведениям кустанайских ученых, в круг суртандинских исследователей включал и северо-тургайские памятники. Таким образом, проявлением общности памятников Южного Зауралья и Северного Казахстана, по Г.Н. Матюшину, было происхождение энеолитического населения из одного центра.

Северо-казахстанские ученые стали с самого начала смотреть на проблему значительно шире, избегая «культуроцентризма». Возможно, на это повлияли претензии Г.Н. Матюшина на суверенитет ботайской культуры и, в то же время, нежелание следовать довольно-таки прямолинейному примеру интерпретации сходства материальной культуры памятников, расположенных на значительной территории. При этом В.Ф. Зайберт ограничивается территорией Урало-Иртышского междуречья, а идея экономического основания культурной общности становится ведущей для него и других исследователей ботайской культуры.

Археологические материалы и выводы археологов не подтверждают ограничения В.Ф. Зайбертом территории общности энеолитических культур рамками степной и лесостепной зон Урало-Иртышского междуречья. Следуя за ареалом распространения геометрической керамики, общность расширяется на север вплоть до Нижней Оби и Мало- и Большеземельской тундр. Все больше археологов следует идее этнолингвистической основы общности, в частности, праугорской.

Таким образом, два из трех рассмотренных ключевых вопросов (проблема культурной интерпретации памятников энеолита Северного Казахстана и вопросы экономического контекста энеолитических культур) актуальны исключительно для энеолитоведения Северного Казахстана и порождены как объективными, так и субъективными причинами. Третий вопрос - проблема моделирования общностей энеолитических культур региона имеет более глобальное значение и выходит даже за пределы Северного Казахстана и Южного Зауралья. Причина, порождающая ее, на наш взгляд, кроется в отсутствии у археологов консенсуса по поводу системообразующего общность элемента, а также о характере исторических процессов, происходивших в энеолите в Североказахстанско-Зауральском регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые энеолитические материалы в Северном Казахстане были получены неспециалистами и профессиональными археологами в 1937-1955 гг. В нач. 1970-х гг. энеолитические материалы в качестве особого комплекса были выделены Л.А. Чалой на стоянках Иман-Бурлук 2 и Пеньки 2. Однако основные исследования памятников энеолита в Северном Казахстане приходятся на вторую половину 1970-х - начало 1990-х гг. Крупнейшие и опорные памятники были здесь открыты в конце 1970-х - начале 1980-х гг. экспедициями и отрядами под руководством В.Ф. Зайберта, С.С. Калиевой, В.Н. Логвина и других археологов. Памятники локализуются в трех районах - Казахстанском Приишимье, степном Притоболье и южной части Тургайской ложбины. Основные полевые исследования сосредоточились на поселениях Ботай, Красный Яр, Васильковка IV, Рощинское (руководитель работ В.Ф. Зайберт), Кожай 1, Кумкешу 1, Каинды 3 (руководители работ С.С. Калиева и В.Н. Логвин). Стационарные раскопки продолжались до начала-середины 1990-х гг. В конце 1980-х - начале 1990-х гг. происходило исследование энеолитического слоя стоянки Шидерты 3 в Павлодарском Прииртышье.

В Южном Зауралье первый памятник, содержащий материалы эпохи энеолита - стоянка Кысы-Куль - была исследована в 1937 г. К.В. Сальниковым. Однако мы считаем, что целенаправленное и систематическое разведывание и изучение энеолитических памятников началось только с 1950-х гг., когда Н.П. Кипарисовой был открыт и исследован целый ряд стоянок на озерах Южнозауральского Приозерья: Абсеямовская, Чебаркульская, 1-я, 2-я и 4-я Иткульские, Сайма 3, 4, на материалах которых ею был впервые выделен и охарактеризован энеолитический тип керамики. В 1960-х - начале 1970-х гг. разведки и стационарные исследования энеолитических стоянок на озерах Южнозауральского Приозерья были продолжены Л.Я. Крижевской (затем Н.А. Федюновой). В 1958-1981 гг. Г.Н. Матюшиным был выявлен и исследован новый район распространения энеолитических памятников - озера Башкирского Зауралья.

В 1975-1980 гг. под руководством В.Т. Петрина исследовались стоянки на Аргазинском водохранилище. Целый ряд стоянок в конце 1970-х - 1980-х гг. был открыт разными отрядами экспедиций Челябинского университета, Челябинского областного музея и УКАЭ. Часть из них раскапывалась с участием или под руководством В.С. Мосина. Основная их доля располагалась в равнинной части Южного Зауралья. Таким образом, энеолитические памятники были выявлены на всей территории Южного Зауралья.

В Северном Казахстане было выделено две культуры. В.Н. Логвиным на территории степного Притоболья была выделена терсекская культура. Затем, терсекская культура С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным была распространена на территорию всего Тургайского прогиба, ее археологическая характеристика претерпела изменения. В.Ф. Зайбертом была выделена ботайская культура, локализуемая первоначально исследователем в пределах Казахстанского Приишимья. Впоследствии в составе ботайской культуры, как единой хозяйственно-территориальной системы, В.Ф. Зайберт стал объединять все энеолитиче-

ские памятники Северного Казахстана. На материалах энеолитического слоя поселения Шидерты 3 В.К. Мерцем поставлен вопрос о выделении энеолитической культуры в Павлодарском Прииртышье, что, однако, требует дополнительного археологического и теоретического обоснования.

В Южном Зауралье первую собственно раннеметаллическую культуру Южного Зауралья - дмитриевскую - выделила Н.П. Кипарисова из трансзональной шигирской культуры. В 1962 г. К.В. Сальниковым уже известные энеолитические материалы Южного Зауралья были разделены на четыре типа и выстроены в первую для эпохи пространственно-хронологическую схему. Реальность существования дмитриевской (Н.П. Кипарисова) и «боборыкинской» (Л.Я. Крижевская) культур, культурно-пространственной схемы К.В. Сальникова не подтвердилась. Ошибочным явилось отнесение К.В. Сальниковым к раннеметаллической эпохе и собственно боборыкинских материалов. Г.Н. Матюшиным и Л.Я. Крижевской памятники Южного Зауралья были обособлены в две синхронные культуры: суртандинскую на озерах Башкирского Зауралья (Г.Н. Матюшин) и кысыкульскую в Южнозауральском Приозерье (Л.Я. Крижевская). В.С. Мосин поставил под сомнение правомерность их обособления и объединил энеолитические памятники в одну культуру энеолита Южного Зауралья с компромиссным названием - «кысыкульско-суртандинская».

Из всех рассмотренных культур лишь в отношении ботайской культуры выделение и построение ее модели поставлено на прочный теоретический фундамент. Культурное единство памятников В.Ф. Зайбертом рассмотрено через призму понятия «археологическая культура». Им разрабатывались проблемы экологической ниши, хозяйственно-культурного типа ботайской культуры, ботайского социума, палеоэкономической структуры энеолита североказахстанского региона в целом. Выделение остальных культур происходило эмпирически.

В исследовании нами дан подробный сравнительный анализ: а) хронологии открытия и изучения энеолитических памятников Тургайского прогиба и Казахстанского Приишимья, б) информационной значимости материалов, положенных первоначально в основание выделения терсекской и ботайской культур, в) методологической обоснованности выделения этих культур, г) соответствующей аргументации исследователей материалов ботайских и терсекских памятников. В результате мы пришли к мнению, что объединение В.Ф. Зайбертом энеолитических памятников Северного Казахстана в составе одной культуры имеет веские объективные основания. Культурное же обособление терсекских памятников в качестве самостоятельной археологической культуры верифицируется слабо.

Еще в начале 1950-х гг., в ходе дискуссии между А.А. Формозовым и В.Н. Чернецовым было положено начало традиции выделения общностей конца каменного века в казахстанско-зауральском регионе. Тогда же ими было сформировано два направления во взглядах на основу общностей: культурно-хозяйственную и этнокультурную. Мы считаем, что эволюция взглядов на выделяемые общности шла параллельно с успехами в изучении неолита и энеолита. Выделение общностей сегодня осуществляется как на трансзональном, так и

на моноландшафтном принципах. Существует полемика в отношении территориальных масштабов, ландшафтных границ, динамики исторических процессов, критериев и оснований выделения энеолитической культурно-исторической общности. Однако существует идентичность во взглядах археологов на культурную близость энеолитических памятников Северного Казахстана и Зауралья.

Одним из важнейших направлений исследований энеолита рассматриваемых территорий было изучение экономической основы энеолитических культур обоих регионов, в первую очередь, доказательство ее производящего характера. При неспособности остеометрии выявить в костных остатках бесспорные свидетельства domestikации лошади, североказахстанские ученые пошли по пути применения разнообразных методик. Их результаты увеличивают банк доказательств в пользу скотоводческого характера терсекцев и ботайцев. Североказахстанскими археологами для энеолита реконструирован комплексный многоотраслевой ХКТ с доминантой скотоводства (коневодства для ботайской культуры и коневодства в сочетании с разведением крупного рогатого скота - для терсекской культуры). На сегодняшний день существует две более или менее обоснованные фактическим материалом модели реконструкции ХКТ для энеолита Северного Казахстана: отгонное скотоводство в ботайской культуре (В.Ф. Зайберт) и кочевое скотоводство в терсекской культуре (Л.Л. Гайдученко, С.С. Калиева, В.Н. Логвин). Постулирование существования отгонного скотоводства оправдано эпохально, находит соответствие в экологии Северного Казахстана и географии энеолитических поселений, но не является единственно возможным. Реконструкция кочевого скотоводства малоубедительна с точки зрения стадиального соответствия и характера археологического материала. Экономические реконструкции В.К. Мерца для энеолита Павлодарского Прииртышья пока не имеют собственного источникового обоснования.

Нами впервые дана критика источниковой базы экономических построений Г.Н. Матюшина и поставлена под сомнение правомерность его мнения о наличии скотоводства у населения суртандинской культуры.

Наиболее важные энеолитические памятники были открыты и изучены в Северном Казахстане. Это поселения Ботай, Красный Яр, Васильковка IV, Кожай 1, Кумкешу 1. Они характеризуются большими площадями, мощными непотревоженными и культурно-гомогенными культурными слоями, из которых происходят материалы по широкому спектру энеолитической культуры (камнеобработка, керамическое производство, скотоводство, охота, ткачество, домостроение, культовая сфера, погребальный обряд, антропологический тип, абсолютное датирование и др.). Материалы поселений изучены как традиционными методами археологии, так и с привлечением специалистов в области естественнонаучных методов и методик (таблица А8). Применение методов естественных наук позволило дать более полную характеристику энеолитической культуры и дало дополнительные аргументы в подтверждение производящего характера энеолитической экономики.

Материалы энеолитического слоя стоянки Шидерты 3 неrepresentative и неубедительны для предлагаемых В.К. Мерцем культурно-исторических рекон-

струкций.

Нами показано, что качество и состояние культурного слоя памятников энеолита Южного Зауралья, обусловленные характером осадконакопления на них, не позволяют однозначно решать основные вопросы истории материальной культуры местного населения в эпоху энеолита. Памятники дают чрезвычайно мало убедительных стратиграфических данных. Изучение материалов энеолитических памятников осуществлено с применением методов типологических и статистико-комбинаторных исследований (таблица А8). Дана характеристика камнеобработки, керамического производства, и очень ограничено - охоты, рыболовства, домостроения. Представления о ходе культурно-исторических процессов и периодизация строятся на основе типологических наблюдений. В силу отсутствия убедительной стратиграфии соответствующие выводы могут зависеть от изначальных установок конкретного исследователя. Практически все исследователи энеолита Южного Зауралья рассматривают историю материальной культуры с позиций эволюционизма и автохтонизма. Возможность культурно-исторических процессов иного характера не рассматривается.

Датирование ботайской и терсекской культур опирается на серию радиуглеродных дат, полученных независимыми лабораториями. Шидертинские материалы и памятники Южного Зауралья собственных абсолютных дат не имеют. Более ранний возраст ботайской культуры относительно других энеолитических образований Северного Казахстана и Зауралья заставляет внимательнее отнестись к существующим культурно-историческим реконструкциям.

В целом энеолитоведение обоих регионов строилось эмпирически, без опоры на достижения теории археологической науки, но с использованием прикладных методик и методов. Публикации практически не содержат теоретико-методологических обоснований и программ исследований конкретных памятников и культур. Исключение составляет изучение энеолитических памятников и материалов Казахстанского Приишимья коллективом ученых, возглавляемым В.Ф. Зайбертом.

Нами показано, что за период изучения памятников эпохи раннего металла на территории Южного Зауралья и Северного Казахстана произошли изменения в их эпохальной интерпретации. Памятники, относимые ранее К.В. Сальниковым, Л.Я. Крижевской, Н.П. Кипарисовой к раннебронзовой эпохе, сейчас уверенно считаются энеолитическими. Энеолит стал рассматриваться в качестве самостоятельной исторической эпохи региона. Мы считаем, что первым исследователем, который стал рассматривать энеолит казахстанско-зауральского региона в качестве культурно самостоятельной эпохи, был В.Ф. Старков.

Проведенный анализ истории изучения энеолитической культуры привел нас к выводу о том, что уже к началу 1990-х гг. было закончено, в целом, формирование современного представления об энеолите Северного Казахстана и Южного Зауралья. Был завершен процесс выделения региональных археологических культур, получивших разностороннюю характеристику. Был преодолен ряд разногласий и проблем.

Однако достигнутый уровень знаний ставит новые задачи перед исследователями энеолита, четче обозначает сложившиеся противоречия и нерешенные

проблемы.

Мы считаем, что на изучение энеолита в обоих регионах сильное влияние оказал субъективный фактор. А именно - обособленность и замкнутость исследований археологов, изучающих локальные группы памятников энеолитической культуры. Для исследования энеолита Южного Зауралья в 1960-е - 1970-е гг. характерно научное противостояние Г.Н. Матюшина и Л.Я. Крижевской, отсутствие у них взаимного плодотворного интереса к материалам раскопанных памятников. Это способствовало разобщению усилий в исследовании энеолита Южного Зауралья и привело к искусственному выделению на его территории двух однородных культур - кысыкульской и суртандинской. В Северном Казахстане к такому же результату привело изолированное изучение в 1980-е - 1990-е гг. памятников Казахстанского Приишимья (В.Ф. Зайберт) и Тургайского прогиба (С.С. Калиева, В.Н. Логвин). Стремление В.Ф. Зайберта объединить локальные группы памятников в одну культуру вызвали противодействие его кустанайских коллег. Действие субъективного фактора усиливалось также организационной разобщенностью исследователей.

Однако действие субъективного фактора имело и положительные последствия. Порожденная им научная конкуренция диверсифицировала направления исследований энеолитической культуры, стимулировала взаимную критику полученных результатов и сам научный поиск. Результаты исследований взаимно дополняли друг друга, формируя у научной общественности всестороннее представление об энеолитической культуре Северного Казахстана и Южного Зауралья.

Анализ публикаций показал, что еще с работ К.В. Сальникова и Н.П. Кипарисовой в энеолитоведении Северного Казахстана и Южного Зауралья утвердились идеи эволюционности и автохтонности в развитии местной культуры в конце каменного века и эпоху бронзы. Они стали доминирующими. Автохтонных взглядов придерживаются Г.Н. Матюшин, Л.Я. Крижевская, В.Ф. Зайберт. Живучесть этих идей продемонстрировали взгляды В.С. Мосина, высказанные им в докторской диссертации. Проблема первоначальных очагов энеолитической культуры каждым археологом решается в пользу изучаемой им территории. Новации в таком случае считаются стадияльными либо заимствованными. Некоторое исключение составляют взгляды Л.А. Чалой и В.Н. Логвина.

Господство автохтонно-эволюционистских идей блокирует саму возможность изучения иных путей и модусов формирования и развития энеолитической культуры Северного Казахстана и Южного Зауралья.

Ряд направлений и частных задач в изучении энеолита североказахстанскими учеными не был реализован.

Энеолитические исследования в Северном Казахстане и Южном Зауралье всегда имели ярко выраженную личностную окраску. Они инициировались и проводились исключительно отдельными личностями. Завершение работ тем или иным археологом автоматически означал и прекращение исследований. Поэтому преемственности в исследованиях энеолита Северного Казахстана и Южного Зауралья не сложилось. Мы считаем, что такое положение дел явилось следствием следующих факторов: 1) исследования энеолита проводились ар-

хеологами из разных научных учреждений (ИА АН СССР, ЛО ИАН СССР, Уральского госуниверситета, Челябинских пединститута, госуниверситета, областного музея, Серовского краеведческого музея, Петропавловского и Кустанайского пединститутов, Северо-Казахстанского и Кустанайского областных музеев); 2) складывание между отдельными археологами непростых личных и научных взаимоотношений; 3) изменение археологами предмета и региона исследования; 4) смена ими места работы и жительства; 5) уход из науки или из жизни.

В целом, первый этап исследования изучения энеолита, связанный с открытием и исследованием опорных памятников, выделением самостоятельной исторической эпохи и региональных археологических культур с разносторонней их характеристикой, уже пройден. Для реализации задач дальнейших исследований необходимо применение новейших естественнонаучных, информационных и математических методов.

Насущной является необходимость создания в Северном Казахстане регионального Научного центра Института археологии (или другой организационной формы), который бы на базе исследований одного из крупных энеолитических памятников производил подготовку квалифицированных научных кадров для изучения памятников энеолита и голоценовой эпохи Казахстана в целом. Это возможно проводить в сочетании с охранными работами на памятнике мирового значения - поселении Ботай.

Таким образом, в диссертации мы осуществили изучение и последовательное и системное изложение истории открытия и исследования энеолитической эпохи Северного Казахстана и Южного Зауралья. Тем самым нами составлена первая сводная историография энеолита Урало-Иртышского междуречья. Историографическое исследование позволило осмыслить пройденный наукой путь, вклад конкретных ученых в изучение эпохи, достигнутые результаты, порожденные противоречия и нерешенные проблемы. Результаты исследования направлены на формирование у научной общественности объективного представления о процессе изучения энеолитической культуры Северного Казахстана и Южного Зауралья. Все это служит целям оптимизации направлений и задач последующих исследований энеолитических культур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Алпатьев А.М., Архангельский А.М., Подоплёлов Н.Я., Степанов А.Я. Физическая география СССР /под общ. ред. А.М. Архангельского: в 2-х Ч. - М.: Высшая школа, 1965. - Ч. 2. - 558 с.
- 2 Чупахин В.М. Физическая география Казахстана /под ред. П.Д. Устименко. - Алма-Ата: Мектеп, 1968. - 260 с.
- 3 Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. - Петропавловск: Наука, Республика Казахстан, 1993. - 246 с.
- 4 Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. - Кустанай: Кустанайский печатный двор, 1997. - 180 с.
- 5 Мосин В.С. Мезолит-энеолит Южного Зауралья (проблемы культурогенеза): автореф. ... док. ист. наук: 07.00.06. - Новосибирск, 2005. - 55 с.
- 6 Кипарисова Н.П. О культурах лесного Зауралья // СА. - 1960. - № 2. - С. 7-24.
- 7 Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы //АЭБ. - Уфа, 1962. - Т. 1. - С. 16-58.
- 8 Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. - Ленинград: ЛГУ, 1977. - 160 с.
- 9 Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. - М.: Наука, 1982. - 328 с.
- 10 Зайберт В.Ф. Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Иртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. - Барнаул: АГУ, 1983. - С. 88-90.
- 11 Логвин В.Н. Неолит и энеолит степного Притоболья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. - Москва, 1986. - 26 с.
- 12 Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. - Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. - С. 75-102.
- 13 Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследования в области истории археологии // СА. - 1975. - № 4. - С. 5-13.
- 14 Матющенко В.И. Современное состояние сибирской археологии (конец XX-начало XXI века) // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы всероссийской научной конференции (Омск, ноябрь 2004 г.). - Омск: ОмГУ, 2004. - С. 27-31.
- 15 Холюшкин Ю.П. Место археологической историографии в системной классификации археологической науки // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях: сборник трудов. - Новосибирск: НГУ, 2003. - Вып. 6. - С. 8-14.
- 16 Тихонов С.С. К вопросу об изучении истории археологии Сибири // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы всероссийской научной конференции (Омск, ноябрь 2004 г.). - Омск: ОмГУ, 2004. - С. 27-31.
- 17 Мельникова О.М. Научные школы в контексте методологических проблем современной историографии археологии // Шестые исторические чтения

памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы всероссийской научной конференции (Омск, ноябрь 2004 г.). - Омск: ОмГУ, 2004. - С. 16-19.

18 Энеолит СССР. Археология СССР /отв. ред. тома В.М. Масон, Н.Я. Мерперт. - М.: Наука, 1982. - 360 с.

19 Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. - № 35. - 1953. - 359 с.

20 История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5-ти т. - Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, - 1968. - Т. 1. - 454 с.

21 Крижевская Л.Я. Южно-Уральская экспедиция // АО-1967. - М.: Наука, 1968. - С. 120-121.

22 Крижевская Л.Я. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западно-сибирского лесостепья // Сибирь и ее соседи в древности. - Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1970. - С. 153-162.

23 Крижевская Л.Я. Поздне- и посленеолитическое время на Южном Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М.: Наука, 1973. - С. 110-117.

24 Крижевская Л.Я. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла // ВАУ. Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете. 1-7 февраля 1961 г. Итоги полевых исследований на Урале в 1960 г. - Свердловск: УрГУ, 1962. - Вып. 2. - С. 27-32.

25 Косарев М.Ф., Могильников В.А. VI Уральское археологическое совещание // СА. - 1979. - № 2. - С. 294-299.

26 Старков В.Ф. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. - Тюмень: ТюмГУ, 1976. - С. 38-48.

27 Старков В.Ф. Культуры раннего металла в лесном Зауралье // ВАУ. - № 15. - Свердловск: УрГУ, 1981. - С. 66-70.

28 Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. - М.: Наука, 1980. - 220 с.

29 Ковалева В.Т. Энеолитическая эпоха в лесном Зауралье // Урал и проблемы региональной историографии. Феодализм. Первобытнообщинный строй: информационные материалы. - Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. - С. 96-101.

30 Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного - начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. - Екатеринбург: УрГУ, 1991. - С. 45-70.

31 Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. - М.: Наука, 1987. - 472 с.

32 Каменецкий С.И. Археологическая культура - ее определение и интерпретация // СА. - 1970. - № 2. - С. 18-36.

33 Аникович М.В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. - 1989. - № 4. - С. 115-127.

34 Чалая Л.А. Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1973. - С. 188-203.

- 35 Археологическая карта Казахстана. Реестр. - Алма-Ата: АН КазССР, 1960. - 449 с.
- 36 Чалая Л.А., Раскина И.А., Войтов В.Е. Результаты работ в Северном Казахстане // АО-1970. - М.: Наука, 1971. - С. 407.
- 37 Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1973. - 208 с.
- 38 Зайберт В.Ф. Исследования в Северном Казахстане // АО-1980. - М.: Наука, 1981. - С. 435-436.
- 39 Кисленко А.М. Раскопки поселения Рощинское // АО-1983. - М.: Наука, 1984. - С. 511.
- 40 Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвузовский сборник. - Челябинск: БГУ, 1985. - С. 3-17.
- 41 Мартынюк О.И. Керамика поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвузовский сборник. - Челябинск: БГУ, 1985. - С. 59-72.
- 42 Зайтов В.И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвузовский сборник. - Челябинск: БГУ, 1985. - С. 17-33.
- 43 Даниленко Т.А. Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвузовский сборник. - Челябинск: БГУ, 1985. - С. 34-47.
- 44 Плешаков А.А., Зайберт В.Ф. Рубящие орудия поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвузовский сборник. - Челябинск: БГУ, 1985. - С. 48-59.
- 45 Чернай И.Л. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвузовский сборник. - Челябинск: БГУ, 1985. - С. 93-109.
- 46 Зайберт В.Ф., Мартынюк О.И. Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай // КСИА. - 1984. - Вып. 177. - С. 81-90.
- 47 Мосин В.С. Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. - Санкт-Петербург, 1993. - 23 с.
- 48 Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья (сер. Этногенез уральских народов). - Челябинск: ЮУрГУ, 2003. - 220 с.
- 49 Глушкова Т.Н. Общие тенденции развития ткацкого дела в Сибири в древности // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии: сборник научных трудов. - Петропавловск: Отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. - С. 57-71.
- 50 Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. - Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1996. - 327 с.
- 51 Зайтов В.И. Развитие каменной индустрии в эпоху неолита-энеолита на территории Северного Казахстана: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. - Ленинград, 1988. - 26 с.

52 Зайтов В.И. Каменные перфорированные диски поселения Ботай // РА. - 1992. - № 2. - С. 136-146.

53 Плешаков А.А. Итоги экспериментальных работ по изготовлению каменных дисков и «утюжков» // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. - Петропавловск: Отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. - С. 194-204.

54 Тетюхин Е.Е. О так называемых «утюжках» // Маргулановские чтения: тезисы. - Петропавловск: ППИ, 1992. - С. 42-43.

55 Худяков В.В. К проблеме взаимодействия энеолитических племен казахстанского и урало-поволжского регионов // Маргулановские чтения: тезисы. - Петропавловск: ППИ, 1992. - С. 46-48.

56 Sandra O.A. Model for Incipient Horse Domestication Based on the Eneolithic Botai Culture and Modern Kazak Pastoralism // Paper delivered at the 62nd Annual Conference of the Society for American Archaeology. - Nashville, 1997. - P. 26-34.

57 Воробьев В.М. Некоторые вопросы изучения мезолитических рубящих орудий // СА. - 1979. - № 3. - С. 35-47.

58 Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). - Алма-Ата: Гылым, 1992. - 218 с.

59 Ермолова Н.М. Остатки млекопитающих из поселения Ботай (по раскопкам 1982 г.) // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии: сборник научных трудов. - Петропавловск: Отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. - С. 87-89.

60 Кузьмина И.Е. Лошади Ботая // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии: сборник научных трудов. - Петропавловск: Отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. - С. 178-188.

61 Косинцев П.А., Варов А.И. Костные остатки из поселения предандроновского времени Сергеевка // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии: сборник научных трудов. - Петропавловск: Отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. - С. 153-165.

62 Макарова Л.А. Предварительное определение костного материала из поселения Ботай // Отчет СКАЭ. - Петропавловск: ППИ, 1980. - С. 53-55.

63 Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. Домашние и дикие животные эпохи неолита и бронзы Центрального и Северного Казахстана (остеологический обзор к проблеме древнего скотоводства) // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. - Алма-Ата, 1988. - С. 89-98.

64 Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К проблеме коневодства в неолите-энеолите Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата: Наука КазССР. 1989. - С. 122-149.

65 Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В. Тайны древней степи. Исследования поселения Ботай в 2004-2006 гг.: коллективная монография. - Кокшетау: Издательский центр Кокшетауского университета, 2007. - 163 с.

66 Зайберт В.Ф., Даниленко Т.А., Горбунов В.С. К вопросу о реконструкции элементов конской сбруи по материалам энеолита-бронзы урало-

казахстанской лесостепи // Археология волго-уральских степей. - Челябинск: ЧелГУ, 1990. - С. 61-65.

67 Anthony D., Brown D. Bit Wear, Horseback Riding and the Botai Site in Kazakhstan // Journal of Archaeological Science. - New York, 1998. - 25 (4). - P. 331-347.

68 Зайберт В.Ф., Кисленко А.М., Иванов И.В. О реконструкции ботайских жилищ // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. - Барнаул: АГУ, 1983. - С. 141-143.

69 Кисленко А.М. О функциональной планировке жилищ на поселении Ботай // Маргулановские чтения: тезисы. - Петропавловск: ППИ, 1992. - С. 37-38.

70 Кисленко А.М. Опыт реконструкции энеолитического жилища // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии: сборник научных трудов. - Петропавловск: Отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. - С. 117-137.

71 Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительные сообщения о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: БГУ, 1984. - С. 121-136.

72 Levine M., Kislenko A. New Eneolithic and Early Bronze Age Radiocarbon Dates for North Kazakhstan and South Siberia // Cambridge Archaeological Journal 7:2. - October 1997. - P. 297-300.

73 Levine M., Kislenko A. New Eneolithic and Early Bronze Age Radiocarbon Dates for North Kazakhstan and South Siberia. In the book: Katie Boyle, Colin Renfrew & Marsha Levine. Ancient Interactions: East and West in Eurasia. - Cambridge: McDonald Institute Monographs, 2002. - P. 131-134.

74 Иванов И.В. Особенности изучения природных условий степной зоны в голоцене // Известия АН СССР. Серия географическая. - М., 1983. - Вып. 2. - С. 17-24.

75 Белецкая Н.П. О геоморфологии Северо-Казахстанской области // Вопросы региональной географии Казахстана. - Алма-Ата: КазПИ, 1983. - С. 59-63.

76 Кисленко А.М., Татаринцева Н.С. Культурно-хозяйственные комплексы палеометалла в Ишимской степи // Археология волго-уральских степей. - Челябинск: ЧелГУ, 1990. - С. 81-99.

77 Зайберт В.Ф. Основные направления и принципы палеомоделирования хозяйственных и производственных систем древности // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии: сборник научных трудов. - Петропавловск: Отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. - С. 3-9.

78 Зайберт В.Ф. Истоки // Вопросы археологии Казахстана: сборник научных трудов. - Алматы-Москва: Гылым, 1998. - Вып. 2. - С. 16-25.

79 Зайберт В.Ф. Ботайская культура // Коллектив авторов. Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи: научное издание. - Астана: Култегін, 2003. - Т. 1. - С. 39-60.

80 Логвин В.Н. Работы Тургайского музея // АО-1975. - М.: Наука, 1976. - С. 521-522.

- 81 Евдокимов В.В. Раскопки в Кустанайской области // АО-1976. - М.: Наука, 1977. - С. 510.
- 82 Логвин В.Н. Работы в Наурзумском заповеднике // АО-1978. - М.: Наука, 1979. - С. 537-538.
- 83 Могильников В.А. Разведка по Иргизу и Тургаю // АО-1979. - М.: Наука, 1980. - С. 437-438.
- 84 Махмутова К.С. Разведочные работы на Тоболе // АО-1979. - М.: Наука, 1980. - С. 436-437.
- 85 Логвин В.Н. Работы на р. Атагай // АО-1979. - М.: Наука, 1980. - С. 436.
- 86 Логвин В.Н. Работы Тургайской экспедиции // АО-1980. - М.: Наука, 1981. - С. 439-440.
- 87 Калиева С.С. Клад Аксу в степном Притоболье // СА. - 1988. - № 3. - С. 240-243.
- 88 Логвин В.Н. Энеолитические находки у села Ливановка // СА. - 1988. - № 4. - С. 232-234.
- 89 Логвин В.Н. Энеолитические памятники р. Каинды // ВАУ. - Свердловск: УрГУ, 1981. - С. 74-77.
- 90 Калиева С.С. Поселение Кожай I. - Алматы: Институт археологии им. А. Маргулана МН-АН РК, 1998. - 255 с.
- 91 Логвин В.Н., Калиева С.С. Терсекские памятники Тургайского прогиба // Древние культуры Северного Прикаспия. - Куйбышев: КГПИ, 1986. - С. 57-80.
- 92 Алексашенко Н.А., Викторова В.Д., Панина С.Н. Комплекс жилищ на IX участке Андреевского озера (характеристика каменных изделий) // Археологические исследования Севера Евразии: межвузовский сборник научных трудов. - Свердловск: УрГУ, 1982. - С. 28-38.
- 93 Ковалева В.Т., Сериков Ю.Б. Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования Севера Евразии: межвузовский сборник научных трудов. - Свердловск: УрГУ, 1982. - С. 39-52.
- 94 Калиева С.С. Энеолит Тургайского прогиба: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. - Ленинград, 1990. - 18 с.
- 95 Логвин В.Н., Калиева С.С., Гайдученко Л.Л. О номадизме в степях Казахстана в III тыс. до н. э. // Маргулановские чтения: материалы конференции. - Алма-Ата, 1989. - С. 78-81.
- 96 Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай I // Калиева С.С. Поселение Кожай I. Приложение 5. - Алматы: Институт археологии им. А. Маргулана МН-АН РК, 1998. - С. 234-254.
- 97 Гайдученко Л.Л., Калиева С.С., Логвин В.Н. О хозяйстве энеолитического населения Тургайского прогиба // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. - Караганда: КарГУ, 1989. - С. 27-33.
- 98 Калиева С.С. Жилища терсекской культуры // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: тезисы докладов межвузовской научной конференции. - Куйбышев: КГПИ, 1990. - С. 47-48.
- 99 Калиева С.С. К проблеме культурной атрибуции энеолитических памятников Тургай III тыс. до н.э. // Маргулановские чтения-1990: сборник материалов конференции, - М.: ИА АН СССР. 1992. - Ч. 1. - С. 54-59.

100 Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. - Алматы: Гылым, 1994. - С. 168.

101 Тепловодская Т.М. Результаты анализа технологических признаков // Калиева С.С. Поселение Кожай 1. Приложение 2. - Алматы: Институт археологии им. А. Маргулана МН-АН РК, 1998. - С. 232.

102 Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. - Челябинск: Аркаим, 2000. - С. 150-169.

103 Калиева С.С., Логвин В.Н. Очерк быта человека терсекского общества // Человек в пространстве древних культур: материалы всероссийской научной конференции. - Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», 2003. - С. 9-10.

104 Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1972. - С. 163-181.

105 Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий: учебное пособие к спецкурсу. - Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. - 92 с.

106 Гайдученко Л.Л. Неолитическая стоянка Телектес в Павлодарской области // СА. - 1979. - № 2. - С. 235-239.

107 Мерц В.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологических памятников Павлодарского Прииртышья // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. - Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. - С. 5-20.

108 Мерц В.К. Раскопки на стоянке Шидерты 3 // Маргулановские чтения: тезисы. - Петропавловск: ППИ, 1992. - С. 24-26.

109 Ковалева В.Т. Боборыкинская культура в Среднем Зауралье // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: тезисы докладов предстоящей областной конференции. 18-21 февраля 1986 г. - Оренбург: ОрГПИ, 1986. - С. 53-55.

110 Зах В.А. Периодизация неолита лесного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2006. - № 1. - С. 70-83.

111 Яблонский Л.Т. Восстановление лица по черепу человека из погребения на стоянке Шидерты 3 и проблема раннего расогенеза на территории Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. - Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. - С. 44-63.

112 Матюшин Г.Н. К проблеме энеолита Южного Урала // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. - Томск: ТомГУ, 1970. - С. 52-68.

113 Мосин В.С. Зауралье и Северный Казахстан в III тыс. до н.э. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: сборник научных статей. - Уральск: Западно-Казахстанский Центр истории и археологии, 2003. - Вып. 3. - С. 104-124.

114 Бибииков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. - XIII. - 1950. - С. 95-138.

- 115 Стоколос В.С. Мои «Старики» // Вестник ЧГПУ. Серия 1. Исторические науки. - Челябинск: ЧГПУ, 2005. - № 3. - С. 141-155.
- 116 Кипарисова Н.П. Чебаркульская неолитическая стоянка // КСИИМК. - 1955. - Вып. 59. - С. 54-60.
- 117 Кипарисова Н.П. Дневник Синарского отряда археологической экспедиции Челябинского областного музея в 1953 г. // Вестник ЧГПУ. Серия 1. Исторические науки. - Челябинск: ЧГПУ, 2005. - № 3. - С. 163-197.
- 118 Крижевская Л.Я. Южно-Уральская экспедиция // АО-1966. - М.: Наука, 1967. - С. 108-110.
- 119 Федюнева Н.А. Исследования в Ильменском заповеднике и Свердловской области // АО-1970. - М.: Наука, 1971. - С. 151-153.
- 120 Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время на Южном Урале и в прилегающих районах западносибирского лесостепья // Этногенез народов Северной Азии: материалы конференции. - Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, Институт истории, филологии и философии, 1969. - Вып. 1. - С. 72-74.
- 121 Крижевская Л.Я. Новые поселения южноуральского неолита // КСИА. - М.: «Наука». 1969. - № 117. - С. 102-108.
- 122 Крижевская Л.Я. Неолитическая стоянка Сокольская I на Волге // МИА. Труды Горьковской археологической экспедиции (Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья). - 1963. - № 110. - С. 30-48.
- 123 Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. - М.: Наука, 1970. - 180 с.
- 124 Галиуллина М.В. К реконструкции сырьевой базы ткацкого производства на поселении эпохи бронзы Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. - Челябинск: Аркаим, 2000. - С. 95-103.
- 125 Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. - Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1967. - № 144. - 207 с.
- 126 Матюшин Г.Н. Работы на Южном Урале // АО-1967. - М.: Наука, 1968. - С. 117-119.
- 127 Матюшин Г.Н. Стоянка Мурат на озере Узун-Куль (к вопросу о стратификации раннеголоценовых памятников Южного Урала) // СА. - 1965. - № 1. - С. 135-153.
- 128 Матюшин Г.Н. Исследования памятников каменного века на Южном Урале // АО-1966 года. - М.: Наука, 1967. - С. 106-108.
- 129 Матюшин Г.Н., Ошибкина С.В., Стоколос В.С., Федорова-Давыдова Э.А. Южно-Уральская экспедиция // АО-1968. - М.: Наука, 1969. - С. 142-144.
- 130 Матюшин Г.Н. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты на Южном Урале // КСИА. - М.: Наука, 1973. - № 136. - С. 67-76.
- 131 Матюшин Г.Н., Морозов Ю.А., Рыжов Ю.А., Туркина Л.Г. Исследования в горах Южного Урала // АО-1969. - М.: Наука, 1970. - С. 149-150.
- 132 Матюшин Г.Н. Раскопки неолитических поселений Урала // КСИА. - М.: Наука. 1969. - № 117. - С. 91-101.
- 133 Матюшин Г.Н. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабыкты III в Башкирском Зауралье // Древности Башкирии. - М., 1970. - С. 5-39.

- 134 Шорин А.Ф. О зауральской области ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики // ВАУ. - Екатеринбург: УрГУ, 1993. - С. 84-92.
- 135 Матюшин Г.Н., Красновская Л.В., Куйбышев А.В., Рыжов Ю.Ф. Южно-Уральская экспедиция // АО-1972. - М.: Наука, 1973. - С. 180-182.
- 136 Матюшин Г.Н., Рыжов Ю.В., Совиненко О.Н. Раскопки на оз. Банном // АО-1975. - М.: Наука, 1976. - С. 187-188.
- 137 Матюшин Г.Н., Нигматуллин Р.А., Рыжов Ю.Ф., Хотинский Н.А., Шевцова Л.Б. Исследования в зоне яшмового пояса Южного Урала // АО-1976. - М.: Наука, 1977. - С. 163-164.
- 138 Матюшин Г.Н. Исследования в Зауралье и Приуралье // АО-1979. - М.: Наука, 1980. - С. 156-157.
- 139 Матюшин Г.Н. О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала (предварительные результаты) // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. - Уфа, 1981. - С. 3-22.
- 140 Матюшин Г.Н., Морозов Ю.А., Рыжов Ю.Ф., Савинченко О.Н., Хотинский Н.А., Шевцова Л.Б. Исследования в Челябинской области // АО-1976. - М.: Наука, 1977. - С. 162-163.
- 141 Матюшин Г.Н. Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века // Природа и человек. - М.: ИА АН СССР, 1988. - С. 21-50.
- 142 Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит восточно-европейской лесостепи: вопросы происхождения и периодизации культур. - Куйбышев: КГПИ, 1985. - 118 с.
- 143 Матюшин Г. Н. Время и природные условия сложения производящего хозяйства на Урале // КСИА. - 1985. - № 181. - С. 117-122.
- 144 Васильев И.Б. Поздний энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. - Ижевск: Удмуртский Институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1990. - С. 52-69.
- 145 Чаиркина Н.М. Зауральско-Североказахстанская культурно-историческая общность эпохи энеолита // XIII Уральское археологическое совещание (23-25 апреля 1996 г.): тезисы докладов. - Уфа: Восточный институт экономики, гуманитарных наук, управления и права, 1996. - Ч. 1. - С. 44-45.
- 146 Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья / Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д., Боталов С.Г.: в 2-х т. - Челябинск: ЮУрГУ, 2000. - Т. 1. - С. 21-240.
- 147 Беспрозванный Е.М. Бочаров В.Н., Нохрина Т.И., Петрин В.Т., Чаиркин С.Е. Исследования на побережье Аргазинского водохранилища // АО-1977. - М.: Наука, 1978. - С. 155.
- 148 Петрин В.Т., Нохрина Т.Н., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). - Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1993. - 211 с.
- 149 Еремеев В.Г., Коноркин В.М., Маслобоева Н.М. Исследования на озерах Среднего и Южного Урала // АО-1977. - М.: Наука, 1978. - С. 172.
- 150 Шорин А.Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла: межву-

зовский сборник научных трудов. - Куйбышев: КГПИ, 1982. - Т. 263. - С. 183-188.

151 Кисленко А.М., Малютина Т.С., Татаринцева Н.С. Разведки в Челябинской области // АО-1977. - М.: Наука, 1978. - С. 182.

152 Мосин В.С. Уфа IV - новый памятник эпохи энеолита в Южном Зауралье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: БГУ, 1984. - С. 97-104.

153 Мосин В.С., Беспрозванный Е.М. Новые материалы со стоянок каменного века оз. Чебаркуль // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: БГУ, 1985. - С. 72-93.

154 Зданович Г.Б., Таиров А.Д. Работы в Челябинской области // АО-1981. - М.: Наука. 1982, - С. 147-148.

155 Мосин В.С. Стоянки-мастерские у с. Стрелецкое // Новое в археологии Южного Урала: сборник научных трудов. Серия Южный Урал: Природно-географические факторы и историко-культурные процессы. - Челябинск: Рифей. 1996, - С. 62-77.

156 Мосин В.С. Нео-энеолитические стоянки в лесостепи Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: труды музея-заповедника «Аркаим». - Челябинск: Аркаим, 1996. - С. 4-21.

157 Мосин В.С. Стоянка Бурли II и некоторые вопросы энеолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала: сборник научных трудов. Серия Южный Урал: Природно-географические факторы и историко-культурные процессы. - Челябинск: Рифей, 1996. - С. 48-61.

158 Мосин В.С. Стоянка Краснокаменка // Известия Челябинского научного центра. - Снежинск: ЧНЦ УрО РАН, 1999. - Вып. 3. - С. 72-75.

159 Мосин В.С. О раннем энеолите Южного Зауралья // XIV Уральское археологическое совещание: тезисы. - Челябинск: Рифей, 1999. - С. 34.

160 Мосин В.С. Стоянка Агаповка I и вопросы периодизации зауральского энеолита // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. - Орск: Институт Евразийских исследований, Институт степи УрО РАН, 2000. - С. 25-36.

161 Вохменцев М.П. Энеолит лесостепного Притоболья: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. - М., 2000. - 26 с.

162 Сальников К.В. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. - М.: АН СССР, 1961. - № 85. - С. 3-10.

163 Генинг В.Ф. Уральская комплексная археологическая экспедиция // АО-1966. - М.: Наука, 1967. - С. 102-106.

164 Формозов А.А. Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. - 1959. - № 2. - С. 47-59.

165 Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волгоуральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла: межвузовский сборник научных трудов. - Куйбышев: КГПИ, 1982. - Т. 263. - С. 159-172.

166 Викторова В.Д., Юровская В.Т., Казимирова Л.В. Работы на оз. Андреевском в Тюменской области // АО-1969. - М.: Наука, 1970. - С. 190.

167 Алексашенко Н.А., Викторова В.Д., Панина С.Н. Жилища Андреевского озера (IX участок) // Древние поселения Урала и Западной Сибири: сборник научных трудов. - Свердловск: УрГУ, 1984. - С. 15-32.

168 Ковалева В.Т., Потемкина Т.М. Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол // КСИА. - М.: Наука, 1980. - №161. - С. 91-97.

169 Крижевская Л.Я. Изучение неолита в Южном Зауралье. АО-1965. - М.: Наука, 1966. - С. 64-65.

170 Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // Вопросы археологии Приобья. - Тюмень: ТюмГУ, 1976. - С. 21-29.

171 Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. - Екатеринбург: УрО РАН, 2008. - 196 с.

172 Логвин В.Н. Новые данные по хозяйству терсекского населения // Маргулановские чтения: тезисы. - Петропавловск: ППИ, 1992. - С. 40-42.

173 Логвин В.Н., Калиева С.С. Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан) // СА. - 1984. - № 1. - С. 235-241.

174 Логвин В.Н. О времени и путях сложения энеолита в степях Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. - Караганда: КарГУ, 1987. - С. 13-25.

175 Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. - М.: Наука, 1978. - 272 с.

176 Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орска // КСИ-ИМК. - 1951. - Вып. 36. - С. 115-121.

177 Формозов А.А. Памятники древности Наурзумского заповедника // Вестник Каз. ФАН СССР. - 1946. - № 4(13). - С. 50-52.

178 Формозов А.А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. - М.; Л., 1950. - № 15. - С. 64-75.

179 Захаров С.В. Сравнительный анализ поселений и жилищ ботайской и суртандинской культур // Десятилетие суверенного Казахстана: история и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. - Петропавловск: Северо-Казахстанский государственный университет, 2002. - Т. 1. - С. 126-132.

180 Чернецов В.Н. Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита (доклад, прочитанный на сессии ОИН в марте 1970 г.) // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М.: Наука, 1973. - С. 10-17.

181 Сальников К.В. Итоги изучения памятников эпохи бронзы на Южном Урале // СА. - 1968. - № 1. - С. 3-9.

182 Матющенко В.И. Некоторые вопросы связи племен Урала и Западной Сибири // ВАУ. Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете. 1-7 февраля 1961 г. Итоги и проблемы изучения археологии Урала. - Свердловск: УрГУ, 1961. - Вып. 1. - С. 109-116.

- 183 Косарев М.Ф. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья // СА. - 1966. - № 2. - С. 24-32.
- 184 Косарев М.Ф. Итоги работ Западно-Сибирской экспедиции Института археологии АН СССР за 1970-1976 гг. // ВАУ. - Свердловск: УрГУ, 1981. - С. 14-17.
- 185 Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М.: Наука, 1981. - 278 с.
- 186 Косарев М.Ф. Условия сложения культур бронзового века в Западной Сибири // ВАУ. - Свердловск: УрГУ, 1981. - С. 78-80.
- 187 Чеснов Я.В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. - М.: Наука, 1982. - С. 109-123.
- 188 Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. - Свердловск: УрГУ, 1988. - 184 с.
- 189 Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. - 1951. - Вып. 39. - С. 3-18.
- 190 Гайдученко Л.Л. Основа и ранние этапы доместикации лошади в Казахстане // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: тезисы докладов межвузовской научной конференции. - Куйбышев: КГПИ, 1990. - С. 80-81.
- 191 Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. Каменный век на территории СССР. - 1970.- № 166.- С. 157-171.
- 192 Кокшаров С.Ф. Восточноуральская культурно-историческая общность эпохи энеолита // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. - Екатеринбург: Институт истории и археологии, УрГУ, 1993. - С. 88-90.
- 193 Мещеряков Д.В., Моргунова Н.Л. К проблеме происхождения коневодства на Южном Урале // Вопросы археологии Западного Казахстана: сборник научных трудов. - Самара: Диалог, 1996. - Вып. 1. - С. 46-53.
- 194 Эверстов С.И. Рыболовство Сибири. - Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. - 144 с.
- 195 Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю. Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале: сборник научных трудов. - Свердловск: УрО АН СССР, 1989. - С. 153-164.
- 196 Зданович Г.Б., Зайберт В.Ф. Основные закономерности становления хозяйства производящего типа в урало-казахстанских степях // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале: сборник научных трудов. - Свердловск: УрО АН СССР, 1989. - С. 70-83.
- 197 Ермолова Н.М. О времени появления скотоводства у древнейшего населения степной Азии // Проблемы археологии степной Евразии: тезисы докладов. - Кемерово: Институт истории, филологии и философии СО АН, КемГУ, 1987. - Ч. 1. - С. 10-15.
- 198 Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. - М.: Наука, 1970. - 280 с.

199 Антипина Е.Е. Скотоводство эпохи бронзы в степной полосе Восточной Европы // XIII Уральское археологическое совещание (23-25 апреля 1996 г.): тезисы докладов. - Уфа: Восточный институт экономики, гуманитарных наук, управления и права, 1996. - Ч. 1. - С. 52-53.

200 Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. - Алматы: Дайк-Пресс, 2002. - 604 с.